

Ксения Руднева

СЕМЕЙНЫЙ БИЗНЕС.

От перемены мест...

После долгих колебаний Маша все-таки решается последовать за Егором в его родной город. Тем более мужчина оставил прощальный подарок — авиабилеты с открытой датой, который вроде как прозрачно намекал: девушку там ждут. По приезду оказалось — действительно ждали: и Соболев, и новые неприятности, и очередное расследование в придачу...

Глава 1

За окном вот уже который час подряд барабанил дождь. Крупные капли вдребезги разбивались о невидимую глазу преграду на десятки себе подобных, а в том месте, где мой нос соприкасался с гладкой поверхностью образовалось неправильной формы запотевшее пятно. Тоска разъедала внутренности словно ржавчина забытые хозяином и Богом "Жигули". Серость снаружи отлично сочеталась с меланхолией, давно поселившейся у меня внутри: непонятные чувства, безотрадные мысли обо всем. Лишь обязательные сообщения с пожеланиями "доброго утра" и "спокойной ночи" ненадолго добавляли красок в хмурые будни. Сообщения, которые я непременно оставляла без ответа.

Было это желанием проверить чувства отправителя, или же тут крылась необходимость разобраться в самой себе, я толком понять не могла. Но каждый раз пальцы оказывались неподвижны, будто какие-то незримые силы брали их под контроль и не давали набрать даже банальное "и тебе". Но смс я тем не менее каждый раз ждала с нетерпением. А в особо бессонные ночи даже перечитывала по нескольку раз.

Я выдохнула через нос в последний раз, проследила, как от теплого воздуха образуются дорожки на стекле, скрывая часть промокшего насквозь летного поля, и отошла к сиденьям. Из-за непогоды, так характерной для нашего города в любое время года, рейс задерживали. Я была вынуждена слоняться по терминалу, терзаясь попутно вопросом: "а нужно ли вообще лететь?". Точного ответа я не знала, хотя Соболев бы сказал, что непременно, тем более, что на ближайшем рейсе нашлось свободное место — это ли не знак?

С последней нашей встречи прошло почти два месяца, а я только сейчас решилась воспользоваться его прощальным подарком — на флешке, что он вложил мне в руку, оказались электронные билеты на мое имя с открытой датой. Именно поэтому я так долго и не могла решиться. Вот если бы их срок истекал, скажем, через пару недель после отлета Егора... Тогда бы я не маялась от неуверенности столько времени.

Хотя, еще тогда в аэропорту я решила, что покину родной город только после того, как разберусь с собственной жизнью. В противном случае мой отъезд выглядел бы как побег от родителей, их непомерных требований и общей жизненной неустроенности.

И надо сказать, в этом я почти преуспела, благо Анатолий Яковлевич, мой бывший преподаватель, помог с работой, и официанткой или экскурсоводом устраиваться не пришлось. Так что трудилась я последние месяцы в должности администратора в одной из частных картинных галерей города. Родители, скрипя зубами, смирились. И с переездом на съемную квартиру тоже, и даже помогли с задатком. А мама после нескольких недель молчания не выдержала и позвала по магазинам — ее вариант детско-родительских отношений. Я благоразумно согласилась, однако, тему моего несостоявшегося замужества и последовавших за этим отношений с Соболевым мы не поднимали. Сама не знаю почему, но обсуждать Егора с кем бы то ни было я категорически отказывалась.

И вот в это дождливое сентябрьское утро — осень в этом году не задержалась ни на денек, сделав вид, что о бабьем лете и не слыхивала, — я оказалась в аэропорту, вместо того, чтобы сидеть на занятиях в университете и, глядя в рот преподавателям, постигать дальнейшие премудрости профессии. Стоило ли вообще тогда подавать туда документы и поступать в магистратуру? Бакалавр — вроде как тоже высшее образование.

В собственное оправдание я убеждала саму себя, что лечу всего лишь на выходные, и со следующей недели буду посещать учебу как положено. В свободное от работы время, конечно же, благо магистрам у нас делают поблажки.

Интересно, какая у них там погода? Смартфон выдал чуть ли не двадцать градусов тепла и переменную облачность. Глядя на ливень снаружи, верилось в это с трудом. Почему-то мне на тот момент казалось, что нет такого места, где не бесчинствовал бы дождь в солидарность с моим настроением.

Надеюсь, что угадала с одеждой. "Хотя чего это я, Соболев же легко мне купит то, что нужно" — я криво усмехнулась, вспоминая годовщину свадьбы родителей. Платье и туфли я, кстати, у Вики так и не забрала.

Куда себя деть я не знала: приобретенная в киоске на первом этаже книга словно была написана на чужом, незнакомом языке. Слова все никак не хотели складываться в предложения, а те, в свою очередь, не спешили обретать хоть какой-то человеческий смысл. Глядя с укоризной в глаза автора, чье фото было изображено на задней стороне обложки, я мысленно у того вопрошала, как можно было написать такую абракадабру. Хотя подозреваю, что мужчина со странной фамилией в моих трудностях был не виноват.

Что касалось еды, предоставленной в бизнес-салоне на любой вкус, — то все, что только было можно, я уже опробовала, рискуя весь полет провести с расстегнутой из-за набитого живота пуговицей на джинсах. Так что развлекала я себя тем, что разглядывала пассажиров, как и я застрявших здесь на неопределенное время, вопреки собственному статусу и возможностям. Однако, ничего интересного взгляду найти не удалось: кто-то ел, шурша обертками, мужчины в костюмах сидели, как один, сложив нога на ногу и уткнувшись кто в газеты, а кто в журналы. Некоторые сидели с макбуками на коленях. Особо деловые начальственным тоном раздавали указания по мобильникам. Несколько человек и вовсе умудрились уснуть, развалившись на мягких диванах. А что, барабанящий в окна дождь этому очень даже способствовал, создавая в паре с общим гулом помещения своеобразную колыбельную.

Но вот капли принялись стучать по стеклу все реже и реже, пока не ко времени разбушевавшийся ливень и вовсе не превратился в противную морось. Диспетчер объявил о начавшейся посадке, и народ начал потихоньку вставать с пригретых мест.

В салоне мне досталось кресло по соседству с чрезвычайно важным мужчиной, занятым весь почти трехчасовой полет лишь вышеупомянутым макбуком, так что напрягаться и развлекать попутчика вежливой болтовней не пришлось. И я даже смогла немного поспать после того, как опять поела принесенный стюардессой обед и незаметно расстегнула пуговицу, прикрыв себя для надежности курткой. Хотя сосед оказался так занят, что я могла бы лишний раз не беспокоиться.

Приземлившись в тысячах километров от дома, я малодушно решила звонить Егору не сразу, а для начала разместиться в гостинице, потому во время полета озаботилась поиском приличного отеля, в котором бы нашелся свободный номер, что был мне по карману. Задача оказалась не из легких, но я справилась, в который раз вспомнив бывшего преподавателя добрым словом — все-таки платили мне в галерее гораздо выше среднего, и, если бы не своевременная протекция, моя самостоятельная жизнь не началась бы так радужно. Если бы вообще, конечно, началась, а не была задавлена в зародыше мамой и ее железными аргументами.

Чужой город встретил теплом и солнышком, от которых за последние дни я уже успела

отвыкнуть. Если верить командиру корабля, за бортом нас ожидало девятнадцать градусов тепла, что позволяло запихнуть кожаную куртку за ненадобностью в рюкзак, который заменял мне дамскую сумочку в этом спонтанном путешествии.

Первым делом в зале прилета я наткнулась, конечно же, на улыбающихся мужчин, вооруженных пышными букетами и встречающих, очевидно, свои половинки.

"Если бы кому-то хватило смелости хотя бы написать, на одного мужчину с букетом в этом зале было бы больше" — не без грусти попеняла я самой себе и продолжила путь в одиночестве. Но не успела я сделать и пары шагов, как кто-то с возгласом "попалась, птичка!" схватил меня за локоть. Не долго думая, — после июльских событий я стала немного нервной — я развернулась и со всей силы двинула наглецу кулаком по голове. Как оказалось, попала в ухо.

— Я тоже рад тебя видеть. — произнес Соболев, потирая пострадавший орган и недоуменно глядя на меня.

Думаю, что мой ответный взгляд по степени выразительности Егоровскому не уступал. Будучи совсем не в силах вымолвить и слова, не говоря уж о полноценных извинениях, я стояла, стиснув ладонями рот, и пялилась на мужчину, которого уж точно не ожидала здесь увидеть. Очевидно, сделав вывод, что отмирать в ближайшее время я не собираюсь, Егор снова взял меня за локоть и, подхватив чемодан, повел на выход со словами:

— Идем, пока тебя не загребли, воительница.

Я семенила за мужчиной и пыталась понять, как опять так получилось, что я снова не контролирую то, что происходит вокруг. Причем случается такое преимущественно в компании Егора.

— А почему ты здесь? — попробовала я разобраться в ситуации. Не то чтобы я была совсем не рада его видеть, но все же рассчитывала, что хоть какое-то время на моральную подготовку у меня в запасе еще есть.

— Где здесь? В городе? В аэропорту? Рядом с тобой? — Егор поднял бровь, делая вид, будто не понимает, что именно привело меня в недоумение.

Я вздохнула и переиначила вопрос:

— Как ты узнал, что я прилетаю?

— Шутишь, птичка? — он обернулся. — Ты пропала почти на два месяца, не ответила ни на одно сообщение, неужели думаешь, что я как идиот ждал все это время вслепую. Конечно же я интересовался твоей жизнью. Кстати, поздравляю с удачной работой!

— Ты следил за мной! — я не могла поверить, что он действительно это делал и вот так просто, не смущаясь, говорил об этом. Тактичность и муки совести — точно не про Соболева. А еще неприкосновенность частной жизни!

— Ну если бы ты сама обо всем рассказывала, мне не пришлось бы подключать Леху. — пожал он плечами, после того, как закинул чемодан в багажник. — Или ты думаешь, что я должен был все пустить на самотек и гадать на ромашке, соизволишь ты прилететь на этой неделе, или опять нет? Я же не мальчик. — покачал он головой.

— Мне нужно было прийти в себя и все обдумать. И вообще, это ты виноват, что мне пришлось съехать от родителей, если помнишь! — некоторая справедливость Соболевских претензий заставила быстро перейти в наступление. Пусть не думает, что сможет так легко меня виноватой выставить.

— Вот я и предоставил тебе такую возможность. Надеюсь, вопрос исчерпан, и теперь я могу с тобой как следует поздороваться? — он не спеша приблизился и притянул к себе. Я

какое-то время стояла неподвижно, вцепившись обеими руками в рюкзак, что оказался между нами, но потом отбросила его прочь и включилась в процесс.

— А куда мы едем? — спросила я уже в машине, после того как смогла перевести дух от Соболевского приветствия, и старалась делать вид, что ни капли не взволнована, а вопрос "как вести себя с этим мужчиной в условиях полнейшей неопределенности" не стучал молотком в голове.

Хотя все еще подрагивающие руки выдавали меня с головой. Сказать, как долго мы целовались возле машины, не могу, но к тому моменту, как я заняла пассажирское место в черном внедорожнике, солнце за горизонт еще не ушло... Что ж, похоже Егор и правда рад меня видеть.

В родном городе Соболев водил агрессивный и мощный на вид "Мерседес" последней модели. На крайний случай — предпоследней, но это маловероятно: хотя я слабо интересуюсь новинками автопрома, предпочтения Соболева успела изучить хорошо.

— Ко мне. — прозвучал неутешительный ответ. Спрашивается, чего еще я ожидала?

— Так сразу? Вообще-то я отель заказала, и предоплату внесла. — попасть к нему домой я вовсе не спешила, от чего чувствовала себя девочкой, которой предстоит первая в жизни ночь с мужчиной. И которая этого ждет — не дожидается, боясь признаться даже самой себе, но все равно изо всех сил оттягивает "решающий момент".

— У меня достаточно просторно, так что поместимся. — не повелся на мои капризы Соболев.

— Вот сам тогда бронь и отменяй, раз такой умный. И чтобы предоплату мне вернули: не все тут могут себе позволить честно заработанными деньгами разбрасываться направо и налево. — препираться в этом случае с Егором было бесполезно, вот я и начинать не стала, но не попытаться оставить последнее слово за собой, не смогла.

— Хорошо, я передам секретарю. — сверкнул зубами Соболев, а мне, конечно же, захотелось по этим самым зубам съездить чем-нибудь потяжелее.

Спорить вроде больше было не о чем, и я заняла себя тем, что стала разглядывать сквозь тонированное окно чужой город. От нашего он отличался не сильно — разве что населения было поменьше и площадь, а так все те же торговые комплексы, высотки, пробки и иже с ними. Даже метро есть — в общем, все как я привыкла.

Жил Егор, в отличие от меня, один в современной квартире с окнами в пол на последнем этаже одной из недавно возведенных высоток. В самом центре города, конечно же. Поблизости исторические здания, парки и все в таком роде... Как выяснилось впоследствии, квартира была разделена на две части: общую, с кухней, гостиной, объединенной со столовой, различными хозяйственными помещениями и гостевым санузлом и частную, что была в разы больше и вмещала в себя хозяйскую спальню, кабинет, несколько санузлов, обширную террасу и парочку пустующих помещений, предназначение которых так и осталось для меня загадкой. А чтобы попасть на хозяйскую территорию, нужно было воспользоваться ключом-карточкой. Но дверь, разделяющая помещение, по большей части оставалась открытой ввиду отсутствия посторонних на территории.

— А тебе одному не жирно? — присвистнула я, оглядывая уж слишком просторный холл с самым что ни на есть современным дизайном. А в том, что над помещением поработал дизайнер, я не сомневалась — вряд ли Егор сам обои выбирал...

Соболев приткнул мой совсем не вписывающийся в обстановку пластиковый чемодан возле очевидно комода — странный на вид параллелепипед янтарного цвета мог оказаться,

конечно, чем угодно, но я предпочла думать, что это комод, и обернулся:

— Ну теперь-то я не один. — улыбка на его лице была сродни улыбке человека, выигравшего давно уже затянувшуюся партию в шахматы. Так улыбаются противнику, который бы так и так проиграл, но почему-то предпочел "потрепыхаться".

— Ага, на целые выходные. — решила я подпортить ему триумф.

Вообще-то могла бы сообщить о том, что приехала ненадолго, и поизящнее, но на войне, как на войне. Егор, склонив голову набок, некоторое время изучал мое лицо, заставив почувствовать себя дичью, попавшейся в лапы матерого охотника. А потом со словами "это мы еще обсудим" подхватил под колени и понес в неизвестном направлении. Очевидно, убеждать в его городе подзадержаться.

В общем, выходные, как вы поняли, Соболев решил посвятить тому, что наверстывал упущенное время, что мы провели порознь. В какой-то момент даже я перестала понимать, почему так долго тянула с приездом, а не отправилась вслед за Егором на следующем же после его отлета рейсе, и разревелась как самая последняя дура! Егор, в отличие от меня, дураком не был, и заявив, что на мои выкрутасы с прилетом ни капли не обижается, продолжил убеждать в крепости наших отношений. Однако, так просто все бросить и остаться с ним, решиться я все же не могла. Впрочем, следует признать, сопротивлялась я не сильно.

— Ну как ты себе это представляешь? — я сидела на низком подоконнике и уплетала пасту прямо с коленей. В смысле, тарелка с пастой лежала прямо на коленях, а не сами макароны. — Занятия в магистратуре только начались, на новой работе я и двух месяцев не проработала. Не могу же я вдруг взять и не явиться в понедельник.

— Возьмешь академку, а насчет работы Яковлевич договорится.

— С чего ты взял, что он договорится? — я с подозрением уставилась на мужчину: уверенность, граничащая с самодовольством, на его лице говорила о том, что предложение это в разряд гипотетических не входило.

Егор промолчал, предоставляя возможность самой ответить на заданный вопрос.

— Вы уже обо всем договорились! Соболев, вот с чего ты взял, что можешь распоряжаться моей жизнью?

— А что тебя в твоём городе держит? Работать и учиться и рядом со мной прекрасно можно.

— Ты хотя бы мнением моим мог поинтересоваться для разнообразия? — я возмущенно уставилась в серые глаза, в которых на сомнение в собственной правоте не было и намека.

— Ну да, я поинтересуюсь, и ты найдешь тысячу причин, оставить все как есть и еще пару лет ничего не менять. Ты трусишка, Маша. — ткнул он в меня вилкой.

— А ты скорый поезд какой-то. Прямо Сапсан в режиме "форсаж"!

— А ты в таком случае кто, гужева повозка? — расхохотался Соболев.

— Да пошел ты. — сказать было нечего, и я прыснула в ответ.

Глава 2

В воскресенье вечером Егор предупредил, что завтра нас ждет важный и ответственный день, и встать придется рано. Что конкретно нас будет ждать, уточнить не пожелал. Уже поняв, что молчать он будет как партизан, лишь бы, говоря его словами, не дать мне все обдумать и отказаться, пытать мужчину я не стала, а спокойно уснула, рассудив, что сюрприз вряд ли будет неприятным.

Следующим утром мы оказались на открытии после долгой реставрации галереи искусств, принадлежащей семье Егора. "Анита" — гласила неоновая вывеска, выполненная художественным шрифтом. Почему именно "Анита", я решила поинтересоваться позже, а пока улыбалась во все зубы и рукоплескала изо всех сил, стоя практически во главе толпы жаждущих попасть внутрь. Даже несколько репортеров с камерами осчастливили своим присутствием.

"Хорошо хоть догадался подсказать, как одеться, иначе стоять бы мне в джинсах среди разряженной публики" — думала я, тихонько озираясь по сторонам, и радовалась, что решила-таки в самый последний момент закинуть в чемодан темно-синее платье и лодочки цвета электрик с собой. А публика подобралась разношерстная: кто-то был при полном параде и сиял драгоценностями, точно мы Новый год собрались праздновать, кто-то был одет празднично, но сдержано и элегантно, а были и те, кто предпочел не заморачиваться и пришел в джинсах. Но таких были единицы.

Наконец, ленточка была торжественно перерезана, речи произнесены и галерея гостеприимно открыла двери посетителям. Я с бокалом шампанского в руках, второпях сунутого мне Егором, скиталась по выставочному залу в гордом одиночестве и злорадно себе обещала, что ни за что не буду сидеть дома и по первому требованию сопровождать этого проходимца на подобного рода мероприятия. Да за кого он вообще меня принимает, тоже мне нашел себе эскорт! Раз уж придется задержаться в этом городе на неопределенное время, найду работу. Я ему не какая-нибудь домохозяйка, которую в случае надобности можно наряжать поприличнее для выхода в люди.

Но не дав мне достаточно времени, чтобы придумать максимально унижительную должность, которую я, назло Соболевским замыслам, обязательно займу, мужчина появился будто из ниоткуда.

— Прости, что оставил одну. — чмокнул он меня в щеку и галантным жестом ухватил под локоть. — Пришлось уладить несколько вопросов.

— Я подумаю. — недовольно буркнула в ответ.

— Идем, расскажу, зачем мы сегодня здесь. — Егор сделал вид, что настроения моего не заметил, и потянул куда-то в сторону, уводя от толпы праздно шатающегося народа.

Мы вышли через служебную дверь, за которой притаилась лестница с деревянными перилами.

— А почему "Анита"? — поинтересовалась я, переставляя ноги по выщербленным за десятилетия ступенькам.

— Так маму звали. — пожал плечами Егор. — Банально, да?

— Нет, наоборот, даже в какой-то степени правильно. — попыталась поддержать я жениха, вспомнив, что ее давно нет. На этой ноте разговор потух, так толком и не начавшись.

В молчании мы проследовали до кабинета, обстановкой напомнимшего мне те, что показывали по телевизору в старых-добрых сериалах про богатые семьи: одна стена полностью выполнена в виде стеллажа для книг, массивный стол из темного дерева, уставленный обязательной чепухой типа пресс-папье, призванной обозначить респектабельность владельца, и обязательный темно-зеленый текстиль. Я осматривалась вокруг, гадая, что же могло понадобиться нам, двум современным людям, в этом старомодном месте.

— В общем-то все просто. — Егор уселся прямо на рабочий стол, отодвинув вбок бронзовую статуэтку, изображавшую почему-то слона. — Я предлагаю тебе работу.

Не ожидая от Соболевской идеи ничего для себя хорошего, я мысленно напряглась, но дала ему возможность закончить.

— У тебя же уже есть опыт работы в картинной галерее, а мне как раз нужен специалист, вот я и подумал, почему бы нам не помочь друг другу...

Так, ну со специалистом он, допустим, поторопился, а вот работа мне очень даже пригодится, пусть и не столь постыдная, как я совсем недавно воображала.

— Ладно. — осторожно произнесла я, потому как с Соболевым, словно с джином из старых сказок, никогда не знаешь, в каком месте ожидать подвоха.

— Вот и отлично. — радостно поиграл он бровями, насторожив меня еще больше, и направился к двери. — Сейчас я тебя кое с кем познакомлю.

— Марк Абрамович, прошу. — пригласил он в кабинет пожилого мужчину, тем не менее строгой выправки. Одет он был в костюм-тройку и шелковый платок вместо галстука, абсолютно седые волосы, тем не менее без старческой болезненной желтизны, зачесаны назад. — Познакомьтесь, это моя невеста и новая управляющая галереей, Мария Аркадьевна. — и, не дав мне и рта раскрыть, дабы праведно вознегодовать, как ни в чем не бывало, продолжил: — Маша, это Марк Абрамович, наш бывший управляющий. Он поможет тебе поначалу со всем разобраться, так что можешь полностью на него положиться.

— Очень рад за вас, очень рад. — старик потряс мою руку, предоставив о причине его радости догадываться самой: то ли он поздравлял меня с должностью, то ли с новоприобретенным статусом Соболевской невесты.

Я же могла позволить себе лишь сверкнуть на Егора глазами, обещая тому скорую расправу, и вымолвить:

— Благодарю.

Вот знала же, что что-то тут не чисто. Только кто же мог подумать, что Егору в голову взбредет! Ну какая из меня управляющая? Тем более целой галереей!

— Что ж, не хочу вас отвлекать. Буду счастлив трудиться под началом столь юной и очаровательной особы. — улыбка у Марка Абрамовича оказалась весьма располагающей, так что я не смогла позволить ему уйти, прежде, чем смогла заверить будущего помощника во взаимных симпатиях.

Старик откланялся, а я подумала, что везет мне в последнее время на участливых дедушек.

— Что скажешь? — обратился ко мне Егор, как только за стариком закрылась дверь.

— Что ты конченный псих, что вчерашние студентки серьезными заведениями не управляют и много чего еще. Но если ты готов доверить развалить галерею, названную в честь матери, первой попавшейся девице, то я это непременно сделаю. Только вот, в чем фокус?

— Никаких фокусов. — рассмеялся Соболев и поднял руки вверх. — Хотел сделать приятное любимой женщине и дать возможность заниматься тем, что нравится, самореализовываться, так сказать, на наше общее благо.

— А еще я никак не вспомню, когда это успела стать твоей невестой. — картинно почесала я затылок.

— По-моему, это случилось тогда, — Егор сделал вид, что задумался, — когда я отказался взять в жены твою сестричку.

Я не поняла, это у него что, стратегия такая: довести оппонента до белого каления, а затем взять буквально голыми руками? Так он бизнес делает, да?

— Совсем забыла, я не принимаю участия в семейном бизнесе. — пошла я на попятный. — Принципиально. На пользу это никому не идет, если помнишь.

— Брось, Маша. Уверен, у тебя все получится. — мужчина подошел ко мне и обнял. — К тому же, Абрамыч — толковый мужик и не даст тебе с треском провалиться. — закончил он говорить уже мне на ухо.

— Без треска провалиться — тоже мало приятного. — пробубнила я в широкую грудь, которая своим близким присутствием так и манила согласиться с любым предложением, лишь бы оставить владельца довольным.

— Не дрейфь, прорвемся. Все с чего-то начинали. — похлопал он меня по спине, будто приходился мне никем иным, как товарищем по оружию. — Сегодня, кстати, привозят одну картину на аукцион, и я бы очень хотел, чтобы ты на нее взглянула.

— Вот прям так сразу? — отстранилась я, вопрос прозвучал как жалоба.

— Прямо так. — вздохнул Соболев, делая вид, что ему и самому неловко, но деваться некуда.

— Ну да, и как я могла забыть, что ты у нас времени терять не любишь. — пробурчала я в сторону, вспоминая наше стремительное знакомство и историю, за ним последовавшую.

— Идем вниз, мы и так надолго покинули гостей. — потянул он меня за руку.

В залах, которыми располагала галерея, мы были в основном заняты тем, что общались с высокопоставленными посетителями. Егор представлял меня исключительно как свою невесту и новую управляющую галереей. Мужчины жали ему руки и поздравляли, а женщины по большей части ядовито выдавали что-то типа: "Давно пора". Публика подобралась разношерстная, но уделяли внимание мы лишь тем, кого Егор знал лично и считал полезным для дела.

Голова от новых знакомств уже шла кругом, а несколько бокалов с шампанским, выпитых на пустой желудок — пара бутербродов не в счет, — лишь усиливали внутренний дисбаланс. Наверное, как руководитель, я провалилась уже минут через тридцать, когда перестала напрягаться и пытаться уложить в голове весь этот калейдоскоп имен и лиц. "А что, Абрамыч — "мужик толковый" — все равно не даст пропасть..." — легкомысленно подумала я: в какой степени алкоголь повлиял на равновесие, в той же степени он подействовал и на ответственность.

В какой-то момент у Соболева зазвонил телефон, и после короткого разговора мы с ним отправились к служебному входу встречать картину. Судя по специальной машине, доставившей груз, и парочке сопровождающих охранников в черном стоимость произведения исчислялась сотнями тысяч. Вряд ли ради не особо ценной работы кто-то бы так заморочился.

Вместе с Егором, представителем продавца и мужчинами в черном мы прошли в

недавний кабинет на втором этаже, к которому, как оказалось примыкал сейф для хранения особо ценных экспонатов. Трясущимися то ли от алкоголя, то ли от волнения руками я распаковала картину и расположила полотно, надетое на подрамник, на рабочем столе. Соболев тем временем подписывал необходимые бумаги и общался с гостями.

Каким образом мужчины исчезли, а я осталась в комнате наедине с картиной, заметить не успела — полотно меня полностью поглотило.

Работа без сомнения принадлежала руке современного художника, имя я назвать не берусь. Крупные яркие мазки строгой геометрической формы были хаотично разбросаны по холсту, как будто художник забыл о полутонах и плавных переходах. Тем не менее, если отойти метров на пятнадцать, можно было без проблем различить и набережную серых тонов, и тонкую, словно тростинка, женщину, неспешно идущую в сторону моста, зеленые, полные сил деревья и дымчатые крыши на том берегу.

Да уж, картина определенно стоила того, чтобы ради нее организовать аукцион, и заставить желающих приобрести полотно как следует за него побороться. Неудивительно, что работу так охраняли. Интересно, кому она в итоге достанется. И за какую стоимость. От нахлынувшего почему-то волнения голова слегка закружилась, а потом и вовсе взорвалась фейерверком где-то в районе затылка. Последнее, что я увидела — это крупные яркие мазки, подобные тем, что были на картине, только на черном фоне закрывшихся век, а затем темнота и тишина.

Очнулась я от того, что кто-то непрестанно зудел сбоку, назойливо играя на нервах, будто комар летней ночью. Не дадут спокойно отдохнуть! Я попыталась повернуться на бок, чтобы посмотреть, кто там так нагло шепчется, но тут же застонала: голова раскалывалась так, будто меня сбил поезд, под который меня вынудил кинуться черный недельный запой.

— Ты как? — тут же подскочил ко мне Соболев, на лице беспокойство. За его спиной маячил Леха — начальник службы безопасности и лучший друг по совместительству.

Вот уж кого точно не ожидала сегодня увидеть. Или меня и правда сбил поезд, и теперь он тут, чтобы лично найти машиниста?

— Нормально. — прохрипела я. Егор недоверчиво поднял бровь.

— Голова болит. — созналась. А что, я ж не партизан, чтобы молча терпеть.

— Вот выпей. — протянул мне Леха таблетки и стакан с водой. — Доктор сказал, что голова будет беспокоить какое-то время. И хорошо бы сделать рентген и МРТ.

Объяснения Лехи ситуации не прояснили, а лишь еще больше запутали. Тем не менее, начать разбираться я решила с того, что попроще, то есть с головы.

Сесть я смогла лишь при помощи Егора и, махом проглотив таблетки, внимательнее присмотрелась к мужчинам. Судя по одноразовым медицинским халатам, надетым поверх костюмов, и тревожным кнопкам на стенке находились мы почему-то в больничной палате: я на узенькой койке с бесящим скользким матрасом, а мужчины — подле.

— И что стряслось на этот раз? — спросила я, откинувшись на вовремя приподнятую Егором подушку и прикрыв слезящиеся глаза.

— Тебя предположительно тупым предметом ударили по голове, а едва прибывшую в галерею картину забрали с собой. Кто — неизвестно. — кратко обрисовал Петров.

При упоминании о тупом предмете я поморщилась — вот что оказалось моим личным паровозом, а Соболев стоял с таким лицом, что аж страшно становилось. Не за себя, а за того, кто посмел покушаться...

— Егор нашел тебя на полу в кабинете в луже крови, так что...

— Я ж говорила, что нельзя мне в семейный бизнес... — решила я хоть как-то разрядить обстановку, но по-видимому только зря старалась. Егор все так же чуть не скрипел зубами, а Леха с предельно серьезной миной не прекращал оглядывать меня. На предмет скрытых повреждений — сделала я вывод, потому что когда я проходила осмотр у психиатра для водительской медкомиссии, тот на меня так же смотрел.

— Ладно. И что дальше? — после затянувшегося молчания опять спросила я. Сидеть и безмолвно глазеть друг на друга поднадоело, тем более, что подушка и простынь по дерматиновой поверхности матраса начали съезжать, заставляя тело принимать все более горизонтальное и неудобное положение.

— Ну, первую помощь тебе уже оказали, так что мы с тобой домой, а Лехе как всегда достанется право на общение с полицией. — Егор был краток.

Вообще я даже побаиваюсь Соболева, когда тот в гневе, не хотелось бы стать его источником. Поэтому перечить я конечно же не стала, и, отталкиваясь руками от стены, попыталась встать с кровати, чтобы немедленно отправиться куда сказано. Колеса у койки оказались почему-то не зафиксированы, так что та принялась отъезжать вбок, грозясь сбить мужчин с ног. Я вынуждена была барахтаться как какой-нибудь новорожденный детеныш, все сильнее опираясь о стену в попытках удержаться от соскальзывания в новообразовавшуюся щель, тем самым лишь увеличивая просвет. На помощь тут же пришел Егор и, подхватив за талию, аккуратно переместил на пол. Вот бы еще и с раскальвающейся головой было так просто.

Череп сзади пульсировал и горел, распространяя волны острой боли по всей окружности. Надеюсь, голова не стала сзади плоской, потому что ощущение складывалось именно такое. Я поморщилась и потерла лоб, в надежде хоть как-то облегчить боль. Но тут меня ждал еще один сюрприз: вместо гладкой и мягкой обычно поверхности пальцы наткнулись на выпирающий кратер в том месте, где индианки обычно носят красную точку между глаз. Только в моем случае маловероятно, что это был намек на статус замужней женщины.

— Это что еще за хрень! — я воскликнула и, наплевав на боль в затылке, стала вертеть головой в надежде найти зеркало. Но откуда ж ему взяться в больничной-то палате. Мужчины сконфуженно и до обидного единодушно усталились в пол.

Наконец мой взгляд наткнулся на сумочку, брошенную кем-то неподалеку, и я слишком бодро для только что пришедшего в сознание человека припустила к своему сокровищу. Зеркальце из косметички показало огромную, налившуюся малиновым цветом, больше подошедшим бы для педикюра, шишку прямо по середине лба.

— Уроды! — тут же всхлипнула я, имея в виду посягнувших на прекрасное грабителей, и в обиду на жизнь в целом швырнула неповинное зеркало обратно.

— Мы их найдем. — поспешил успокоить меня Егор и крепко обнял сзади.

— И гематомой на лбу они уж точно не отделаются. — угроза почему-то прозвучала из моих уст как жалоба, а я хлюпнула носом и опять коснулась шишки. Сама не знаю почему, но руки так и тянулись ко лбу, как будто я все никак не могла поверить в произошедшее и пыталась таким нехитрым способом удостовериться в том, что мне не показалось.

— Обещаем. — задорно сверкнул зубами Леха, по-моему, даже с некоторым предвкушением, а Соболев стиснул меня покрепче. Хорошо, когда в трудной ситуации тебя поддерживают надежные люди. И сильные.

По дороге домой я все больше молчала — не знаю, кем надо быть, чтобы беззаботно болтать в подобной ситуации. Егор похоже против такого расклада ничего не имел: всю дорогу он сжимал фирменный черный руль и напряженно о чем-то мыслил. О чем, спрашивать не хотелось: все вопросы я решила отложить на потом и подарить пострадавшей голове вполне заслуженный отдых. Сразу вспомнилось, как мама все детство называла мою головушку буйной. Вот и гадай теперь: то ли права она была, то ли накаркала.

Дома мы оставили машину в подземном паркинге и на лифте поднялись наверх. В огромных размеров зеркало я старалась не смотреть и стояла, уткнувшись "рогом" в Соболевскую грудь. Он, в свою очередь, аккуратно гладил меня по волосам. Что-то в этом жесте показалось мне неправильным, и я впервые решилась пощупать рану. А, обнаружив под пальцами хирургический пластырь и голую как коленка десятилетней девочки кожу, уставилась на Егора: когда-нибудь эти ненормальные сюрпризы кончатся?

— Они что, побрили мне затылок? — в неверии прошептала я, а подбородок затрясся от обиды: мало того, что с шишкой посреди лба, так еще и, как выясняется, с плешью на полголовы!

— Рана была открытая, пришлось накладывать швы... — Егор с жалостью посмотрел на меня.

Да что ж такое-то, а? Опять из-за парня меня насильно волос лишают! Я всхлипнула. За первым всхлипом последовал другой, и, наконец, я зарыдала, причитая о погубленной внешности и молодости в целом. А как теперь жить с этим рельефом на лбу и голым, шитым затылком? Соболев успокаивал как мог, периодически посмеиваясь над тем, как я стенала.

Оказавшись в стенах квартиры, я первым делом отправилась на кухню: какими бы стрессами ни изобиловала жизнь, на аппетит мой это никак не влияло. Даже наоборот, на полный желудок все горести казались не такими уж и горькими. Тем более, если мне не изменяет память, помимо нескольких бутербродов и завтрака, который давно успел выветриться, во мне сегодня ничего и не было. Шампанское не в счет — оно лишь делает мой желудок вместительнее и прожорливее.

В общем, я навалила себе целую тарелку, будто в моем распоряжении был всего один подход к холодильнику, и отправила ту в микроволновку.

— Ты еще притопывать от нетерпения начни. — усмехнулся Егор, заходя в помещение.

— Если бы на открытии чьей-то галереи кормили лучше, мой организм бы так не оголодал.

— В следующий раз учту. — Соболев усадил меня за стол, лично принес тарелку, разложил приборы и уселся напротив. Пока я уплетала овощи, он не сводил с меня внимательных глаз, на дне которых, как он не пытался это скрыть, плескалось беспокойство. Неужто решил, что я опять могу отключиться? Голова, кстати, почти перестала беспокоить — видимо таблетки, что оставил доктор успели подействовать.

— Что-то ты сегодня уж больно покладистый. — с набитым ртом проговорила я.

— Подожду пока ты вернешься в форму.

После плотного ужина я решила, что теплая ванна — сейчас будет в самый раз. Егор вызвался набрать воды, как будто я была не в состоянии повернуть ручку крана. Но спорить не стала, если ему от этого легче, пусть старается.

За те полчаса, что я провела в воде, Соболев умудрился заглянуть ко мне раз восемь с неизменным вопросом не нужно ли мне чего. А когда я, покачав головой, оставалась одна, слышала, как он говорит с кем-то по телефону. Ясное дело, с Лехой обсуждали

произошедшее.

На ночь Егор намазал мой малиновый лоб оставленной доктором мазью, "новейшей разработкой израильских ученых, которые славятся своими бла-бла-бла...". В действенность супер-средства лично мне верилось с трудом, но раз уж Соболев так настаивает... Перед тем, как выключить свет, Егор осторожно чмокнул меня прямо в шишку и обозвал "единорожкой", что не могло не порадовать: если бы он и дальше вел себя как наседка, надолго бы меня точно не хватило.

Проснулась я вполне выспавшись, но с пульсирующим от боли затылком, что резко напомнило о событиях минувшего дня. Оглядев комнату, я смогла прийти к двум выводам: первый — Егор где-то шляется, и второй — дело близится к полудню. А потрогав лоб и не обнаружив там и следа от вчерашней шишки, я на радостях припустила в ванную, что примыкала к хозяйской спальне. Хотела даже доктору и его израильским ученым цветы послать, но порыв оказался преждевременным.

Звук, что исторгся из моего горла при взгляде в зеркало, мог спокойно поспорить со звуком сверхреактивного самолета. Прибежавший на шум Соболев сначала дико вращал глазами, пытаясь понять, что происходит, а потом, разглядев меня получше, бросил все силы на то, чтобы не заржать в голос. Но заставить свои губы не шевелиться так и не смог, и они кривились волнами и подергивались, будто мужчину ударило током прямо в район челюстей.

— Тебе смешно, да? — прошипела я, наступая на подлого предателя. Прищуривать в гневе глаза даже не пришлось, потому как полученная в неравном бою шишка за ночь чудесным образом переместилась вниз, образовав нехилые гематомы под глазами и превратив те в две узенькие щелочки, а меня — в подобие спившегося с горя маргинала, жертву "черных риелторов".

— Нет, Маша, конечно нет. — Егор честно старался, но совладать с рвущимся наружу хохотом до конца так и не смог. Да и я бы на его месте не смогла.

И это стало последней каплей. Я с ревом кинулась на обидчика и начала колотить кулаками куда придется. Мы повалились на пол, и я оказалась сверху, а Соболев защищался, прикрывая жизненно важные органы руками, но я была в ударе и молотила его со скоростью кухонного комбайна.

— Маша прекрати! — взмолился Егор. — Или ты хочешь оставить такие же украшения и на моем лице?

— Звони своему коновалу, и пусть он объясняет, как так случилось, что от его вонючей мазилки шишка сползла мне под глаза и превратила в покусанного осами монгола! — сказала я, тяжело дыша. Но махать руками все же перестала. Не хватало еще и в правду поставить Соболеву такой же фингал, то-то мы чудесно смотреться вместе будем.

Егор перечить не рискнул и, все так же лежа, набрал вчерашнего доктора. Эскулап заверил, что это нормально, и посоветовал прикладывать на отек чайные пакетики, от чего я в его высокой квалификации сильно засомневалась.

— А лечиться солнцем мне не надо?

— Не тот сезон. — пожал плечами Егор и внес рациональное предложение: позавтракать.

Знает, гад, чем отвлечь. На кухне он поставил передо мной тарелку с кашей, усыпанной дольками персика, кофе и несколько круассанов с сыром.

— Как ты себя чувствуешь? — с некоторой долей опаски спросил Соболев, когда я, отодвинув овсянку подальше, принялась за кофе с выпечкой. Круассаны выглядели настолько воздушными и хрупкими, что я решила съесть все пять штук, чего бы мне это не стоило. Жених же обошелся одним кофе: видимо успел уже позавтракать.

— Нормально, насколько это возможно для девушки с обритым затылком и

заплывшими глазами. — пробормотала я с куском булки во рту.

Вообще, надо сказать, что выплеснутый на Егора гнев и вкусный завтрак несколько примирили с действительностью и настроили на мирный лад. И если бы не отражение в зеркале, можно было бы смело сказать, что вчерашнее происшествие обошлось для меня без последствий.

— Спорим, теперь все будут думать, что ты меня бьешь? — из вредности сказала я.

— Ха-ха. — не оценил Егор.

— Давай, рассказывай, за что я вчера пострадала, а то я ничего так толком и не поняла. — махнула я рукой, решив, что время для расспросов подходящее.

— Да в общем-то нечего рассказывать: я пошел провожать гостей, тебя ударили по голове и вынесли картину. — Соболев потер подбородок, и стало ясно, что посвящать в детали меня он не жаждет. Но и я так просто сдаваться не собиралась:

— А что Леха говорит?

— Вот придет, у него и спросишь. — гнул свою линию Егор.

— А полиция?

— Понятия не имею.

— Соболев! — рыкнула я.

Нехотя он рассказал, что неизвестный — а был он один — выбрал момент, когда картина кисти румынского художника оказалась наиболее беззащитна, долбанул меня по голове и вынес полотно, оставив на столе зияющий сиротской дырищей подрамник. Без сознания я провела минут сорок, приезд врача и последующие госпитализация и осмотр для меня остались за кадром.

Полицейские вчера собирали улики, но удалось ли что найти, пока не ясно. Так как служебный выход был занят Егором, злоумышленнику пришлось уходить через залы с посетителями, о чем свидетельствуют и записи с камер видеонаблюдения. А напоследок и вовсе огорошил: начальная стоимость картины составляла ни больше, ни меньше — два миллиона рублей.

Пока я переваривала скудную информацию, рассеяно жуя третий по счету круассан, Егор успел убрать со стола и приготовить чайные пакетики. В их эффективности, равно как и в докторе их прописавшем, я справедливо сомневалась, но препятствовать Соболеву не стала — за лечение он взялся с невиданным доселе энтузиазмом. Пролежать с "компрессами" пришлось никак не меньше часа, в течение которого Егор исправно освежал "начинку", я же бурчала, что кастрюли доктор наверняка чистит Кока-колой, запор лечит куском хозяйственного мыла и верит в силу живого огурца. Потом требовала заварку с жасмином или на крайний случай молочный улун, самой себе при этом напоминала неумного арестанта, в порыве протеста долбящего по прутьям железной кружкой.

В общем, образцовым поведением во время "процедуры" я похвастать никак не могла, потому как "компрессы" быстро остывали, кожу начинало беспощадно щипать, и в добавок ко всему заварка совсем не хотела сидеть смиренно в пакетике и то и дело заливалась мне за шиворот, нервируя еще больше.

— А у тебя вообще бывает без приключений? — раздраженно спросила я, почесывая зудящую шею.

— По-моему, дорогая, приключения находят исключительно тебя. — съязвил откуда-то сбоку Соболев, а я обиженно засопела.

После процедуры оказалось, что велюровый диван небесного цвета с пятнами от чая

расстаться не в силах. Не помогли ему и супер-средства, что мы нашли в кладовке. Зато глаза мои компресс оценили на славу: отек заметно спал, и видеть я стала лучше, точнее шире. Единственное, что осталось прежним — это синий цвет вокруг глаз, но воспользоваться "чудо-мазью" от "чудо-доктора" я не рискнула: мало ли куда отек сползет на этот раз.

Оказав первую помощь пострадавшей женщине, довольный собой Соболев отправился в кабинет трудиться по специальности, и я хвостиком последовала за ним. Тихонько пристроилась на диване и стала размышлять, чем бы заняться: есть, спать, купаться не хотелось, соцсети я тоже отмела. Решила в итоге составить список вопросов для Лехи, чтобы к предстоящему разговору быть подготовленной, как отличница к экзамену.

Егор на мое занятие поглядывал со снисхождением, но от замечаний воздержался, равно как и от вопросов — судя по шелесту бумаг и щелчкам компьютерной мыши мужчина действительно работал.

Когда я трудилась уже над вторым листом, переливчатой трелью раздался звонок домофона. "Наконец-то!" — обрадовалась я, потому что уже полчаса как в голову приходили совсем уж дурацкие вопросы по типу: "а вдруг я зря вчера помылась, и смыла важные улики в канализацию?".

Встречать гостя я отправилась вместе с Егором: полная мыслей голова усидеть на месте никак не давала, а тело требовало хоть какого-то движения. Вождение ручкой по бумаге — не в счет.

— Привет. — пожал руку товарищу Петров, а затем повернулся в мою сторону: — Маша, прекрасно, эээ...

— Выгляжу, ты хотел сказать? — ехидно продолжила я.

— Извини. — смутился тот. А я-то думала, что это невозможно, и начальники служб безопасности — как один невозмутимые люди железной закалки.

Разместились мы в столовой, служившей Соболеву одновременно и гостиной. Тот решил, что настало время чайных пакетиков, и под озадаченным взглядом Лехи снова уложил меня на пострадавший диван, даже не озаботившись прикрыть запятнанную поверхность хоть чем-то наподобие покрывала или полотенца.

— Ребята, вы что извращенцы? Могли бы этим заниматься не при людях.

— Нет уж, Леха, для полноты ощущений нам нужен третий. — когда мы с ним успели перейти на "ты", я и сама не заметила, но после событий двухмесячной давности мужчина стал для меня абсолютно своим, хоть и был значительно старше.

Егор водрузил на стол две чашки кофе, а мне на глаза — непонятно каким образом работающие пакетики, так что видеть мужчин я не могла, зато слышала прекрасно, и задавать вожаемые вопросы мне ничего не мешало. Вот только заготовленный список не пригодился.

Прибыл к нам Леха прямиком из полицейского участка, откуда сведения принес неутешительные. Работал парень, что увел картину, в перчатках, в кабинете улик не оставил. Нож, которым вырезал полотно, унес с собой, как и предмет, меня оглушивший. Покинул место он на "Жигулях" без номеров, так что и тут зацепиться было не за что. По мере рассказа начальника службы безопасности Егор свирепел все больше.

Порадовать Петров нас смог копией видеозаписи, что взял у полицейских. Ради этого мне даже было позволено убрать на время целебный "компресс" и посмотреть запись наравне с мужчинами.

Камера показала открывающуюся деревянную дверь, ведущую из служебных помещений

в выставочную часть галереи, где и было установлено наблюдение. О том, что происходило до этого момента, мы могли лишь догадываться. В зал вошел мужчина средней комплекции, даже скорее худощавый, одетый в потертые джинсы, непонятный оливкового цвета пиджак и высокие ботинки с железными носами, какие были в большом почете у скинхедов лет эдак пятнадцать назад. Неужели сейчас такое кто-то носит? Лицо скрыто за патлатыми давно не мытыми волосами, сальными прядями свисающими чуть ниже подбородка, глаза спрятаны за очками в круглой оправе а-ля "Катя Пушкарева". И как апофеоз, до ужаса нелепый наряд венчал коричневый бархатный берет "с кисточкой". При виде мужчины у меня сразу же возник резонный вопрос: где он все это сумел раздобыть? В том числе и холщовый рюкзак, висевший у него за спиной, откуда торчала свернутая трубочкой картина. Ну не варвар ли: так обращаться с произведением искусства! Сознательные люди для транспортировки специальные машины с климат контролем заказывают, а этот — в трубочку и в рюкзак! Хоть бы тубус приобрел... Чему я не преминула возмутиться вслух.

— Маша, вот почему я совершенно не удивлен, что тебя больше возмущает то, как этот дегенерат поступил с картиной, чем то, что он раскрыл тебе затылок? — пришел в негодование Соболев, так что праведный гнев по поводу варварского отношения к похищенному шедевру пришлось попридержать. Хотя с "раскрыл" он и преувеличил — так, пара швов и лысина, как следствие.

Как ни в чем не бывало, парень прошелся сквозь залы, беспрепятственно покинул галерею и уехал на припаркованном в нескольких десятках метров автомобиле. Из чего можно сделать вывод, что работал он один, иначе бы сел на пассажирское сиденье.

— Судя по наряду парень чересчур впечатлился кинематографом, причем преимущественно российским. — заявил Леха, вытаскивая флешку из телевизора.

Я дисциплинированно улеглась обратно на диван, готовая и дальше принимать чудодейственное лечение — прорыв в медицине двадцать первого века.

— Что думаете, товарищи? — спросил Егор, пристраивая на моих глазах пакетики, тем самым заново лишая зрения.

— Почему его не задержала охрана на выходе? — подала я голос, возмущенная чужой халатностью. Даже мне при одном только взгляде на парня стало яснее ясного, что с ним явно что-то не так.

— Не имели права, а когда я подал сигнал, уже поздно было. Мало ли какой эксцентричный художник на выставку забрел, привяжешься с осмотром, а потом проблем не оберешься: они ж не полиция, чтобы всех подозрительных личностей проверять. К тому же ни одна из сигнализаций, установленных на экспонатах не сработала.

— А вообще служебные двери запирать надо! — встала я. — Тогда и шляться кто попало не будет.

— Над этим уже работают. — усмехнулся Леха.

После жаркой дискуссии стало ясно, что подозревают мужчины троих покупателей и продавца. Лично я подозревала всех и каждого, но, в отличие от меня, свою версию мужчины могли аргументировать.

Итак, картина была доставлена в галерею для последующей продажи на закрытом аукционе. Покупателей, как я уже отметила, было трое: Машков Виктор Иванович — старый друг Соболева-старшего, Рында Олег Игнатьевич — завзятый коллекционер и Ставская Ольга Борисовна — давняя любовница кого-то там из местной администрации. Причем, перечисленные личности, все как один, людьми слыли обеспеченными и потратить

солидную сумму на покупку картины позволить себе могли. Другой вопрос: хотели ли?

В пользу версии про виновность продавца говорило то, что картина была от различного рода неприятностей застрахована.

— Мало ли кто мог знать об аукционе, почему вы подозреваете только покупателей и продавца?

— Потому что никто, кроме этих троих, полотном не интересовался, а продать абы кому его будет сложновато. Да и не такие это великие деньги, чтобы заморачиваться ради продажи в полцены. — ответил Леха. — Про продавца, думаю, и так понятно?

— Чего уж тут не ясного. — хмыкнула я. — Захотел и картиной впредь любоваться, и страховочку получить. А почему вы не думаете, что это мог быть какой-нибудь нечистый на руку посредник? Назвал цену гораздо ниже нашей, и обтяпал свое черное дельце?

— И опять же искать надо среди тех, кому картина была интересна. Тогда и на посредника выйдем. — логично возразил Петров.

Я немного помолчала, переваривая информацию, закинула ноги на спинку дивана, чтобы лучше думалось, и тут в голове возник резонный вопрос:

— Значит картина была застрахована, и продавец, помимо шедевра, с которым и так собирался расстаться, ничего не потерял?

— Ну да. — не понимая к чему я клоню, ответили мужчины.

— И зачем тогда нам заморачиваться и искать преступника? Полиция ведь и без нас этим занимается?

В ответ раздался лишь смешок от Лехи, а затем повисла какая-то подозрительная тишина. Поняв, что отвечать мне собираются, я стянула временно лишавшие зрения пакетики и в полном недоумении оглядела мужчин: Егор сидел за столом с самым зверским видом и играл желваками — неужто его из-за картины так разбирает, а Леха с предовольной ухмылочкой переводил взгляд с меня на товарища. Поскольку тот своего загадочного поведения объяснять не собирался, начальник службы безопасности взял эту миссию на себя.

— Видишь ли, Маруся, если бы при всем при этом не были бы задеты лично интересы Егоры Станиславовича...

Я нахмурилась.

— Твоя голова. — пояснил Леха. — Тогда сошло бы это с рук злодеям, а мы с превеликой готовностью ушли бы в сторону. Но... — развел он руками. — Мы имеем, что имеем. И теперь наш Егор жаждет лично найти обидчиков и наказать. Ну прямо граф Монте-Кристо тебе в женихи достался!

— Его-о-ор. — протянула я и, склонив голову, уставилась на мужчину. — Ну скажи мне, что это неправда!

Судя по непреклонной позе и свирепому взгляду, Леха, все-таки, сказал правду, и Соболевская душа жаждет возмездия — с прискорбием осознала я.

— Ну а если мне бабулька какая в автобусе ногу отдавит, мы и ей мстить будем? — попыталась я достучаться до этого воителя.

— Это совершенно разные вещи. — отмахнулся Егор.

— А ты, значит, ему помогать собрался? — обратилась я к Лехе.

— Ну так я человек подневольный, что начальство прикажет, то и делаю.

Хоть Петров и делал вид, что помогает другу лишь по долгу службы, скрыть воодушевление и личную заинтересованность делом не смог. Или не постарался.

— А будешь много болтать, станешь очень даже вольным человеком. — огрызнулся на сдавшего его помощника Егор.

В общем, помимо бесполезных кривляний, добиться я ничего не смогла, поэтому, махнув на них рукой — взрослые уже мальчики, плюхнулась обратно на диван и продолжила прерванную процедуру. Чем на это время заняли себя мужчины, сказать не могу: издаваемые то и дело шорохи ни на какие мысли не наводили.

В квартире было спокойно, уютно, и я, пригревшись на диванчике под лучами струящего в окна солнца, потихоньку задремала. А проснулась от того, что к нам пожаловали очередные непредвиденные гости.

— Егор, милый, как я рада тебя видеть! — донесся журчащий голосок из коридора, а затем послышались причмокивания.

Я в шоке уставилась на Леху, но тот лишь безмолвно поморщился.

— А вы разве не завтра должны прилететь? — Егор был явно озадачен внезапным приходом.

— Поменяли билеты: Марина по дому соскучилась. — прозвучал незнакомый мужской голос.

Я нахмурилась: а это еще кто? Но выяснять воочию не хотелось: не в моем нынешнем состоянии.

— Ну что, ты так и будешь нас на пороге держать? Мог бы и чаю предложить, все-таки родной отец приехал. — капризно произнесла дама.

Ага, значит отец Егора пожаловал, тот самый папин партнер, которому и пришло в голову объединить две компании в непростые времена санкций. А дамочка — неужто любовница?

— Проходите. — их настойчивости, как и визиту, Соболев был явно не рад. А может просто не хотел меня показывать, и я его прекрасно понимаю — то еще зрелище.

— А так ты не один? — обвела глазами помещение Марина, оказавшаяся холеной блондинкой под сорок в небесно-голубом брючном костюме под стать дивану, который я на тот момент занимала, и повисшая на локте — моего! — Егора. По другую руку от нее стоял высокий представительный мужчина, одетый в простую футболку и джинсы. Оба загорелые и белозубые, из чего я смело сделала вывод, что прилетела парочка с курорта.

В то, что передо мной стоит отец Егора, отошедший от дел, по словам последнего, верилось с трудом. Ну или отошел от дел он вовсе не по состоянию здоровья, как я вначале подумала. Ха-ха, неискушенная жизнью Маруська! О том, что мужчины — ближайшие родственники, говорил лишь общий цвет волос, да глаз. И то, у отца с годами и те, и те заметно потускнели.

— Добрый день. — поздоровался с нами отец, его глаза ровным счетом ничего не выражали, так что о том, что он подумал о нашем сборище, остается только догадываться.

— Здравствуйте. — тихонько пискнула я с дивана, лелея надежду, что если затаюсь как мышка в углу, то на меня и внимания никто не обратит.

Петров встал и поприветствовал бывшего начальника рукопожатием, Марине же холодно кивнул:

— Марина Леонидовна.

— Алексей. — не осталась та в долгу.

Так-так, между этими двумя явно кошка пробежала, а может и целый выводок.

— Что же не представишь нам свою подругу. — мстительно улыбнулась Лехе дама, по-

хозяйски располагаясь за столом и мерзко барабаня искусственными ногтями по блестящей лаковой поверхности. Эдакая горгулья с когтями. Надеюсь, Соболев-старший осознает, с кем связался.

— С удовольствием. — растянул губы в ехидной улыбке Петров и, приобняв меня за плечи, представил:

— Прошу любить и жаловать — долгожданная невеста моего лучшего друга, Павлова Мария.

Все взгляды вдруг устремились на меня, а я замерла в углу дивана с ногами, прикрытыми шерстяным пледом, с заплывшими глазами, украшенными вдобавок по кругу коричневыми пятнами от засохшей заварки, и, если бы могла, обязательно бы округлила глаза от изумления.

— Какого друга? — не врубилась Марина, или же просто отказывалась поверить в очевидное.

— Я, конечно, немного не так хотел сообщить. — обратился к родственникам Егор. — Но, можете поздравить, через месяц у нас свадьба. Маша, познакомься, это мой отец, Станислав Ильич, и его спутница Марина.

Сообщение настолько повергло всех находящихся в помещении в шок, что повисла немая пауза, достойная самого "Ревизора", а Марина даже перестала выстукивать когтями по столу. Я изо всех сил вцепилась в несчастное покрывало, чтобы не накинуться на Соболева прямо при всех — какая, нафиг, свадьба через месяц, если так называемая невеста ни сном, ни духом!

— Поздравляю! — первым отмер отец Егора и поднялся, чтобы пожать сыну руку, а потом еще раз оглядел меня, видимо пытаясь рассмотреть, что же такого его сын нашел во мне.

Худшего знакомства с будущим свекром я и представить не могла! И опять во всем Соболев виноват: не потащи он меня в галерею, взирать бы мне сейчас на родственников ясными очами, а не мечтать стереть всем присутствующим память или хотя бы вырубить по всей квартире свет.

Дамочка же взирала на меня как на мышь, дерзнувшую слишком уж приблизиться к носкам ее дорогуших дизайнерских туфель. И даже искусственная улыбка, наспех натянутая на губы, ни в малейшей степени не скрывала ее отношения к моему здесь присутствию. Скорее выглядело это, будто челюсти Марины Леонидовны свело непроизвольной судорогой, от чего та начала скрежетать зубами и попыталась замаскировать все это дело под улыбку.

И если Леху мадам просто недолюбливала, то я ей явно стала точно кость поперек горла. Только вот не ясно почему. Я еще могла бы понять, если бы настолько негативная реакция исходила от отца Егора, но уж точно не от его любовницы. "Мамы моей на нее нет!" — тихонько вздохнула я, вот уж кто бы точно смог нахалку на место поставить.

— Прошу прощения. — я встала: организм на стресс прореагировал нетривиально, или даже наоборот вполне естественно. Короче, я отправилась в туалет.

Там я поспешила поскорее избавиться от чайных разводов, украшавших, как оказалось, не только лицо, но и шею. Из зеркала на меня взирала девушка с красивым подбородком, розовыми губками, аккуратным носиком, но прекрасные черты заканчивались где-то в районе переносицы. Все, что было выше, принадлежало явно какому-то спившемуся элементу: переносица шириной в три пальца, заплывшие, превратившиеся в щелочки глаза с

начавшими буреть синяками вокруг и всклокоченные, выбившиеся из хвоста, волосы, которые и в обычное-то время аккуратностью укладки не блещут. Ну что я могу сказать: повезло Егорчику с невестой. Хорошо еще одета я прилично: в домашние клетчатые штаны и однотонную футболку с длинным рукавом, хотя вряд ли это сильно влияет на образ в целом.

Я вздохнула, оглядела себя в зеркале еще раз в попытке найти хоть что-то утешительное и, ясное дело, ничего подобного не найдя, отправилась обратно. Вот бы я вернулась, а гости уже каким-то чудом испарились. Но нет, сейчас же не новый год, и просто так заветные желания не исполняются: по пути в столовую я увидела о чем-то говорящего по телефону Соболева-старшего. Он мне кивнул и, отвернувшись, продолжил разговор.

На подступах к гостиной я слышала надменный голос Марины, а потому остановилась возле стеночки и входить не спешила, хотя Леха с дивана меня прекрасно видел, но присутствующим не выдал.

— Егор, милый, ну какая свадьба! — втолковывала через чур уж участливая блондинка. — Ну понравилась девчонка, повстречался, пожили вместе, остыли, разбежались и адье. Зачем сразу в ЗАГС-то, у нее же явно ни воспитания, ни образования?

Вот стерва вислозадая! — сощурила я глаза и в порыве чувств проковыряла дырку в обоях, но тут же загладила ее пальцем. Если специально не приглядываться, то и не заметно.

— Марина, я уже взрослый мальчик и, смею полагать, научился разбираться в людях.

— Егор, очнись! — продолжала увещевать Марина и, судя по доносившимся звукам, театрально щелкала пальцами возле Соболевского носа. Лишь бы когтем не задела! — Ты же не только разводом рискуешь, но и репутацией нашей семьи! Ты приглядишься получше к этой оборванке, она же тебя с голым задом оставит. И всех нас заодно!

Что?! Оборванке? Да сама-то она кто! У меня хотя бы работа есть! — чужая наглость просто выводила из себя. Ответить нахалке Егор не успел, потому как я вихрем ворвалась в помещение и налетела на дамочку:

— Тетя Марина! Вас ведь можно так называть? — голосила я, хватая ту за руки и утягивая к дивану. — Все-таки вы Егорчику заместо мамы, не чужие, чай, люди! Хотите сегодня помочь мне платье выбрать? Только надо такое, чтобы животик видно не было, а то он скоро уже появится. — я раскинулась на диване и блаженно улыбнулась: мужики уставились в мою сторону с разинутыми в глубочайшем изумлении ртами, а мадам застыла изваянием скорби, печали и навалившимся откуда не ждали проблемам.

А я, воодушевившись, произведенным эффектом продолжила:

— Хотите потрогать? — насильно приложила я ее ладонь к, ясное дело, пустому животу и надавила, чтоб та как следует ситуацию прочувствовала.

Дамочка скривилась и отдернула руку, словно я ее таракана заставила потрогать. Мадагаскарского, не меньше.

— Нет-нет, Маша, спасибо. К сожалению, мы заняты сегодня. — растерянно лепетала потрясенная, будто нокаутированная, женщина. Стасик, поехали, мы уходим. — крикнула она в коридор и встала с дивана. Все движения женщины сделались замедленными, словно перед тем, как что-то сделать, ее мозгу приходилось трижды обработать информацию и только потом послать сигнал конечностям.

— Егор, я поговорю с отцом, может еще можно что-то сделать. — пробормотала она и отправилась в коридор, Соболев последовал за ней, оставив меня с Лехой наедине.

— До чего мерзкая баба! — покачала я головой. — Чувствую себя так, будто марафон пробежала.

— Похоже от тебя она тоже не в восторге.

— Ну, со мной-то все более-менее понятно, а тебя за что "Королева" не взлюбила?

— Раскопал всю подноготную и порушил красивую легенду о прекрасной даме, попавшей в беду. — усмехнулся Леха.

— Дааа? — протянула я, намекая на продолжение.

— Станислав Ильич жениться на ней собирался, да оказалось, что дражайшая Марина Леонидовна не так проста и невинна, как предпочитает казаться, вот и ходит до сих пор в любовницах. Муж ее из криминальных был, но до наших дней не дотянул: был убит неизвестными в самом конце девяностых. А дамочка к тому времени к жизни хорошей привыкнуть успела, вот и пришлось ей изо всех сил крутиться: устроилась работать в приват чат моделью.

— В приват чат? — перебила я.

— Ну да, это что-то типа секса по телефону, только через веб камеру. Так что репутация у Альмировой оказалась с душком. А с тобой и того проще, — расщедрился на информацию Леха. — есть у дамочки навязчивая идея выдать за Егора собственную дочурку, раз уж у самой с отцом не выгорело. Той как раз двадцать стукнуло — самый возраст для выгодного замужества.

Теперь ясно, почему я ей не по душе пришлась: дамочка-то у отца Егора с амбициями.

— Маша, а мне ты ничего сказать не хочешь? — появился Соболев с самым оскорбленным видом на свете.

— Только то, что о свадьбе через месяц можешь и не мечтать. И еще то, что у тебя с чувством юмора фигово. — пожалала я плечами и переглянулась с Лехой. Уж тот-то точно понял, что насчет беременности я преувеличила.

— Так ты ей наврала что ли? — не понял Егор.

— А нечего про меня гадости за спиной говорить!

— Слышала да? — обнял меня мужчина.

— Я, конечно, сегодня не фонтан, но больно уж ее распирало.

— Это все хорошо, голубки. — хлопнул в ладоши Алексей. — Но дела не ждут. Я тут нарыл кое-что на подозреваемых... — достал тот из кейса до боли знакомые синие папочки.

Не успела я как следует отойти от одного стресса, как на тебе — другой.

— Только не досье. — простонала я в потолок, а Егор, поняв в чем дело, рассмеялся.

— Давайте посерьезнее. — призвал нас к порядку Петров. — Меня вообще-то Ленка дома ждет.

Мужчины чинно расселись за столом, а я, припомнив, что в прошлый раз из этих бумажек ничего особо интересного и полезного почерпнуть не удалось, отправилась заваривать чай, прислушиваясь к их разговору в пол-уха.

Вкратце о претендентах на пропавшую картину поведал Леха следующее. Ольга Борисовна Ставская, тридцатипятилетняя хозяйка весьма процветающей сети салонов красоты и по совместительству любовница нынешнего главы местной администрации. Детей нет, не замужем, живет дама в свое удовольствие и, судя по всему, не бедствует, имеет в наличии недвижимость и автомобиль представительского класса. Долгов ни официальных, ни по слухам за Ставской не числится. Искусством она, конечно, интересуется, но отъявленной фанаткой прекрасного никогда не слыла. Из-за чего мужчины сообща сделали вывод, что вероятность ее участия в ограблении минимальна. То же мне, статисты-математики!

Виктор Иванович Машков, давний приятель Соболева-старшего, имеет более чем доходный бизнес — небольшой ювелирный завод, уже пару лет как вышел на пенсию и передал бразды правления сыну, Машкову Игорю Викторовичу. Была у Машкова еще и дочь, но лет десять назад покончила с собой. Поговаривают, что перед этим девушка весьма продолжительное время баловалась наркотиками, что и сыграло немаловажную роль в ее выборе.

При упоминании о дури меня аж передернуло: самый паршивый опыт в моей жизни.

Картиной товарищ интересовался довольно-таки энергично и в желании ее приобрести был настойчив, даже лично звонил Егору и давил на давнюю с его отцом дружбу. Когда узнал о грядущем аукционе и серьезных конкурентах пришел в негодование, чего скрывать и не собирался.

По-моему, этот Машков очень даже годится на роль злодея.

Рында Олег Игнатьевич, известный в узких кругах коллекционер сорока с небольшим лет. Женат, детей нет, но по данным из проверенных источников сейчас находится в стадии развода и раздела имущества, что в моих глазах делало дядьку очень даже неблагонадежным.

— Вот точно этот украл! — воскликнула я, выплеснув немного чая на стол. — Не захотел с женой делиться и свистнул полотно, заодно и мне по макушке треснул, обидевшись на весь женский род. — погладила я себя по затылку, рана, хоть и начала потихоньку заживать, все еще прекрасно прощупывалась.

— Может и так, мы всех проверим. — успокоил меня Леха и подал полотенце.

— А что там с продавцом? — не стал вступать в полемику рациональный Соболев, и Леха, как по команде, вцепился в последнюю папочку.

— Продавец — некто Ротман Игорь Валерьевич, проживает в двухстах километрах к югу от нас, в соседнем крупном городе. По его словам, картину решил продать из-за того, что затеял довольно-таки затратное строительство загородного дома, а силенки-то свои не подрасчитал, вот и пришлось выкручиваться. Так что этого товарища исключать тоже нельзя.

— И что мы будем делать? — обвела я сидящих напротив мужчин взглядом и в соответствии с представшим взору зрелищем почувствовала себя рыцарем круглого стола, не меньше.

Егор, видимо в связи с отсутствием идей, последовал моему примеру и предоставил разработку стратегии другу. Леха откашлялся и выдал:

— Предлагаю весьма нетрадиционный метод. — почесал он нос. — Будем доставать подозреваемых регулярными звонками и сообщать зловеще что-то наподобие: "я знаю, что ты сделал прошлой ночью".

— И как это должно сработать? — не смогла постичь я гениальность замысла.

— Ну, в конце концов, виновный занервничает и совершит что-то такое, что его выдаст. Мы же не с заядлыми рецидивистами имеем дело, у которых нервы как стальные канаты, а с обычными людьми, одного из которых жизненная ситуация толкнула на нелицеприятный шаг. Возможно он даже уже сожалеет о том, что сделал. Ну и "наружку", конечно же, за каждым установим, я уже ребят предупредил.

— Можно и так. — кивнул Егор, а я поняла, что у них в городе не только доктора — приверженцы странных методов. Вполне возможно, что и весь город слегка "того". Во всяком случае мне пока встречаются лишь экземпляры со странностями...

— Может все-таки еще и лично со всеми поговорим. — робко предложила я дельную на собственный взгляд мысль. — Ну типа мы с Егором решили лично нанести визит столь важным для галереи клиентам и сообщить скорбную весть. Все-таки на кону стоит наша репутация...

— Согласен, личное впечатление никакая "наружка" не заменит. — заметил Егор, обращаясь к Лехе. Когда Петров тут главным успеть стал? — Можно еще им во время разговора сообщение скинуть, чтобы мы могли на реакцию каждого собственными глазами полюбоваться.

— Сделаем. — согласился начальник службы безопасности, сгребая папочки обратно в кейс. — Ну все, я отбываю, и так уже неприлично задержался.

— Боишься, Елена Петровна негодовать будут? — подколот товарища Соболев.

— Вот женишься, тогда и поговорим. — отбил подачу Леха с таким видом, будто знал что-то нам пока недоступное.

— Ты женат? — сама не знаю почему, но я была абсолютно уверена в том, что Леха завзятый, безнадежный холостяк.

— Окончательно и бесповоротно. — подмигнул мне Петров и отбыл к заждавшейся

супруге.

Оставшийся вечер прошел по-семейному тихо: мы болтали, готовили ужин и периодически обрабатывали мои увечья. При этом каждый раз настроение у Егора заметно падало, и мне приходилось прилагать немалые усилия, чтобы тот был весел, добродушен и не пускался крушить все вокруг. Ну а кого может привести в восторг лысина размером с чайное блюдце на затылке любимой невесты?

Леха, как и обещал, скинул нам контакты возможных злодеев, и Егор, не теряя времени, всех обзвонил и договорился о встрече. К несостоявшимся покупателям решено было ехать завтра, а обитающего в двухстах километрах от нас продавца мы решили навестить через день. Меня, ясное дело, Соболев брать с собой желанием не горел, но я пообещала прикрыть глаза очками, лысину — прической, еще и пригрозила, что, если он не хочет ехать вместе со мной, значит стесняется и не любит по-настоящему, а как я могу выходить замуж за того, кто меня не любит. Короче, под натиском женской логики Егор был вынужден сдаться и уступить. А я порадовалась, что и в нынешнем состоянии можно найти свои плюсы.

Проснулись мы на следующий день по будильнику. Солнце насколько могло пробивалось сквозь плотные серые шторы, и первым делом я побежала к зеркалу проверить эффективность чайных компрессов.

На этот раз чудо-доктор смог-таки удивить: отек спал примерно на две трети, оставив мне конечно не ясные очи, но вполне себе приличные глаза, а желто-зеленые синяки прекрасно замазываются тональником. Жаль, что затылок подобными результатами не мог порадовать, и придется мне как-то исхитриться с прическами или покупать шиньон, как у бабушки. Только вот как его к лысине крепить-то, не на супер-клей же?

В общем, на сборы мне понадобилось чуть больше времени и смекалки, чем обычно, хорошо хоть завтраком опять занялся Егор. Мне это определенно начинает нравиться.

Первым делом мы решили навестить Ставскую, которая любезно ожидала нашего визита в одном из салонов, расположенном в паре кварталов от Соболевского жилья. Я справедливо задумалась о ее адекватности — не в парикмахерских же креслах нам беседовать, но все оказалось не так грустно: у дамы в этом салоне оборудован кабинет под офис.

"Матрешка" — оценила я поэтическое название при входе. Интересно, что нас там ждет, комната в комнате? Но ничего такого, конечно же, в салоне не было. Внутри помещение оказалось оформлено в стиле под стать названию: расписанные в русском стиле стены, мебель с элементами хохломы и сотрудники, облаченные в фирменные передники. Все кресла в это время, кстати, оказались заняты клиентами. Хозяйка вышла встречать нас лично и проводила в кабинет, велев администратору принести всем кофе.

"Даже не спросила, что мы будем" — из вредности подумала я, хотя вряд ли бы сделала выбор в пользу чая.

Ольга Борисовна оказалась дамой с рыжими кудрявыми волосами и яркой внешностью, цвета в одежде предпочитала смелые: при встрече с нами она была одета в белоснежную блузу и насыщенно-синие штаны, что в сочетании с шевелюрой делало женщину очень даже заметной. Электронная сигарета в виде пухлого бочонка с торчащей сбоку трубочкой завершала нестандартный образ. Чего-то совсем не так я представляла себе Ставскую. Голос у дамочки оказался грудным и глубоким и подходил к образу как нельзя лучше. И вообще, она была какой-то целиком гармоничной, что ли. Я даже слегка позавидовала.

— Рад личному знакомству. — пожал ей руку Соболев и представил меня. — Павлова Мария Аркадьевна, новая управляющая галереей.

— Очень приятно. — кивнула женщина, с любопытством разглядывая меня. Так как очки в помещении пришлось снять, лицо мое предстало перед ней во всей красе, и к какому выводу пришла дама, знающая о цене женской внешности не понаслышке, догадаться не сложно.

— И мне. — пробормотала я и подумала, что лучше бы мне не выпендриваться и остаться в машине, как советовал Егор.

— Единственное, я не очень понимаю цель вашего визита. Аукцион, насколько я помню, должен состояться только завтра.

— Как раз это нас к вам и привело. — заговорил с постной миной Егор. — Вынуждены с прискорбием сообщить, что мероприятие отменяется: картину самым бесстыдным образом украли. Полиция уже занимается этим делом.

— Вот как. — запрокинув голову, Ставская выпустила клубы дыма или пара в потолок. Больше, конечно, похоже на дым, но знающие люди утверждают, что на самом деле это пар.

— Сожалеем. — развел руками Соболев. — Полиция, конечно, делает все, что в их силах, но будет ли картина найдена и когда, неизвестно. Поэтому, зная о вашей личной заинтересованности в полотне, мы с Марией Аркадьевной, — бросил он на меня взгляд. — решили сообщить вам лично.

— Если пожелаете, мы в максимально сжатые сроки подберем вам что-нибудь подобное по ценности работы и настроению. — предложила я, как того и требовали обязанности управляющей.

— Да нет, спасибо. — усмехнулась она и выпустила еще одну клубящуюся струю пара. — Это все Колька хотел подарок сделать, вот я и выбрала назло ему что подороже и понелепее.

— Колька? — сделал вид, что не понял о ком речь Егор, тем самым побуждая собеседницу развить интересующую нас тему.

Рыжая вздохнула и усмехнулась:

— Любовничек мой, Рогов Николай, если вы понимаете, о ком я. — пояснила Ольга и дала нам время осознать то, что мы и так знали благодаря стараниям Лехи.

— Николай Николаевич? — уточнил Егор, как бы намекая на то, что прекрасно понял, о ком идет речь.

— Он самый. Надоел мне до жути. Посудите сами, — пустилась в объяснения Ставская. Видимо нет у женщины близких подруг, кому обычно на неугодных мужиков жалуются, или такую ситуация ей оскомины набила, что бедняга уже готова делиться сокровенным с каждым встречным. — С женой разводиться не собирается, — загибала она пальцы с агрессивным маникюром, отставив вейперский агрегат в сторону. — финансово не помогает, хотя мне, как видите, и не требуется, приехал два раза в неделю, дело свое сделал и отбыл к женошке под крылышко. Да, в самом начале он мне с бизнесом сильно помог, и я очень ему благодарна, но не всю же жизнь с ним за это расплачиваться? Тем более постелью. — грустно усмехнулась женщина. — А я детей уже хочу, семью, понимаете? Мне тридцать пять недавно стукнуло, вот я и задумалась: на что жизнь-то трачу? На работу, да на мужика чужого. Вот и сказала ему, что все, баста, между нами все кончено. А он захотел подарок прощальный сделать, заявил, что на память. Решил, видимо, что это поможет ему время от времени на огонек заглядывать. Ну я и выбрала ерунду из тех, что подороже. Вы уж

извините, что я так о признанных шедеврах, но не мое это. — повернулась ко мне Ставская.

— Ничего-ничего. — покивала я, в глубине души обидевшись за понравившуюся картину и не оцененного по достоинству румынского живописца.

В этот момент у женщины завибрировал телефон, лежащий рядом на столе. Она прочитала сообщение и в полном недоумении подняла бровь, пробормотав что-то типа: "идиоты какие-то".

— Прошу прощения. — отложила она трубку как ни в чем не бывало и уставилась на нас: эмоционального отклика Лехина смс-ка у дамочки явно не вызвала.

— Что ж, рады, что вам особых неудобств эта кража не причинила. — поднялся со стула Соболев.

— Да, ничего. Вы уж извините, что перед вами все это вывалила. — вздохнула женщина, явно сожалея о том, что приоткрыла корзину с грязным бельем перед практически незнакомыми людьми.

— Ну что вы, не стоит. — успокоил женщину Соболев, и мы отбыли.

— Так может это Рогов картину и тиснул? Ну чтобы не тратиться. — уже в машине спросила я, пока мы были на пути к следующему подозреваемому.

— Вряд ли. — не согласился Егор. — В его положении проще купить полотно и не заморачиваться. К тому же где гарантия, что любовница успокоится и не выберет следующий подарок?

Я вздохнула: иногда мужская логика дает значительную фору женской, — но от чувства, что мужчины уж слишком легкомысленно отмахиваются от подозреваемых, отделаться так до конца и не смогла.

Дорога до дома, где жил Машков — старинный друг отца Егора, заняла у нас минут сорок из-за пробок, хотя расстояние мы проделали километра в три, не больше. Зато хоть с парковкой во дворе, окруженном по периметру зеленью, проблем не возникло, Егор с легкостью приткнул Мерседес на одно из примерно десятка пустующих мест.

Я с удовольствием разглядывала величественный дом, без сомнений "Сталинской постройки". Колонны, лепнина и барельефы говорили о том, что строение в свое время было возведено отнюдь не для последних слоев общества. Короче, выбрал дядя жилье, предназначенное для советской элиты, со всеми вытекающими "буржуазными излишествами". Не удивлюсь, если не так давно дом был густо населен "братками" и "коммерсами", поднявшими первое состояние благодаря не совсем честной деятельности и смутным временам.

Лично я в силу возраста и того, что родилась уже даже не в РСФСР, предпочтении отдаю новостройкам с новенькими лифтами, трубами и перекрытиями. Благо Соболев тоже.

Егор обошел машину, подхватил меня под руку и повел к ближайшему подъезду. Назвав фамилию в динамик домофона, Соболев распахнул передо мной дверь, и мы вошли внутрь. Убранство парадной внешнему лоску дома не уступало: мрамор, ковры и живые цветы радовали глаз жильцов и людей их посещавших. Находящуюся на третьем этаже монументального вида дверь, прямо до смеха соответствующую жилищу, нам открыла средних лет женщина в униформе.

— Добрый день, мы к Виктору Ивановичу. — поздоровался за двоих Егор.

— Здравствуйте. Прошу, хозяин ждет вас в кабинете. — пригласила нас дама и проводила к Машкову.

Пока мы шли, петляя по коридорам, я успела вообразить, что этот самый Машков

объединил квартиры три, не меньше, судя по расстоянию, которое нам пришлось покрыть. На ремонт дяденька тоже не поскупился, каждая деталь просто кричала о роскоши и достатке хозяев, начиная от декоративных столиков в классическом стиле с золотыми ножками и заканчивая чеканными дверными ручками.

Чувствовала я себя как в музее, только красных бархатных веревочек не хватало, чтоб оградить ценности от посетителей, да бабушек-смотрительниц.

— Странно, что нас не лакей встречать вышел. — шепнула я Егору, пока мы следовали за горничной в униформе, сшитой по современной, совершенно не вписывающейся в интерьер, моде.

— Или мажордом. — подхватил тот.

Кабинет, в котором решил принять нас Машков, встретил полумраком, тяжелые бархатные римские шторы были опущены до середины окна, сам же хозяин, облаченный в белую рубашку с кружевными манжетами, полулежал на кушетке. Из распахнутого ворота торчала худая, покрытая морщинами шея, а сам мужчина походил на разодетого по старинной моде немощного цыпленка. Тем более, что желтоватого цвета сухая кожа это сходство только усиливала.

Интересно, кем этот дядька себя возомнил? Гардемарином? Ах да, он же ювелир. — тут же простила я мужчине его эксцентричность.

— Добрый день, Виктор Иванович. — поздоровался Егор, едва мы зашли в кабинет. Судя по недрогнувшему виду жениха, подобный стиль в одежде являлся для Машкова повседневным.

— Добрый день. — попугайчиком повторила я и почувствовала себя до обидного нелепой. Хотя тут и без уточнений ясно, кто из троих присутствующих должен чувствовать себя нелепо.

— Здравствуйте, молодые люди. Для вас подготовили кресла. — величаво кивнул хозяин кабинета, отчего тут же захотелось называть его не иначе как "Милорд" или "Ваша светлость", и с любопытством уставился на нас. В основном, конечно, на меня, Соболева-то он явно не в первый раз видит. Только что он там впотьмах разглядеть собрался, я не поняла.

— Позвольте представить, новая управляющая галереей, Мария Аркадьевна. — первым делом представил меня Егор.

— Только лишь управляющая? — хитро сощурил слезящиеся глаза старик.

— И моя невеста. — пришлось сознаться напарнику.

Старик зашелся в приступе какого-то хриплого, удушьящего кашля, от звуков которого мне даже самой захотелось откашляться и прочистить горло.

— Поздравляю-поздравляю, давно уже пора. — просипел дедуля и кинул на меня такой силы ненавидящий взгляд, на который тщедушный старикан по всем законам природы уже не должен быть способен. От чего дедуля занял место сразу же после тети Марины в моем личном рейтинге супостатов.

— Спасибо. — холодно кивнул Егор. — Собственно, мы вот по какому поводу: картину румынского художника, которая, я знаю, вас очень интересовала, украли неизвестные, так что к нашему сожалению аукцион придется отменить до выяснения...

— Ну и времена настали... — посетовал старик. — Развелось же нелюдей.

Машкова сотряс очередной приступ кашля, а после он долго вытирал слезящиеся глаза расшитым кружевным платочком. В связи с чем его отношение к новости определилось оказалось затруднительно.

— Приносим свои извинения. — как-то равнодушно произнес Егор.

— Что ж, на нет и суда нет. — покачал головой старик, и я уже было встала со стула, чтобы поскорее свалить подальше от этого странного места и вызывающего, несмотря на внешнюю немощь, озноб хозяина, но тот продолжил. — Ты же не знаешь, почему я картиной заинтересовался? — обратился он к Егору, начисто игнорируя мое присутствие.

Соболев лишь покачал головой.

— Элька незадолго до смерти ее купить просила. Даже упрашивала. Но я отказал, велел ей сперва жизнь в порядок привести, с институтом разобраться. Да и так бы купил, но, как видишь, не успел. Кто же знал, что все так повернется... — старик замолчал и уставился прямо перед собой, а мы так и продолжали сидеть, не зная что делать, как вдруг Машков продолжил. — А теперь вот и я скоро Богу душеньку отдам — рак четвертой стадии никому не оставляет выбора, так что пришло мое время собирать камни. Уже скоро свидимся с доченькой. Уж как я хотел с картиной уйти... — старик опять уставился в одну точку, уйдя в себя, из глаз его потекли слезы, а мы молча покинули кабинет, не желая тревожить чужое горе. В коридоре нас подхватила недавняя горничная, или кто она там по трудовому договору, и проводила до двери. Было это заботой о гостях или же о недешевом имуществе, лично для меня осталось загадкой.

После визита к угасающему старику в машине повисла тягостная атмосфера: Егор угрюмо молчал, а я пыталась переварить полученную информацию и определить, что же все-таки чувствую к этому Машкову: то ли щемящую жалость, то ли смутную тревогу и почему-то необъяснимое опасение. То, что дедок скорее всего ни при чем, мне и доказывать не надо: картину бы он купил за любые деньги — в могилу с собой много не унесешь, да и на камере был явно не он. А вот чем я ему в роли Соболевской невесты не угодила — вопрос. Надо будет потом у Егора поинтересоваться.

Перед тем, как ехать к третьему подозреваемому — некоему коллекционеру Рынде, мы решили пообедать. Да и сделать перерыв и восстановить душевное равновесие не помешало бы.

Воображения моего на этот раз заведениями на крыше, под водой и иже с ними Егор потрясать не стал, а выбрал первое попавшееся. Им оказался ресторан "Есенин" на два зала, мы выбрали тот, что поменьше. Народа в это время практически не было, так что в маленьком зале мы оказались одни. Заказ принесли достаточно быстро, а так как отвлекаться на пустую болтовню настроения не было, отобедали мы на редкость быстро и нехотя отправились беседовать с Рындой. Ну и фамилия у дядьки, неудивительно, что с ним жена разводится...

Коллекционер жил загородом в трехэтажном коттедже, скрытым от любопытных взглядов, насколько это вообще возможно для такой махины, за красным кирпичным забором, у ворот две камеры видеонаблюдения. Подождав, пока разъедутся автоматические створки, мы въехали на территорию и бросили машину в нескольких метрах от приподнятой гаражной двери. Хозяин уже ждал нас у входа.

— Добрый день. — немного нервно пожал нам руки Олег Игнатьевич. Он вообще вел себя как-то суетливо. Рында оказался полноватым мужчиной средних лет, с выдающимся вперед пивным брюшком, которое так и манило меня подойти поближе и потыкать пальцем, проверяя то на упругость, потому как выглядел живот так, словно кто-то надул большой воздушный шарик и сунул мужчине под одежду. Облачен был Рында в несвежие брюки болотного цвета и бежевый свитер, вязаный крупными косами, с затертыми манжетами, и в

целом смотрелся весьма неопрятно.

"И это — завзятый любитель искусства?" — разочарованно подумала я, но потом напомнила себе, что стоящий перед нами человек находится в непростой ситуации, а грозящий раздел имущества чистоплотности не способствует, если только дело не касается финансовых документов и тому подобной отчетности.

— Прошу, проходите. — пригласил нас в дом Рында и провел на кухню, которая под стать хозяйской внешности оказалась завалена разнокалиберной грязной посудой и всяческой снедью, начиная от открытых коробок с сухим завтраком и заканчивая несколькими банками растворимого кофе.

— Прошу прощения. — бормотал он, расчищая поверхность обеденного стола и смахивая ладонью крошки. — Экономка еще не приходила. — оправдывался Рында, а я вообще усомнилась в том, что таковая у него есть.

Перед тем, как сесть на стул я внимательно изучила текстильную поверхность: испачкать лучшие джинсы чем-то наподобие шоколадной пасты не хотелось вовсе, — и только потом плюхнулась на песочного цвета сидущку.

"Зато в этом доме я не рискую ерзать от неловкости за собственную внешность или за неуместное поведение" — нашла я плюсы в ситуации.

Наконец, мужчина перестал суетиться, уселся за столом и внимательно посмотрел на нас. Егор, как всегда, первым делом представил меня, а потом поведал о краже шедевра.

Рында охал и ахал, словно бабка на скамейке, которой нежданно подбросили горяченькую новость, в душе радуясь тому, что и у других в жизни не все гладко, а потом заявил, что все равно бы не купил картину, потому что супруга, чье вероломство, как показала жизнь, не знает границ, нежданно-негаданно взяла, да подала на развод. Теперь вот неизвестно, что станет с нажитым непосильным трудом имуществом, так что этот аукцион, к его глубочайшему сожалению, в любом случае прошел бы мимо Рынды.

— Ну что, скажите мне на милость, взбрело в голову этой женщине? — вопрошал, потрясая пухлой дланью, коллекционер и глядя почему-то на меня, как будто то, что я была одного пола с его женой, означало, что я с легкостью могла объяснить поступки любой женщины. — Да еще и пройдоха-адвокат этот ее! Уверен, это он Ниночку против меня настроил. Вы скажите мне, разве могла обычная учительница физики вдруг ни с того, ни с сего захотеть развода? Я уж и так к ней, и эдак, а она уперлась, как корова рогом: нет, развод и точка!

Вдруг, оглашая все помещение ни на что не похожим ревом, откуда-то из-за барной стойки проверещал телефон Рынды, сообщая всем вокруг о входящем сообщении. В голове тут же возникла ассоциация с советским будильником в медном тазу. Мы втроем аж синхронно подпрыгнули: ну и аппарат у коллекционера, небось тоже какой-нибудь редкий, старинный экземпляр. Олег Игнатьевич, извинившись, резко подскочил, схватил трубку и уставился на экран. На мужчину смс-ка явно произвела неизгладимое впечатление: лоб у того покрылся испариной, кровь отлила от щек, а руки внезапно затряслись. Как что-то гадкое, он пальцем отодвинул телефон подальше и, опять извинившись, уселся обратно за стол.

— Опять жена гадости пишет. — попытался объяснить собственную реакцию на сообщение. — Никогда не разводитесь! — оглядел он нас с Егором, остановив взгляд на безымянных пальцах, а потом добавил: — А лучше всего вообще не женитесь.

Мы, как могли, утешили бедолагу, обещая, что справедливость восторжествует — не

может не восторжествовать — и отбыли восвояси. Подозревать коллекционера в плохом лично мне казалось каким-то кощунством, тем более, что фигурой на похитителя с записи он никак не походил. Настроение, как бы мне ни было за это совестно, после общения с Рындой приподнялось, и всю дорогу до дома я слушала радио и подтанцовывала, насколько хватало пространства в пассажирском кресле "Мерседеса".

Отужинать мы с Егором единодушно решили дома, так что на обратном пути заехали в супермаркет, по-семейному закупили две тележки, а заодно и Соболева в тонус привели, потому как тащил он пакеты с покупками единолично. Готовить сообща оказалось весело и занимательно, и самым сложным для нас стало выбрать блюдо, которое устроило бы обоих и не отняло бы все силы и время. Сошлись в итоге на мясе с овощами. Чтобы процесс пошел веселее, мы открыли бутылочку красного. На Егоре-то это никак не отразилось, а вот мне очень даже помогло: работа прям кипела. Кипела настолько, что в какой-то момент Егор и вовсе отправил меня на диван принимать чудотворные компрессы из заварки, чтобы не пугалась под ногами.

Пролежать смиренно получилось от силы минут десять, а потом неумный темперамент, сдобренный красным вином взял свое.

— Что думаешь по поводу наших подозреваемых? — начала пытаться я Соболева.

— Что лучше бы пойти им всем лесом со своими проблемами. А то, что исполнителя, поднявшего руку на мою женщину, мы сегодня не увидели, и, пока не выясним, кто из этих четверых заказчик, скорее всего и не увидим — ясно, как стекло. — по его тону становилось понятно, что о них он думать в данный момент вот совсем не настроен. Единственное, что так и осталось для меня загадкой — на кого же все-таки Соболев устроил охоту: на того, кто покусился на вверенный галерее шедевр, или на того, кто за определенную плату согласился этот шедевр достать, ну и меня по голове шваркнул по ходу своего черного дела. Но выяснять детали на всякий случай не стала: не стоило портить чудный вечер.

Напоминание о лысине заставило слегка приуныть, но ненадолго — с временными изъянами во внешнем виде я уже свыклась и, как показал сегодняшний день, худо-бедно научилась справляться. Так что я прилежно выдержала еще минут десять волшебной процедуры, а затем продолжила помогать Егору с готовкой.

Хотя, по большей части помогала я с вином — уж больно хорошо оно влияло на настроение. Так что вечер получился у меня веселый и задорный. А когда отзвонился Леха и зачитал нам по громкой связи зловещий текст сообщения, что, согласно плану действий, разослал по подозреваемым, я злорадно хохотала минут пять и остановилась только тогда, когда опрокинула на белоснежную скатерть, что мы торжественно расстелили, полный бокал коллекционного Кьянти. В общем, угомонить меня в тот вечер было сложно, но Егор расстарался.

Наутро я проснулась, как ни странно, полной сил, в распрекрасном настроении и даже вперед Егора.

— Сон алкоголиков — краток и тревожен. — прокомментировал мужчина и перевернулся на другой бок, даже и не думая встречать со мной новый день.

— Егор, ну вставай же, нам ведь сегодня в соседний город ехать. — тормозила я Соболева, но тот лишь отмахивался и снова начинал сопеть.

— Вот уж не думала, что людям за тридцать так сложно вставать после веселого вечера.

— Если бы дамы за двадцать не храпели с такой силой по ночам, люди за тридцать бы прекрасно высыпались.

Это он что, обо мне?

— Ах ты гад! — Запрыгнула я на него и начала лупить подушкой, моему негодованию не было предела. Егор перевернулся на живот и прикрыл голову руками. — Ты все врешь, я не храплю, это ты сам храпишь!

— Храпишь-храпишь, еще как. — глухо прозвучало снизу.

— Ну ты и гад! — я хлопнула его по заднице резинкой от его же фирменных боксеров и гордо удалилась в ванную.

Стоя под прохладным душем, я немного остыла, поэтому не стала сопротивляться, когда Егор залез ко мне. Собственными особыми приемчиками он наладил мир в семье, и мы, наскоро позавтракав, отправились навестить продавца картины.

Дорога в двести километров заняла у нас почти три часа, так что, когда мы въехали в родной город бывшего хозяина картины, я успела снова как следует проголодаться. Егор это прокомментировал в стиле: "Машу легче прибить, чем прокормить", но после утреннего душа я была в безмятежном настроении и великодушно спустила ему это с рук, сделав вид, что не услышала ни слова.

На поиск хорошего ресторана времени не было, так что первая встреченная приличная на вид кафешка очень даже сгодилась. Помимо салата и десерта, пришлось заказать и внушительную чашку кофе, потому как утренней бодрости хватило ненадолго и внезапный прилив сил до обидного быстро сошел на нет. Ну или дорога на молодой организм подействовала усыпляюще.

В общем, тандем из морковного торта и капучино сработал как надо, и после трапезы я была снова в строю, даже умудрилась утомить болтовней несчастного Соболева, пока мы, благодаря навигатору, плутали по незнакомому городу в поисках офиса Ротмана Игоря Валерьевича, не без нашего косвенного участия лишившегося ценной картины.

Трудился Игорь Валерьевич в современном недавно возведенном здании из стекла и бетона, при входе в которое нас встретил охранник за полукруглой стойкой и прежде, чем пропустить через турникет к лифтам, потребовал паспорт. Я в растерянности уставилась на Егора — ясное дело, что в дорогу, кроме телефона и прочих нужных даме мелочей, вроде бумажных салфеток и карандаша для губ, я ничего не взяла.

Соболев, не моргнув и глазом вытащил из внутреннего кармана ветровки документ со словами:

— Одного на двоих будет достаточно? — под этим подразумевалось, что требовать паспорт у спутницы лучше и не пытаться.

Охранник намек понял, тут же закивал, как длинношеяя собачка, стоявшая раньше в салоне у каждого уважающего себя водителя, и со словами: "сейчас выпишу пропуск" выдал нам пластиковые карты для турникетов. Фирма, принадлежавшая Ротману, располагалась на восьмом этаже и занималась поставками оптоволоконного оборудования. Это со слов рекламных проспектов, украшающих стены нужного нам этажа.

Сам Игорь Валерьевич предпочел встретиться с нами в конференц-зале, вместимостью человек на пятнадцать, туда же гостеприимно велел принести чай и кофе.

— Приносим свои соболезнования по поводу картины и извинения за то, что, так сказать, не уберегли. — Егор пожал руку мужчине, перед тем, как мы расселись по местам: Ротман с одной стороны длинного стола, а мы, как уже повелось, — с другой.

— Ну что вы, не стоит. Непредвиденных обстоятельств пока еще никто не отменял. — покачал головой бизнесмен. И было не понятно то ли он действительно не сильно переживает, то ли мастерски скрывает эмоции.

Вообще он оказался моложе, чем я себе представляла: эдакий денди, слегка за сорок. Подтянутая фигура, аккуратная стрижка и безупречный костюм, ему бы больше подошло быть каким-нибудь влиятельным ученым, преподавателем в ВУЗе или на крайний случай политиком — уж слишком безукоризненной была его внешность, особенно в сравнении с моей, которая на данный момент оставляла желать лучшего, с грустью отметила я.

А потому, стараясь быть максимально незаметной, я тихонько принялась за чай, по понятным причинам от кофе отказавшись. Напиток на мое счастье не разочаровал и давиться угощением из вежливости не пришлось. Я украдкой глянула на Егора: вот уж кто бы давиться из вежливости точно не стал. Напарник сидел в расслабленной позе и явно чувствовал себя в этой ситуации, как рыба в воде: его не смущало ни то, что мы отвлекаем фактически незнакомого человека от работы, ни то, что придуманный наспех повод для визита явно недостаточен для покрытия расстояния в двести километров и уж в самой малой степени его волновало, что там может Ротман себе о нас подумать.

— И тем не менее, мы решили лично выразить сожаление, так как, что ни говори, а часть вины, пусть и косвенная, все равно лежит на нас. — Егор вернул узорную чашечку с кофе на блюдце, идущее в комплекте, с едва слышным звоном.

— Благодарю. — кивнул Игорь Валерьевич. — Полиция, кстати, тоже уже успела у меня вчера побывать.

— Есть какие-то положительные прогнозы? — Егор был сама вежливость.

Похоже я была единственной, кого коробила бессмысленность нашей беседы.

— Да кто его знает. Они же, как и врачи, делают все возможное, но ничего не обещают... — развел руками уже бывший владелец шедевра.

— А если не секрет, почему вы все-таки решили расстаться с картиной. Меня давно мучил этот вопрос. — подала я голос, согласно сценарию: ведь не зазорно же симпатичной девушке проявить капельку любопытства.

— Что вы, никаких секретов. — улыбнулся мне Ротман. — У меня сын от первого брака недавно женился, вот мы и решили с женой ему квартиру оставить, а для себя вместо этого построить дом за городом. Но вы же знаете женщин, жена так развернулась, что нужных средств под рукой не оказалось, вот и пришлось выкручиваться. Картину жалко, конечно, но одним прекрасным сыт не будешь, да и от непогоды она не прикроет.

— Понятно. — улыбнулась я в ответ. — Ох уж эти женщины...

— Прошу прощения. — отвлекся Ротман на входящее сообщение, прочитав которое и бровью не повел, а отложил телефон и вновь обратился ко мне. — Ну если бы вы, прекрасные дамы, нас не вдохновляли, мы бы вряд ли добились и половины того, что имеем. — предприниматель улыбнулся и неожиданно мне подмигнул, от чего я тут же закашлялась, а Егор поспешил откланяться, наверное, чтобы Ротман этот не успел у меня телефончик стрельнуть.

Домой мы вернулись уже под вечер, уставшие и вялые, поужинали тем, что осталось со вчера, а от вина в этот раз отказались. Егор по-стариковски завалился в кровать с книгой, я же от нечего делать принялась терзать мужчину:

— Егор, ты на кого из этих четверых ставишь?

— Не знаю. — отмахнулся он, но от меня избавиться не так-то просто, тем более, когда мне скучно.

— Я вот на коллекционера думаю, как там его... Рохля?

— Рында.

— Да, точно, Рында. Хотя Рохля ему тоже подходит. Ну вот, по-моему, он до того нелепый, что сдуру мог и прикарманить полотно, для восстановления почти разграбленной коллекции. Только нанял кого-то естественно, чтобы самому не светиться. Жenuшка-физичка мужика в такой стресс привела, что я ничему не удивлюсь. Тем более, ты видел его реакцию на сообщение, я уж испугалась, что толстяка гипертонический криз разобьет. Хотя будет жалко, если его поймают, представляешь такого на зоне, там же ни одной картины, только наскальная живопись на стенах.

— Ты-то откуда знаешь, как там на зоне? — наконец-то отвлекся от чтива Соболев.

— По телеку видела, ну и в книгах читала.

— Это ж что за литературу ты читала, дорогая моя?

— Про лихие девяностые и бандитов, раньше модно было, папа книги в туалете оставлял. — на полном серьезе ответила я и, глядя на недоверчивое лицо Егора, созналась: — Ладно, шучу, одну повесть Солженицына по школьной программе.

Егор усмехнулся, откинул книгу, а мне только того и надо было.

— Ну вот сам посуди: тетке этой рыжей картина нафиг не нужна, ей бы от надоевшего женатика избавиться, — загибала я пальцы. — Его светлость-ювелир не сегодня-завтра помрет...

От такой грубости Егор аж поморщился.

— Ну что, он сам так сказал.

— А ты не думаешь, что он запросто нам соврать мог.

— Ты его кашель слышал? — не поверила я, что почтенного возраста старик мог со смертью шутить.

— Да я не про рак. — отмахнулся Соболев. — Он нам жалостливую баечку про дочку погибшую скормил, а мы и рады. Уж поверь мне, этот старик на многое способен, ты же видела, как он живет: таких денег честно не заработать.

— Да ну, стал бы он еще один грех на душу перед смертью брать.

— Этот стал бы. — уверенно ответил Егор. — Ты может подзабыла, но у него, кроме дочери, еще и сын старший есть, которому все нажитое в наследство и останется, так что дедку есть ради кого стараться. Надо бы, кстати, узнать, как там у них с финансами, да и попросить Леху разведать по поводу болезни, может врет все старикашка.

— Ну ладно, может Машкова исключать и не стоит, жалко, что он сообщение при нас не читал. А Ротман что?

— Его пока тоже оставим.

— Почему? Вроде там все логично: мужику понадобился налик, вот он и выставил картину.

— А может он и налик, и картину захотел, прикипел к ней душой? Или вообще, ее в карты проиграл, а жене сказать побоялся.

— Ага, зато украсть не побоялся. — не поверила я.

— А что, иные жены и не до того доведут. — со знанием дела возразил Соболев, будто сам на этом не раз и не два обжигался.

— Так это что получается, по истечении двух дней мы только Ставскую исключаем? — надула я губы, хотя в душе знала, что минус женщина — не такой уж и плохой результат.

— Во всяком случае, здравый смысл подсказывает, что дамочка здесь ни при чем. — хоть в чем-то со мной согласился Соболев, начисто проигнорировав при этом капризный тон.

Я еще немного потерзала мужчину насчет "дела", но обсуждать особо было нечего, поэтому, вздохнув, я выключила настольную лампу со своей стороны и, повернувшись на бок, уснула.

Планов на эту пятницу у нас никаких не было, так что Егор прямо с утра отчалил в офис, а я после совместного завтрака оказалась предоставлена самой себе. Пораскинув мозгами, я решила, что раз уж волею обстоятельств возвращение в родной город на неопределенное время откладывается, неплохо было бы прикупить одежды: того, что я привезла с собой в небольшом чемодане для новой должности явно маловато. Да и с волосами что-нибудь сделать не помешает.

Недолго думая, я позвонила Егору и намекнула, что как приличный работодатель он уже может перечислить мне на карточку аванс, на представительские расходы, так сказать. О том, что работаю меньше недели, тактично умолчала. Мужчина юмор оценил, но деньги обещал перевести. Затем поведал, что сколько-нибудь значимых новостей от Лехи не было: наблюдение работает, смс-ки регулярно отсылаются, но ожидаемый эффект пока не наступил. Болтать особо было не о чем, поэтому, скоренько распрощавшись, я отправилась по своим делам — так приятно чувствовать себя независимой женщиной, у которой есть чем заняться помимо того, что хвостиком ходить за женихом. От мысли о том, что дела для меня нашлись лишь благодаря Соболевской наличности, я вполне успешно отмахивалась.

Первым делом я заявила в салон красоты — пусть у них теперь голова болит по поводу того, что делать с моими волосами, точнее с их локальным отсутствием. Хорошо хоть отек с лица совершенно сошел, оставив мне на память лишь бледные разводы синяков — спасибо доктору и его чудо-методике. В общем, тональник так и остался для меня средством номер один на ближайшие дни, хоть я и терпеть не могла мазать лицо чем-то, что оставляет следы на одежде (особенно на Соболевской) и на подушках. Впишите туда еще и полотенца.

Как только я вывалила пряди из кривоватого, закрученного наспех, пучка, дамочки в салоне заохали и заохали, выказывая неподдельное сочувствие к пострадавшей и негодование в сторону бандита. Уверена не часто к ним заглядывают клиенты со столь деликатными проблемами. В итоге на общем голосовании девочки решили нарастить мне пряди, чтобы легче было лысину маскировать и добавить волосам потерянный в неравном бою объем. За неимением иных альтернатив пришлось согласиться: таскать на себе чьи-то волосы — опыт не из приятных, с другой стороны, щеголять лысиной тоже не вариант. Сразу же после процедуры я поклялась, что избавлюсь от чужих волос, как только свои отрастут хоть чуть-чуть, даже если ради этого и придется подстричься под мальчика. Главное, не как солдат Джейн, хотя именно ей шло.

Пока одна девушка работала над моей пострадавшей шевелюрой, две других занялись ногами и руками: а что, представительские деньги надо расходовать на представительский внешний вид, тем более, зная Соболева, тот на аванс не покупится.

Из салона я выходила новым человеком — как снаружи, так и внутри, все-таки, что ни говори, а внешние изъяны сильно влияют на женское настроение и самочувствие. Следующим пунктом шел торговый центр, что оказался через дорогу, не пришлось даже такси вызывать.

Сидя в кофейне и наслаждаясь ароматной лимонной выпечкой, я решила поговорить с мамой: с момента прилета в чужой город родителям я так и не звонила, и Егора попросила им ни о чем не рассказывать. Еще не хватало, чтобы они узнали, что я улетела неизвестно на сколько, да еще и в историю умудрилась вляпаться: живо вернут под родную крышу. Только

я взялась за телефон с намерением зайти в записную книжку, как обнаружила непрочитанное сообщение. Номер отправителя был неизвестен. Я нахмурилась: в свете последних событий вряд ли стоит ожидать известий о выигрыше в лотерею.

"Вали по добру по здорову" — гласил короткий текст, да еще и не грамотный к тому же. Я оглянулась: весьма сомнительно, что подобным образом меня просят поскорее допить капучино и убраться из кофейни. Тем более, что официант сильно занят светловолосой посетительницей за столиком в углу.

"Так, и кому же мы успели насолить?" — я задумалась, обращаясь к себе во множественном числе. Получается, что кто-то из числа подозреваемых прознал о нашей скромной затее, ну или Марк Абрамович так сильно расстроился, что его понизили до помощника управляющей, что решил от этой самой управляющей нехитрым способом избавиться. Но верить в коварство столь приятного и интеллигентного человека не хотелось.

Надо бы Лехе позвонить, пусть выясняет, кто тут писульки с угрозами шлет. Это как раз по его части. А вот Соболеву знать о сообщении ни в коем случае не стоит, иначе он точно ко мне охрану приставит или дома запрет, а я только жить по-человечески начала: без родительского надзора и вечных нотаций. Так что вместо того, чтобы позвонить оставшейся за тысячи километров маме, я с легким сердцем и некоторым облегчением набрала Петрова.

— Привет, Леш. — прощбетала я, стараясь чтобы голос звучал как можно жизнерадостней.

— Так-так, что-то не припомню я, Маруся, чтобы ты мне самолично звонила или обращалась иначе, чем Леха.

— Ну что, я уж другу семьи позвонить не могу... — я сделала вид, что обиделась, потому как с чего начать щекотливую просьбу не знала.

— В том-то и дело, что можешь, но почему-то не звонишь. — шутливо вздохнул собеседник.

— Вот теперь звоню.

— Просто так?

— Просто так. — подтвердила я и даже попыталась сделать вид, что немного обиделась.

— Хм, ну ладно, как дела? — принял правила игры мужчина.

— Нормально, была в парикмахерской, сижу в торговом центре. Смс-ка вот с неизвестного номера пришла.

— Тааак. — обрадовался Леха, но я так и не поняла чему. То ли тому, что я не стала тянуть и заговорила о главном, то ли тому, что наконец-то начало происходить хоть что-то интересное. — А что там у нас в смс-очке?

— Предложение свалить подобру-поздорову. — буднично ответила я и принялась ковырять пальцем салфетку. — Если расскажешь Егору, я постараюсь мстить тебе всю жизнь, так что хорошенько подумай: фантазия у меня богатая и запала ого-го. А когда Соболев запрет меня в четырех стенах, свободного времени будет хоть отбавляй...

Леха рассмеялся:

— Тебе нужна помощь, и ты не придумала ничего лучше, чем начать просьбу с угроз?

В ответ я шумно вздохнула и помолчала: а что тут скажешь?

— Ладно, посмотрю, что можно сделать.

— Леха, ты самый лучший! — воскликнула я на все кафе, заставив официанта отвлечься от блондинки.

— Но! — перебил он, а я прямо явно увидела, как Леха воздел указательный палец. — Если не удастся ничего выяснить, или ситуация будет ухудшаться, нам придется поставить Егора в известность.

— Ладно-ладно. — быстренько согласилась я на все условия, пока мужчина не передумал, рассчитывая в душе, конечно же на лучшее.

После разговора с начальником службы безопасности я с чистой совестью убрала трубку обратно в сумочку и мысленно пообещала себе, что позвоню маме вечером, как будто у меня был лимит на телефонные звонки, и за раз можно было совершать не больше одного.

Настроения, как ни странно, дурацкая смс-ка не испортила, и я, полная сил, энергично пошла по магазинам. В общем, торговому центру я принесла в тот день знатную прибыль: хорошо, когда тратишь не свои, причем тратишь на то, что нравится, а не на то, что будет приятно видеть кому-то. Собственно, поэтому среди покупок оказалось так мало вещей, подходящих на деловой стиль одежды, но в галерее люди творческие, надеюсь, не осудят. Ха-ха, да и кто меня там судить будет — я же, благодаря Егору, самая главная!

Вот, кстати, в галерею я после магазинов и отправилась. Прямо с пакетами. Абрамыч, конечно, чуть в обморок не упал, когда меня увидел на пороге, и попытался, что было сил, вытолкать взащей — мол нечего после столь серьезной травмы ерундой заниматься, никуда от меня галерея не убежит. Но куда уж ему против взывавшей совести ответственного человека: потраченные с превеликим удовольствием денежки я решила во чтобы то ни стало отрабатывать, поэтому заперлась в кабинете с бумагами и велела никому не беспокоить.

Поняла я, конечно же, от силы треть всего написанного, но решила не отчаиваться и взять документы домой: вот пусть Соболев и помогает, раз решил меня управляющей под свою ответственность назначить.

Он, как по заказу, объявился часа через полтора — наверное мой помощник позвонил и на трудовой подвиг пожаловался. Спорить с Егором было бесполезно, так что я с мстительной улыбкой сложила бумаги за неимением портфеля в один из пакетов с одеждой и уже предвкусила, каким образом мы проведем сегодняшний вечер.

Всю дорогу до дома я пытливым разглядывала мужчину на предмет: известно ли ему что-нибудь о злосчастном сообщении, — но тот вел себя как обычно или же через чур талантливо виду не подавал.

Как впоследствии оказалось, ехали мы отнюдь не домой, а в ресторан — вечер пятницы все-таки.

— Может заедем домой переодеться? — с грустью покосилась я на груды разнокалиберных пакетов, заваливших заднее сиденье "Мерседеса" целиком.

— Некогда. — отмахнулся Егор, не поняв девичьих нужд.

Но я рассудила, что если гора не идет к Магомеду, то Магомед прямо на ходу ползет к горе. В общем, не говоря ни слова, я отстегнулась, под возмущенное пиканье бортового компьютера перебралась назад и переделалась в кремовую свободную блузу, кожаные штаны и вязаный кардиган, на ноги в кои-то веки надела лодочки. Бюстгальтер тоже сменила на кружевной: Соболев в этот момент так пристально пялился в зеркало заднего вида, что мы чуть на встречу не выехали.

— Сам мудака! — крикнул он кому-то в приоткрытое окно и более от дороги не отвлекался.

В ресторане нас уже ждал незаменимый Леха в компании жены.

— Лена. — представилась интересная внешне блондинка лет тридцати, не дожидаясь,

пока муж догадается нас познакомиться.

— Маша. — я улыбнулась и слегка пожала протянутую руку. Женщина на первый взгляд отторжения не вызывала, а это, скажу, в моем случае значит немало: с новыми людьми я схожусь трудновато.

Вчетвером мы расположились в отдельной от основных залов кабинке на втором этаже, из панорамного окна открывался прекрасный вид на осенний, едва начавший желтеть, парк и пруд с утками. Единственное, что мешало мне полностью раствориться в атмосфере дружеского вечера — это неутолимое желание выспросить Леху про смс-ки, что заставляло буквально прикусывать зудящий задать неуместный вопрос язык, время от времени ерзать в кресле, и укрыться все это от Соболева никак не могло. Ой, чувствую, не избежать мне домашнего ареста, когда все выяснится. Главное, чтоб не порки, хотя в некотором смысле это может оказаться интересным...

Разговор за столом плавно стек к разговорам о работе, и Лена со словами: "Никогда они по-человечески посидеть не могут" поморщилась, ища во мне союзника. Я ее разочаровывать не стала, отпустила едкое замечание по поводу вечно работающих мужчин и их потенции, но сама в это время уши-то развесила: речь шла как раз о наших подозреваемых.

С Лехиных слов выходило, что Машков действительно стоит одной ногой в могиле, диагноз его официален и сомнениям не подлежит: анализы тот сдавал неоднократно, причем в нескольких клиниках. Далее, дела в финансовом плане идут у них хорошо, даже прекрасно, так что ни о каких долгах и речи быть не может, неофициальные долги, темные истории с участием членов их семьи также отсутствуют, поэтому видимой причины покушаться на картину у старика нет, по завещанию, составленному много лет назад, все имущество вскоре отойдет единственному сыну.

Продавец тоже чист аки агнец: Лехе удалось достать копии договоров со строительной фирмой, занимавшейся возведением загородного коттеджа, сожравшего все Ротмановские сбережения. Жена там и правда разошлась не на шутку, а денежную компенсацию, причитающуюся предпринимателю за кражу картины, выбить у страховщиков еще постараться надо: тот, вам скажу, геморрой, если верить Лехе, — да и не факт, что получится, договоры там не дилетанты составляют. А жизнь меня научила, что Лехиным словам верить можно и даже нужно, так что похищать Ротману картину вроде бы тоже не с руки, хотя на первый взгляд версия выглядела весьма привлекательно.

Тем не менее, не смотря на отсутствие видимых причин для злодеяния, наблюдение за этими двумя было решено оставить, а атаку сообщениями на всякий случай продолжить. Единственная, кого мы решили оставить в покое, — это Ставская Ольга Борисовна.

Самым подозрительным с точки зрения жизненных обстоятельств явился несколько рассеянный коллекционер Рында: грядущий его развод с женой-физичкой грозил стать одним из самых громких за последний год. Коллекция картин у Рынды действительно была серьезной и переходила в его семье из поколения в поколение, с годами расширяясь и множась, а сам Олег Игнатьевич был предан ей даже больше, чем даме собственного сердца. На житье-бытье мужчина зарабатывал посредничеством, и при том весьма успешно, судя по загородному дому за высоким забором и банковским активам, сведения о которых простым людям не должны быть известны.

Так что в состоянии стресса мужчина вполне мог пуститься во все тяжкие и делать все, что в его силах, для своей любимой. Коллекции, не жены, естественно.

Жена его, Рында Нина Степановна (вот уж в чьем случае никогда бы не согласилась фамилию мужа взять!), работает в обычной общеобразовательной школе, куда поступила после окончания института, учительницей физики и химии, по словам коллег человеком является скромным, отзывчивым, хоть и умудрилась выскочить замуж за богатея. Последнему факту больше всего удивлялись особо напомаженные представительницы учительской в самом расцвете лет. И, видимо, сил.

— Не понятно только, отчего же эта скромница на развод подала первой? — Егор сидел, развалившись в стуле, и крутил в руках нераспечатанную зубочистку.

— А вот тут нам приходит на помощь метод дедукции и некоторые знания, полученные не совсем формальным путем. — подмигнул нам Петров, довольный собой, как ученый, проводивший успешный эксперимент и докладывающий на симпозиуме о поразительных результатах коллегам. — Первое: адвокатом нашей дамы является некто Изюмов Павел Сергеевич, двоюродный брат Нининой коллеги, снискавший славу отъявленного сердцееда. Он же по совершенно невероятному совпадению на данный момент погряз в долгах как свинья в помоях. Второе: на успешный исход дела им позволяет рассчитывать хитро составленный при заключении брака договор, а точнее некоторые его пункты. При разводе по обоюдному согласию все совместно нажитое имущество делится пополам. — загибал пальцы Леха. — При доказанном факте измены мужа пополам делится и его "досвадебное" имущество, а это я скажу вам немало: большая часть коллекции, особняк и счет в банке. Если же будет доказан факт измены жены, той не достанется и копейки. И напоследок самое интересное: все имущество, как нажитое совместно, так и до бракосочетания, достается одной стороне, если вторая будет находиться в местах не столь отдаленных. — победоносно оглядел нас товарищ, жена его при этом сделала вид, будто мы пятилетки, которые занялись той еще ерундой и соревнуются при этом, у кого лучше получится.

— Так что картину мог украсть и этот адвокат, чтобы свалить все на Рынду? — пришла я к нехитрому выводу.

— Умница, дочка. — похвалил Леха.

— Тогда в самой ближайшее время следует ждать их действий по разоблачению Рынды, а то ребята что-то затягивают. — засомневался Соболев.

— Ну, во-первых, еще не так много времени прошло, а во-вторых, может мы чего-то и не знаем.

— А что менты? — опять вставила я.

— Да тоже самое. — пожал плечами Леха.

— Встретимся с женой и адвокатом, что ли? — предложил Егор?

— Могу на завтра договориться. — согласился Петров, но под гневным взглядом жены, как-то поник.

— Мы съездим. — поспешил Соболев выручить друга, заметив Ленкин настрой, вполне себе обоснованный, между прочим, — суббота ведь завтра.

Дальше вечер покатился, как будто разговора о делах и не было, мы веселились, общались и договорились до того, что зимой все вместе рванем на Кубу. Я даже улучила момент, чтобы спросить у Лехи про смс-ку, но тот узнать пока ничего не смог: сим-карта была куплена у метро и не зарегистрирована, а сам аппарат с момента моего звонка выключен, так что отследить его местоположение тоже невозможно, остается только ждать, когда телефон включат на продолжительное время. Ну или каких-то действий отправителя. Вот уж чего мне точно хотелось бы избежать.

В приподнятом настроении и довольные жизнью мы с Егором завалились домой уже в ночи, машину из-за распитой на четверых бутылки рома пришлось оставить у ресторана, но парочку пакетов с обновками я умудрилась прихватить в такси — забрать все Егор не разрешил, заявив, что не собирается из-за "дурацкого шмотья" сидеть в салоне как студент в метро в час пик. Можно подумать, он у нас в метро завсегда и проездной таскает в заднем кармане!

Перед сном мне пришло еще одно сообщение с текстом: "Вали, пока цела", хорошо хоть Егор в это время принимал душ и видеть непотребство не мог. Я быстренько отключила звук на телефоне и отложила аппарат подальше, на случай непредвиденных посланий — дисплеем вниз, и почувствовала себя как минимум нашкодившим подростком, а как максимум — предательницей всего самого светлого и доброго, что есть на свете.

Суббота ничего нового в плане расследования не принесла: весь день мы провели в ожидании хоть каких-нибудь вестей от Лехи, но с его стороны было тихо. Сил и настроения к кому-то ехать и о чем-то выспрашивать абсолютно не было, так что визит к взбунтовавшейся против тихой семейной жизни Рынде Нине Степановне и нечистому на руку адвокату в тот день не состоялся. После обеда Егору позвонил мой лечащий врач, тот самый, что отек снимает заваркой и чистит кастрюли с помощью лимонада, и пригласил на осмотр. Вот что значит преданность делу — даже по выходным на службе!

Доктор, которого я до этого момента в глаза не видела ввиду отсутствия сознания во время нашей последней встречи, оказался смешливым дядечкой за сорок с короткой шеей и намечающейся лысиной. Движения его были до того суетливы и, на мой взгляд, излишни, что я предпочла смотреть в стену, дабы не перегружать свой так до конца и не отошедший от вечерних излишеств мозг. К сожалению, помогла сия хитрость мало: шутки-прибаутки вместе со смешками вылетали из его рта бесперебойным потоком, как патроны из пулемета. Уверена, то, что он делал, было легкой степенью нейролингвистического программирования, и эскулап об этом прекрасно знал.

На бейдже, наспех прикрепленном к белому халату, печатными буквами было выведено: "Архипов Григорий Иванович, к.м.н., врач высшей категории". Я специально пробежала текс глазами еще раз, но надписи: "специалист по нетрадиционным методам лечения и просто народным приемчикам" не обнаружила.

Надо будет потом не забыть уточнить у Егора, действительно ли он мной дорожит, или решил с помощью этого мужичка невзначай от невесты избавиться. Так сказать, лечение синяков с летальным исходом. А дядечке материала и на докторскую хватит.

Принимал нас суетливый светило в каком-то стерильном на вид кабинете: пустой рабочий стол с придвинутым к нему стулом, специальная кушетка, застланная одноразовой простынею до того ровно, что горничные лучших домов Европы обзавидовались бы, увидев это проявление высшего пилота, весь инструмент убран в шкафы с идеально прозрачными стеклянными дверцами, даже занавески при нас ни разу не колыхнулись. Врач высшей категории осмотрел мое лицо и шов на затылке, поцокал с довольным видом и, хлопнув в ладоши, предложил снять швы. Хорошо хоть не поздравил с прекрасно текущим процессом восстановления, тогда уж я бы точно смолчать не смогла и высказала бы все, что накопилось с понедельника, начиная с мнения о мази, от которой мое лицо превратилось в шар с узкими прорезями для глаз, и заканчивая предположениями о "Кока-Коле".

Снимать швы доктор взялся самолично, хотя, насколько мне известно, — это обязанность простой медсестры, а не кандидата медицинских наук. Видимо, таким образом дядечка решил выказать наивысшую степень уважения к Соболеву, ну и ко мне, как к его протеже. Процедура по ощущениям, скажу я вам, так себе. Особенно, когда не видишь, что там происходит. Мне даже кровь сдавать легче, когда я смотрю не в сторону, а прямо на иглу и руки в медицинских перчатках.

Вооружившись железяками, доктор посадил меня спиной к себе, закрепил волосы по сторонам с помощью зажимов, оголив покрывшуюся колючим ежиком лысину и принялся там копошиться. По пути домой Егор признался, что наблюдать за выражением моего лица в тот момент — было бесценно. Мне же тогда казалось, что я прямо-таки каждой клеточкой,

каждым нервом чувствую, как из кожи на моем затылке медленно и нудно вытягивают жилы. Б-р-р.

Перед тем, как мы покинули лечебное заведение, этот смешливый эскулап умудрился дать мне напутствие: "Бережь впредь голову". От чего я пришла к мнению, что в этом городе мне срочно нужно заводить собственные связи — ясно же, что Соболевские никуда не годятся!

А когда мы очутились дома, и я с облегчением переделалась в удобные штаны и майку, Егор с покаянным видом сообщил, что этим вечером нас ждет ужин с его отцом. Ну и Мариной, конечно же, куда мы без нее...

— Может ты один сходишь? — заныла я. — У меня сегодня и так тяжелый день: знаешь, как ужасно снимать швы, еще и слушать шуточки этого Григория и вежливо смеяться.

— Нет уж, дорогая. Но обещаю, что ты не пожалеешь. — как-то хитро посмотрел на меня Соболев, а я в свою очередь подумала, что не пожалею только в том случае, если Марина придет лысой, как Гоша Куценко, и скажет, что она его фанатка. — Да и какой семейный ужин без невесты?

— А какая я тебе невеста, если ты даже предложение мне не сделал? — принялась я вредничать.

— Не сделал? — округлил глаза Соболев, как будто подобный факт мог легко вылететь из головы.

— Неа, не сделал. А когда сделаешь, я возьму три дня на раздумья. — сложила я руки на груди, чтобы так называемый жених даже не рассчитывал на быструю капитуляцию.

— Ах, три дня, значит? — Егор прищурился, а его серые глаза без слов говорили, что брошенный мной вызов принят. Затем одним резким движением он подхватил меня на руки, заставив завизжать от неожиданности.

В общем, за несколько часов он умудрился уговорить меня и на ужин пойти, и замуж... И даже от трех дней, которые приличные девушки берут, чтобы подумать, я беспечно отказалась. А по истечении этих часов на моем безымянном пальце заискрилось множеством граней кольцо с одним, но внушительным камнем. Помолвочное, видимо.

Так что в ресторан я ехала в отличном расположении духа и абсолютно довольная жизнью. Но Соболев и тут умудрился выпендриться: заведение находилось аж на пятьдесят первом этаже бизнес-центра. В нашем городе, насколько я знаю, таких высоких зданий на данный момент нет, не то что ресторанов.

Столик у нас был заказан в общем зале, глядя на который, я могла только порадоваться, что Егор не выбрал вип-кабинку. Все помещение словно было наполнено воздухом: немислимое количество квадратных метров, абсолютно белый интерьер с хрустальными люстрами, как будто перебрасывающимися огоньками с белым сверкающим полом, был разбавлен черными кожаными креслами, черными рамами панорамных окон, позволяющих любоваться городом с высоты птичьего полета, а по центру жемчужиной зала стоял белоснежный рояль с россыпью черных клавиш.

В ресторан мы явились вперед отца Егора, но не успели как следует углубиться в меню, как внимание всего зала привлекла вошедшая пара, не заметить которую было просто невозможно: высокий, статный мужчина средних лет в классическом костюме, излучавший уверенность в себе, вел под руку даму в блестящем аквамаринном платье в пол с высоким вырезом у бедра, женщина смеялась и была явно довольна жизнью, присутствующих в зале

посетителей они не удостоили и взглядом, полностью сосредоточившись друг на друге.

Ясно теперь в кого Егор такой самоуверенный и даже наглый: когда перед лицом пример знающего себе цену отца, тяжело вырасти мямлей.

Соболев-старший лично отодвинул спутнице стул, и Марина царственно опустила обтянутый сверкающей материей зад на мягкое сиденье, а затем нас ждал сюрприз:

— Машенька, — свысока обратилась ко мне блондинка. — Вы скорее всего не знакомы, это моя дочь, Вероника. — представила она светловолосую девушку, которую я поначалу и не заметила, уж слишком вошедшая пара была яркой.

Так вот кого она так явно прочит в жены Егору. Что ж, следует признать, девушка весьма миловидна: светлые, длиной до лопаток волосы уложены волнами, идеальная кожа, пухлые губы и аккуратный носик. Коктейльное платье насыщенного цвета бордо успешно подчеркивает достоинства ладной, надо сказать, фигурки. В общем, кабы не мое присутствие, у девушки действительно были все шансы охмурить Соболева. Конечно, в том случае, если бы он задался целью во что бы то ни стало обзавестись невестой.

Впрочем, скорее всего этим она и будет занята весь вечер по наставлению мамочки. Вот только шансов против меня у девушки никаких: разве ж по силам кому бы то ни было тягаться с окрыленной любовью женщиной, которой всего пару часов назад сделали предложение, подкрепив слова и намерения действием. Если у Вероники глаза блестели из-за мерцающих теней, щедро нанесенных на веки, то шальной блеск моих глаз, как и естественный румянец на щеках, был вызван присутствием невероятного мужчины рядом и мыслями обо всех волнительных моментах, виновником которых он стал. И даже скромное по сравнению с агрессивными одеяниями пришедших дам светло-персиковое платье свободного кроя, что прекрасно сидело на мне, ничуть меня не расстроило. Сегодня я чувствовала себя самой великолепной и счастливой не то что в этом зале, а на всей планете.

Марина глядела на меня через стол, как на врага народа: сошедшие синяки и надежно скрытая прической лысина настроения ей явно не прибавили. А выражение лица, когда она увидела кольцо на моем еще не привыкшем к тяжелому украшению пальце явнее явного говорило, что дамочка с превеликой радостью объявила бы меня ведьмой и сожгла в свое удовольствие на костре.

Но, повторюсь, мне все это было, что слону дробина: пусть пыжится на здоровье.

Когда официант принес первые блюда, Егор взял слово, поднял бокал и сделал небольшое заявление:

— Отец, Марина, Ника, сегодня я бы хотел поделиться с вами радостью и объявить, что мы с Марией официально помолвлены. — поднял он мою руку с кольцом и продемонстрировал булыжник присутствующим. Никак матримониальные планы отцовской спутницы Егору тоже порядком поднадоели. Я украдкой взглянула на жениха, но ничего, кроме неподдельного блаженства от нашей помолвки, на его лице обнаружить не смогла.

— Поздравляем. — кисло отозвались дамы, хотя мне показалось, что на лице Вероники на долю секунды даже проскользнуло облегчение.

— Наконец-то, сын! Прими мои поздравления. — в отличие от спутниц Соболев-старший говорил искренне и даже поднялся со стула, чтобы обнять сына и пожать тому руку. Меня, как будущую родственницу, объятиями тоже оделил. Вот только не могу понять, искренними ли?

— Когда же само событие? — спросил мужчина, вернувшись на свое место.

— Это мы еще не успели обсудить. — увильнул от ответа Соболев, а я, конечно же,

покраснела, воскресив в уме причину, что нас отвлекла.

Вообще, Соболев-старший во мне вызывал скорее положительный отклик: открытый, приятный в общении, интересный человек. Но, глядя на Егора, оно и не удивительно. Вечер, не смотря на скрытые подколки Марины и старания ее дочери привлечь внимание моего жениха, проходил очень даже здорово: невероятный вид на расцвеченный вечерними огнями город завораживал и вышибал дух одновременно, и даже примирял с незначительными неудобствами, которые я решила воспринимать как неизбежность. А блюда высокой кухни буквально отправляли на небеса, хотя мы и так находились под самыми облаками. Это вам не под вино вечерком стряпать.

Единственная колкость, которую я себе позволила в адрес Марины, состояла в том, что я с ехидной улыбочкой спросила не желает ли та родить Егорчику брата, ведь она еще может. И, сама того не ведая, попала прямо в цель: судя по сжатым губам и полыхнувшему огнем взгляду, родить Соболеву-старшему наследника было еще одной заветной мечтой дамочки. Более в тот вечер она меня не беспокоила.

— Ты знаешь, что Машков оказывается при смерти? — улучил момент Егор, чтобы, пусть и косвенно, поговорить о деле.

— Виктор? — переспросил отец. — Откуда сведения?

— Тот сам признался, а Леха подтвердил.

— Жаль. — покачал головой Соболев-старший. — Сына он, конечно, натаскал, но не факт, что тот все удержит. У него же не только завод. Интересно, кому он теневой бизнес передаст.

— А у него и такой есть? — заинтересовался ценной информацией Егор.

— Парочка цехов ювелирные подделки лепит, а продает под известными брендами. Не у нас в городе, естественно. — поделился сведениями мужчина, а мне стало понятно, откуда у дедульки замашки барона и тяга к роскоши — походу он себя кем-то вроде местного Аль Капоне возомнил.

— Хорошо скрывается, видать, раз Петров раскопать не смог.

— Может просто не очень-то интересовался.

— А у тебя-то откуда сведения, пап?

— Бывалые разведчики секретов не выдают. — усмехнулся Соболев-старший и дал понять, что тема закрыта.

В ресторане мы просидели часов до двенадцати — уйти пораньше не позволила прекрасная живая музыка, а я-то поначалу решила, что рояль у них для красоты стоит.

Воскресенье запомнилось тем, что прямо во время тихого семейного обеда у Соболева зазвонил телефон, внося суматоху в безмятежную идиллию, и Леха так громко говорил в трубку, что я могла слышать весь разговор.

— Так, срочная проверенная информация: в течение ближайшего часа к нашему Рынде собирается пожаловать женушка в компании адвоката, так что советую вам, ребята, придумать достойный повод и дуть к этому коллекционеру, чтобы раз и навсегда разобраться, что там у них происходит. А заодно и выяснить, имеют ли эти ребята хоть какое-то отношение к нашей картине. Ну и на адвокатишку полюбуется, вдруг он и есть наш разодетый болван с камер наблюдения.

— А ты что сам не можешь? — почесал лоб Егор — куда-то ехать в сонный воскресный полдень тому было явно лень.

— А я с любимой супругой ванную для дачи выбираю. — по тону Лехи было заметно, что уж вот он-то точно бы лучше к Рынде поехал, выяснять, кто прав, кто виноват. — Кстати, не знаешь, какая лучше: акриловая или мраморная? Или может вообще чугуна взять?

Егор в ответ загоготал во всю глотку:

— Бери купель из кедра, раз уж семейный долг зовет.

— Тебя тоже совсем скоро позовет, не ссы. — обиделся Леха и отключился.

— Ну что, к Рынде поедем? — спросила я, ковыряясь в остатках жаркого и стараясь не рассмеяться от Лехиной реплики.

— Ты можешь остаться. — нахмурился Егор.

— С чего бы это? — не поняла я. — Лицо у меня уже вроде в порядке...

— Не нравится мне адвокат этот и баба там какая-то мутная.

— Да ладно тебе, ну что такого случиться может? — заныла я.

— Хорошо, поедем вместе, скажем, что ты сережку в тот раз потеряла. Но ты как мышь себя ведешь: это значит сидишь тихо и незаметно. — пригрозил Соболев, как будто я в любой ситуации первым делом грудью на амбразуру лезу.

— Ага. — буркнула я и, отодвинув не совсем еще пустую тарелку, отправилась одеваться.

"Мышь — так мышь" — решила я, натягивая серые штаны, больше похожие на лосины, и легкий джемпер. Краситься не стала, убрала лишь волосы в пучок и вздохнула по тем временам, когда свободно могла носить косу, хвостик или вообще оставлять копну распущенной. Теперь же я лишней раз почесать голову боялась, дабы не обнажить невзначай лишнего.

Черные кроссовки и кожаная куртка цвета "мокрый асфальт" завершили образ.

— Прямо Лара Крофт, только косички не хватает. — улыбнулся Соболев, похоже он так и не понял, по какому поводу я разоделась во все оттенки серого.

— Поехали уже. — буркнула я.

Егор, проходя мимо, щелкнул меня по носу, влез в джинсы и черную водолазку и скомандовал, сгребая с комода телефон, кошелек и ключи от машины:

— Поехали!

Я запихнула телефон в карман куртки и проследовала на выход.

Так как день стоял ясный — в родном городе Егора бабье лето было действительно бабьим летом, а не одним названием, — мы с ним, не договариваясь, натянули солнечные очки, и я тут же представила, как мы смотримся в черном тонированном внедорожнике.

— Тебе не кажется, что сейчас мы сильно смахиваем на агентов ФБР из какого-нибудь американского блокбастера? — повернулась я к Егору и сложила пальцы пистолетом.

— Ага, ты главное патроны береги. — кивнул он на импровизированную пушку.

— Не беспокойся, Смит, у меня с собой всегда припасена парочка запасных обойм. Кстати, мы за пончиками заедем или как? — прогнусавила я голосом того самого переводчика со старых видеокассет, и мы рассмеялись.

В прекрасном настроении мы двигались по направлению к выезду из города и наслаждались погожим осенним деньком. Я любовалась начавшими покрываться золотом деревьями, обещающими вскоре превратить весь город, пусть и ненадолго, в царство пурпура и янтаря.

От погружающего в безмятежность созерцания меня отвлек телефон, неожиданно завибрировавший в кармане, а изображение маминой фотографии, означающей, что

откладывать трудный разговор больше не получится, вышибло из головы любые мысли о расследовании.

— Привет, мам. — пискнула я в трубку, становясь настолько далекой от образа секретного агента, насколько это вообще возможно.

— По голосу слышу, что все же чувствуешь за собой вину. — на том конце провода почему-то оказался папа. — А значит, дочь, ты не безнадежна, хоть и забросила родителей...

— О, привет, пап, как у вас дела? — обрадовалась я. Общаться с папой всегда было гораздо проще.

— У нас-то хорошо. А вот тебя где носит?

— Ммм. — принялась я ковырять пальцем штанину. — Ну я с Егором...

— Та-а-ак. — протянул отец. — А где ты с Егором?

— В его городе. — вздохнула я и мысленно хлопнула себя по лбу: ну как можно было забыть рассказать родителям о поездке! Оправдывала себя я тем, что решение уехать было абсолютно спонтанным, да и вернуться я планировала к понедельнику, кто ж знал, что в итоге я задержусь здесь так надолго, да еще и эта круговерть с картиной начнется.

— Дочь. — тихо вздохнул папа. — А родителям сказать? Да, Женя, она к Егору усвистала. — произнес он в сторону, после чего послышались восклицания, звук борьбы, и трубкой завладела мама.

— Маша! Я, конечно, все понимаю: и то, что ты уже взрослая, и что самостоятельная, но родителей-то надо в известность ставить, я не говорю разрешения спрашивать! Или я по-твоему не права? — но ответить права или нет мама мне шанса даже не дала, а продолжила: — Мы с отцом решаем навестить дочку, приезжаем в гости, и что в итоге? Мало того, что тебя нет дома, так ты еще и в другом городе!

Мамина обличительная речь растянулась минут на пять, и, хотя на заднем фоне то и дело слышались робкие попытки отца присмирить жену, результата они не возымели. Родительница не останавливалась до тех пор, пока все не высказала. Егор поглядывал на меня со смесью ехидства и сочувствия, причем первое преобладало. Я же смиренно опустила глаза в пол и молча выслушивала заслуженный нагоняй.

— Приглашай их в гости. — шепнул Соболев, и я, не особо думая, ляпнула:

— А приезжайте в гости, мы тут жениться собрались. — а потом сама же от своих слов и обалдела.

Послышался звонкий шлепок — это Егор ударил себя ладонью по лбу и с усмешкой покачал головой.

Известие повергло маму в глубинный шок — она замолчала как минимум на минуту, а папа на заднем фоне устал выпытывать, что же случилось, поэтому просто отобрал у жены трубку.

— Машуня, научи меня, что такого сказать надо, чтоб Женя дара речи лишилась?

— Я в гости вас пригласила, ну и сказала, что мы с Егором женимся... — второй раз говорить о свадьбе оказалось гораздо труднее, особенно, когда отдаешь себе отчет в том, что говоришь.

— Все ясно. — хохотнул отец и со словами "ладно, подумаем" отсоединился.

— Чего-то я дала маху, маму аж застопорило. — повернулась я к Егору.

— Умеешь ты новости преподносить...

За городом осень чувствовалась еще сильнее: все меньше зелени оставалось в округе и все больше золота отвоевывало позиции. Никогда не понимала почему чем дальше от

центра, тем раньше наступают зима и осень, причем весны и лета это дело не касается.

К Рынде мы приехали как раз вовремя: гости, ради которых мы так ретиво примчались к коллекционеру, еще не подъехали, но судя по бегающему взгляду хозяина и нервным, суетливым движениям становилось понятно: взбрыкнувшая жена с адвокатом должны явиться с минуты на минуту, и нашему визиту хозяин коттеджа вовсе не рад.

— Добрый день, Олег Игнатьевич. — отеснил того плечом Соболев и без приглашения проследовал на кухню, я с невозмутимым видом прошла за женихом, а Рында, опомнившись, засеменял следом. — Мария Аркадьевна в прошлый раз где-то тут сережку обронила, вы не находили? — Егор сделал вид, что изучает помещение на предмет пропавшего аксессуара.

— Я нет, но могу у экономки спросить. — растерянно ответил Рында, в полном недоумении разглядывая мои уши, украшенные, конечно же, полным комплектом сережек. Я равнодушно пожала плечами — мол, понимай, как знаешь. — Если что-то найдется, я обязательно с вами свяжусь. — коллекционер не терял надежды избавиться от нежеланных гостей до прихода женушки. К несчастью для него у нас были абсолютно противоположные цели и несравнимо разные темпераменты.

Егор, не побрезговав, опустился на колени и полез исследовать пространство под столом.

— Не стесняйтесь, Мария Аркадьевна, присоединяйтесь. — донеслось ехидно снизу.

Я, дабы не оплошать в глазах жениха, поспешно стала двигать тяжелые дубовые стулья со словами "Кажется я сидела где-то здесь..." и заглядывать под каждый, Рында поначалу хлопотал вокруг нас в надежде достучаться и все-таки уговорить убраться вовремя восвояси, а поняв, что затея бесполезна, принялся нам помогать. Кряхтя, как выдавшая лучшие деньки тахта, тот встал на четвереньки и отогнул край ковра, что с непонятным для меня предназначением лежал по центру помещения, немного сбоку от стола, и стал шарить там рукой, словно сантехник в канализации — даже рукава не первой свежести рубашки засучил. А я изо всех сил молилась, чтобы эти дурацкие гости явились пораньше, и нам не пришлось бесконечно строить из себя идиотов — потому что много ли мест на кухне, где можно достаточно долго искать украшение?

До чего не пунктуальные люди! Я уже дошла до того, что двигала пальмы, расставленные в коричневых кадках у окна, к которому в прошлый раз даже и не подходила, и, куда еще можно будет заглянуть, чтобы растянуть эти нелепые поиски, понятия совершенно не имела! Не кухонные же шкафчики шерстить! Егор методично заглядывал во все углы, проводил ладонью за батареями, а Рында встал и принялся чесать затылок — видимо идеи, где можно еще поискать сережку, а еще лучше — как вернее всего нас спровадить, у него тоже закончились. Потрудился дядька на славу — даже немного вспотел, о чем свидетельствовали пятна по центру спины и повлажневшие волосы, склеившиеся местами в сосульки.

Наконец, когда в моем распоряжении оставалась всего одна кадка, а хозяин дома вот-вот бы придумал достойный предлог, чтобы выгнать незваных гостей, раздался благословенный звонок. Рында понуро поплелся открывать, а мы с Егором не без облегчения переглянулись и синхронно отряхнули руки.

— Добрый день, добрый день! — раздался из коридора мужской голос, довольными интонациями намекающий, что у его обладателя в жизни все в порядке.

— Привет. — тихо произнесла скорее всего жена Рынды.

— Проходите. — безжизненно отозвался тот и провел гостей на кухню, видимо

рассчитывая на то, что мы тактично свалим, как только увидим, что хозяину не до нас.

Он уже было раскрыл рот, чтобы извиниться перед нами и распрощаться, как Соболев проворно подскочил к адвокатишке и энергично затряс тому руку, не побрезговав.

Адвокат, которого Леха нам описывал, как известного сердцееда, собственному описанию очень даже соответствовал. По крайней мере, внешне: перед нами предстал жгучий брюнет с ярко-голубыми глазами, ямкой на подбородке, подтянутой фигурой и одетый с иголочки — в идеально подогаанный по фигуре темно-синий костюм. Мой дед, увидев бы такого, обязательно обозвал прощельгой. Хорошо, что у меня выработан пожизненный иммунитет благодаря Егору, который по всем статьям превосходит любого журнального красавчика, не то, чего доброго, и я бы по лощеному брюнету вздыхать начала.

— Добрый день, позвольте представиться, Егор Станиславович, адвокат Олега Игнатьевича. А это, — махнул он рукой в мою сторону, — Мария Аркадьевна, моя помощница. Надеемся, что мы не разочаруем друг друга.

По-моему, с той же многозначительной улыбкой, которой Соболев одарил оппонента, гадюка бросается на жертву, а гиена изо всех сил вцепляется в добычу.

— Изюмов Павел Сергеевич. — представился брюнет, не дрогнув, хотя встретить кого-то помимо мягкотелого Рынды он здесь явно не ожидал.

Дабы помочь жениху и не позволить Рынде сказать и слова, — а по его лицу было очень даже заметно, что тот собирается возражать изо всех сил, — я поспешила к коллекционеру и с предупреждающей улыбкой вцепилась в того мертвой хваткой.

— Идемте, Олег Игнатьевич. — сопроводила я "клиента" за стол, запоздало подумав о том, что на адвокатов мы походим, как лабрадор на дамскую собачку.

— Прошу. — жестом пригласил гостей присоединиться к нам Егор.

Жена Рынды растерянно топталась у входа в кухню и прошла к столу только после одобрительного кивка "прощельги". Выглядела она весьма несовременно и, на мой взгляд, подходила Рынде идеально: долговязая, скорее тощая фигура, плечи выдвинуты вперед и вниз в попытке хоть как-то уменьшить высокий рост, кожа бледная, почти прозрачная, какие-то безжизненные, пегие волосы убраны назад, одета дама была в застегнутую на все пуговицы синюю блузу и темно-коричневую юбку ниже колен. Я так и представила ее в школе, идущей по коридору с классным журналом в обнимку. Хотя сейчас вроде везде электронные журналы, так что моя фантазия не актуальна.

На "прощельгу" женщина смотрела глазами влюбленной, на все готовой ради взаимности, женщины. Что, в общем-то, и не удивительно: стоило только сравнить ее адвоката с Рындой. Внутренний мир — внутренним миром, но перед внешностью Изюмова сложно устоять, тем более явно не избалованной мужским вниманием женщине. Хотя вели себя эти двое безупречно, и кроме взглядов, полных обожания, со стороны женщины, "ничего такого" себе не позволяли. Но это скорее всего было вызвано пунктом брачного договора об изменах.

— Итак, хотелось бы выслушать суть ваших претензий к нашему клиенту. — начал Егор, когда мы все сели за "стол переговоров": с одной стороны — мы и надежно зажатый между коллекционер, а напротив — жена, требующая развода и ее красавчик-адвокат.

— С нашей стороны мы предлагаем сделать все возможное, чтобы господин Рында и его супруга развелись как можно быстрее, по обоюдному согласию и, конечно же, без передачи дела в суд. Для этого всего лишь нужно согласие вашего клиента, так как совместных детей у пары нет, а так же — урегулировать вопрос о справедливом разделе имущества.

— А справедливо — это по-вашему, как? — нехорошо прищурился Соболев: похоже адвокатик ему не пришелся по душе.

— Мы предлагаем разделить все имущество пополам. — не моргнув глазом, обнаглел дамский защитник.

— Да с какой это, интересно, стати! — умудрился возмущенно подпрыгнуть Рында, хотя мы постарались сесть как можно теснее.

— Спокойно. — усадил того Егор обратно на стул. — Мы разберемся. Итак, — обратился он к парочке, — на каких основаниях вы предлагаете делить все имущество пары пополам? Насколько нам известно, вступал в брак наш клиент с весьма приличным имуществом, о чем предельно ясно сказано в брачном договоре. — постучал Егор по папке, которую откуда-то взял и положил на стол для антуража. — Еще там сказано, что при разводе по обоюдному согласию пополам делится имущество, совместно нажитое — сделал он акцент на последних словах.

— И все же мы настаиваем на том, чтобы делить ВСЕ имущество пары. — с гаденькой улыбочкой "прощельга" похлопал ладонью по кожаному портфелю, что лежал у него на коленях, очевидно на что-то намекая. — Поверьте, это целиком и полностью в интересах вашего клиента.

— А ну пошли все вон! — взревел коллекционер: поведение Изюмова все-таки вывело дядьку из себя. — Увидимся в суде, мерзавец!

Рында вскочил из-за стола, опрокинув стул, и указал пухлым пальцем на выход, а все его лицо побагровело от ярости.

— Думаю, сейчас вам лучше уйти. — вмешался Егор.

— Всего доброго. — поднялся адвокат и оправил пиджак. — Идемте, Нина Степановна. — повел он женщину в сторону двери.

— Спасибо за помощь. — поблагодарил нас Рында, когда его жена в сопровождении адвоката скрылась в темном коридоре, даже не поинтересовавшись, откуда у нас столь интересные сведения касательно его ситуации. Я списала это на стресс. — Далее я справлюсь сам, и если вдруг найду сережку, обязательно дам вам знать.

Мы не стали и дальше трепать нервы мужчине и покинули его жилище.

День клонился к вечеру, солнышко за то время, что мы провели в гостях у Рынды, успело скатиться низко к горизонту и добавило к краскам осени еще больше оранжевого. С чувством выполненного долга мы загрузились в машину и отправились домой продолжать наслаждаться беззаботным воскресеньем, так некстати прерванным вынужденной поездкой.

— Похоже и правда эти двое стиснули картину и хотят подставить бедного мужика. — принялась я думать вслух по пути домой. — Либо украл он, а у этих двоих откуда-то образовались доказательства.

— А мотив? — прервал мои дилетантские измышления Егор.

— Ну не знаю, сам придумай. — откинулась я на спинку сиденья: придумывать что-то в защиту выдвинутой версии было лень. Тем более, если Егора это дело не колышет, то меня и подавно, не я же воспыкала праведным гневом и вознамерилась покарать преступника.

Егор включил легкую музыку, и мы молча покатали в сторону дома. Меня даже успело разморить, и проснулась я, когда Егор уже припарковал "Мерседес" в подземном паркинге.

Вечер мы решили провести по-семейному тихо: заказали пиццу и скачали фильм. Причем, кинематографические вкусы у нас оказались до обидного разные, но мой "фантастика/комедия/боевик" выиграл у Соболевского триллера. Да и кто вообще триллеры на ночь смотрит?

Разбудил нас раздавшийся, по-моему, еще в темноте звонок телефона. Я действительно не уверена, что солнце к тому моменту успело взойти. Егор пошарил рукой по прикроватной тумбочке и наконец заставил громогласный аппарат замолчать. Я перевернулась на другой бок и подумала, что что-то не припомню, чтобы мы вчера договаривались так рано заводить будильник.

Соболев встал с кровати и, как был в одних боксерах, скрылся в ванной комнате, включив там свет. А так как часть общей стены между спальней и санузлом по какой-то бредовой задумке дизайнеров была выполнена из стекла, свет, бивший прямо в глаза начал дико раздражать. Не спасли даже закрытые веки. Желая как можно скорее оказаться в блаженной темноте, я раздраженно перевернулась, запутавшись в одеяле, но и это не спасло: свет сквозь прозрачное перекрытие подло освещал потолок и противоположную стену. Я фыркнула и накрылась с головой. И тут же в тишине одеяла различила обрывки телефонного разговора: так-так, кто это моему Егору ни свет, ни заря названивает? Я прислушалась получше, но, как ни старалась, различить слов не могла.

Склочная и подозрительная часть меня тут же принялась убеждать, что это он с любовницей сейчас разговаривает, и мне надо бы не под одеялом прятаться, а пойти и выяснить, что это за общение с утра пораньше. Я принялась ерзать: с одной стороны вариант с любовницей заставлял нервничать и требовал каких-то действий, а с другой — ну мало ли кто ему позвонить может, а в ванну мужик пошел, чтобы меня не разбудить! Да и тон у него какой-то деловой, что ли, в общем, так бесстрастно с любовницами не шушукуются.

В конце концов я до того извертелась, что взмокла. Сон к тому моменту напрочь испарился, и я, раздраженно дергая ногами, скинула начавшее липнуть к телу одеяло. Дышать стало гораздо легче, и, расправив сорочку и сложив руки на груди, я смиренно принялась ждать Егора.

— Все-таки проснулась? — спросил мужчина, возвращаясь в комнату, как будто и так было не видно.

— Ага. — щелкнула я прикроватным светильником и в упор уставилась на жениха. — Кто звонил?

— Партнеры из Китая. — пожал он плечами и плюхнулся рядом на кровать.

— Ты что, говорил по-китайски? — не поверила я.

— По-английски. — улыбнулся Егор. По его виду не было похоже, что он нервничал или пытался что-то скрыть, и я тут же упрекнула себя за подозрительность: не хватало еще превратиться в раздражительную, вечно ревнующую бабу. — Мы давно с ними дела ведем, my suspicious bride. — последние слова Соболев произнес шепотом в нескольких миллиметрах от моего уха, а его неугомонные руки при этом принялись задирать ночную рубашку до уж совсем неприличной степени. Короче говоря, мой жених смог придумать достойное применение вдруг образовавшемуся свободному времени.

После чего я все утро летала, как на крыльях, и даже приготовила любимому яичницу. Хотя обычно завтраком у нас занимается Егор. Ну как занимается, выбирает и разогревает то, что готовит проходящая экономка.

— Пахнет вкусно. — оценил Егор, когда вошел на кухню в домашних штанах и белой футболке с мокрой после душа головой.

— Решила тебя побаловать. — хмыкнула я. — Только аккуратнее со скорлупками, никогда не умела как следует разбивать яйца.

— Да? А я думал, ты уже побаловала... — ущипнул он меня за мягкое место, видимо намекая, каким образом я его побаловала.

— Хам! — треснула я распоясавшегося жениха лопаткой по лбу.

— Дорогая, а тебе в душе сколько лет? За сорок?

— Зато тебе пятнадцать. Никак не больше. — огрызнулась я и уперла руки в боки.

Соболев, довольный собой, расхохотался и, прихватив тарелку, уселся за стол. И ведь знаю, что он специально провоцирует, а сдержаться не могу. Медитировать начать, что ли?

— Какие планы на сегодня? — спросила я, когда мы уже синхронно допивали кофе.

— От Лехи ничего не слышно, так что поеду на работу. — пожал плечами Егор.

— Ага, он, наверное, после того, как прогулялся с женой по магазинам и выбрал душевую кабину, неделю отпуска возьмет.

— Я ему передам.

— Ну-ну. — не поверила я. — Я тогда тоже в галерею поеду, поработаю. А-то полученный аванс остался лишь в воспоминаниях.

— Уверена? — уточнил с обеспокоенным видом Соболев, ясное дело, не аванс имея в виду. — Может отдохнешь еще пару дней?

Логика, конечно, у мужика шикарна: работать мне по состоянию здоровья не рекомендуется, а вот шляться по городу в поисках злодеев или ублажать любимого — это пожалуйста. Акцентировать внимание на этом я не стала, лишь заверила, что чувствую себя прекрасно, и, если бы не лысина, то ничто о злосчастном происшествии мне бы даже не напоминало. И вообще, люди и со здоровьем послабже трудятся...

Я проводила жениха до двери, скромно поцеловала на прощание в щеку и пожелала удачи, а потом и сама отправилась собираться. Сегодня работников галереи я собиралась осчастливить антрацитовыми блестящими джинсами и просторным темно-синим свитером,

к которым я надела золотистый кулон на длинной цепочке и лодочки с металлическим отливом. Жаль только, что в сумочку на цепочке стопка документов, прихваченных пятничным вечером в порыве трудового подвига, не влезла, и пришлось брать с собой вместительную сумку, не совсем соответствующую моему сегодняшнему настроению.

Перед выходом я решила проверить телефон и обнаружила еще три сообщения с неизвестного номера. Текст был разный, но смысл один — мне пора валить, а не то плохо будет. Откуда валить и почему не уточнялось, как и то, кому именно будет плохо. Видимо, отправитель считал, что я и так пойму. Что ж, похоже кто-то мои способности весьма переоценил. Я тут же переслала сообщения Лехе и удалила от греха подальше — мало ли зачем Егор мой телефон может взять.

Когда я уже сидела в такси раздался звонок от Петрова, в котором тот поведал, что ничего нового по поводу отправителя злобных писулечек найти не удалось, и времени он мне дает до конца недели. Если злопыхатель так и не будет найден, придется обо всем рассказать Егору, как бы мне того не хотелось. Я поморщилась и несчастно вздохнула: как поступит Соболев, когда узнает об угрозах в мой адрес, представить было не сложно. Так что свободно разгуливаю по городу я скорее всего последние деньки. Настроение, конечно, новость подпортила, но не так чтобы уж окончательно и бесповоротно. Я, не мудрствуя лукаво, решила поступить как всем известная Скарлетт О'Хара и подумать об этом позже. А сейчас и без того проблем хватает.

По приходу в галерею меня встретил Марк Абрамович. Как и в прошлые разы одет он был безукоризненно: белоснежная рубашка с жабо и синий бархатный костюм — именно так экстравагантно и причудливо в моих глазах и должен выглядеть управляющий картинной галереей, эдакий Остин Пауэрс в летах. Жаль, что себя в подобного рода нарядах я даже представить не могу, да и сильно сомневаюсь, чтобы, увидев даму моего возраста в жабо, хоть кто-то воспринял ее всерьез.

Судя по тому, что старик на капельки не удивился, о моем приходе бывший управляющий был предупрежден. Под рассказ о делах насущных он степенно проводил меня до кабинета. Того, где я с упоением разглядывала картину, за что и получила подлый удар по голове.

Помимо скорбных воспоминаний кабинет навевал тоску и уныние самим своим видом: благородное дерево и тяжелый зеленый бархат отделки больше подошли бы какому-нибудь графу или пожилому мужчине. Абрамычу, например, убранство очень даже подходило. С моим же внутренним миром помещение имело столько же общего, сколько и пресловутое жабо. И как только я поняла, что работать здесь ни в коем случае не смогу, решила искать более подходящее пристанище.

— Марк Абрамович, я понимаю, что дел у нас много, и они не ждут, — начала я, — но может быть есть тут какой-нибудь другой свободный кабинет?

— А в чем дело, милочка?

— Не сочтите за каприз, но я постоянно буду отвлекаться на мысли о том, как давит на меня обстановка, и что бы я здесь хотела переделать. — честно пожаловалась я. Уверена, старик не проболтается, и о тонкой душевной натуре новой управляющей по коллективу слухи не пойдут. — Это же абсолютно мужской кабинет!

— Да-да-да, — закивал помощник, как будто заново оглядывая помещение, — вы совершенно правы. Столь юной и прекрасной леди подойдет что-то более светлое и воздушное.

И замолчал, уставившись на меня. Видимо, обдумывал, что такого можно в этой ситуации поделать. А у меня сложилось впечатление, что говорим мы о бальном платье.

— Ну конечно! — внезапно воскликнул Абрамыч, заставив меня вздрогнуть от неожиданности. — Кабинет для экспертиз! Идемте, это буквально в двух шагах.

Помещение оказалось действительно недалеко — через несколько дверей, на противоположной стороне коридора. Входная дверь была не заперта, и мы без труда попали внутрь. Бывший управляющий щелкнул выключателем, а я тут же чихнула: пыли там скопилось немало. Нашим глазам предстало квадратное помещение, площадью около пятнадцати метров. Большие окна были ничем не занавешены и выходили во двор, стены отделаны фактурной штукатуркой жемчужного цвета, вся имеющаяся мебель сгружена в одну большую кучу и покрыта пропыленным донельзя полиэтиленом.

Я осмотрела предлагаемое хозяйство и, прикинув в уме, что с этой комнатой можно поделать, немедля согласилась.

— У нас есть штатный мастер или разнорабочий? — я озадаченно потерла подбородок: найти кабинет-то мы нашли, и я даже придумала, каким хочу его видеть, но вот кто все это дело в порядок приводить будет?

— Игорь. — кратко ответил Марк Абрамович. — Он у нас и дворник, и сантехник, и электрик, и мастер на все руки...

— Ну вот и хорошо. — обрадовалась я, что у нас в распоряжении есть такой золотой человек. В конце месяца обязательно премию ему выпишу. Если, конечно, Соболев не решит, что от моего присутствия в галерее убытков больше, нежели приносимой пользы, и не уволит от греха подальше. — Где мне его найти?

— Я позвоню. — помощник достал из нагрудного кармана очки в тонкой золотистой оправе и стал тыкать пальцем в телефон-раскладушку так тщательно, как это могут делать только пожилые люди.

Как бы мне не хотелось поскорее освоить новое рабочее место, а работать придется в старом кабинете еще как минимум пару дней: пока новую мебель доставят, пока соберут, пока само помещение отмоют. Хорошо хоть стены и пол в приличном состоянии, нужно только шторы правильные купить, такие "воздушные".

"И получится не кабинет, а пироженка!" — вредно добавило подсознание. Порой мне кажется, что говорит оно голосом мамы и иногда Регинки.

Пока мы хлопотали по поводу переезда, наступило время обеда. Но я пребывала в такой эйфории, что есть нисколько не хотелось. Хотелось наконец-то сесть и поработать как следует, чтобы не думали люди, что новая управляющая только ремонтом и занимается. Марк Абрамович покачал головой и самолично сервировал придиванный столик в старом кабинете.

— Нельзя же так, Мария Аркадьевна. — выговаривал старик, разливая чай по фарфоровым чашечкам. — Вы хоть чайку с шоколадом выпейте.

Огорчать старика не хотелось, тем более он на двоих накрыл, а значит ко мне присоединится, поэтому я театрально вздохнула и присела на диван. Чай оказался ароматным и терпким настолько, что я отнюдь не пожалела о согласии, хотя кофе мне и больше по душе. Рядом с расписным заварочным чайником бывший управляющий примостил поднос с конфетами, шоколадом и почему-то сыром. Причем сладости были настоящие, а не какие-нибудь суррогаты с эмульгаторами и соевым лецитином. Похоже тут знают толк в чайных делах и шоколаде.

За обедом Марк Абрамович рассказал о галерее, о том, как тут было до реставрации и даже немного о маме Егора, в честь которой тот и назвал галерею. Оказалось, она была перспективной и талантливой художницей, очень чуткой и доброй женщиной, а в единственном сыне души не чаяла. Егор же, когда мама была жива, был более открытым и эмоциональным, а после ее смерти захлопнулся как коробка, стал все держать в себе и даже от отца отдалился, что и не удивительно, ведь ему тогда было пятнадцать — самый что ни на есть подростковый кризис.

Старика я слушала с удовольствием: где ж еще удастся почерпнуть столько ценной информации о женихе и его семье. Не Марину же расспрашивать. В общем, обед прошел для меня приятно и с пользой.

Вторую половину рабочего дня я посвятила документам, в которых отчасти смогла разобраться с помощью консультации Егора. А что разобрать не удалось — с удовольствием разъяснил Марк Абрамович. Вот уж кто — находка для меня и для галереи: отзывчивый, профессиональный и безукоризненно вежливый человек. А еще высококлассный специалист и обладатель почти энциклопедических знаний. С таким помощником мне можно магистратуру и не оканчивать — вряд ли там смогут научить большему. На прямой вопрос о том, почему он не хочет и дальше управлять галереей и не обидно ли ему быть помощником зеленой девицы, кардинально не годящейся для этой должности, старик ответил, что уже в том возрасте, когда хочется приходить в галерею исключительно ради искусства, а управление передать кому-нибудь надежному. А кто может быть надежнее будущей жены владельца, в добавок еще и молодой, и с профильным образованием. А опыт со временем придет, для того он, Марк Абрамович, и здесь, чтобы помочь мне во всем и быть за дело своей жизни спокойным.

В общем, на душе у меня отлегло и более ничего не металось, мешая сосредоточиться на деле. А под конец рабочего дня я и вовсе так увлеклась, что пропустила приход Соболева.

— Привет. — склонился он над столом, заглядывая в бумаги. От неожиданности я аж подпрыгнула и чуть было не опрокинула чашку с остывшим кофе, что пристроила по левую руку пару часов назад.

— Зачем так пугать-то. — выдохнула я, картинно схватившись за сердце. Правда хвататься правильнее было бы правой рукой и за левую грудь, а не наоборот, но сделала, как сделала. Будем надеяться, Егор смысл послания понял.

— Ты домой-то собираешься, работяга? Если б знал, что ты на работе пропадать начнешь, никогда бы не предложил тебе это место.

— А сколько времени. — заозиралась я по сторонам. Ясное дело, часов нигде не было.

— Начало седьмого. — Соболев постучал по крупному циферблату собственных наручных часов.

— О, — потерла я лоб, — а я и не заметила.

— Хочешь куплю тебе будильник и буду заводить на без пяти шесть? Сможешь всем говорить, что пашешь от звонка до звонка.

— Ха-ха, очень остроумно. — не оценила я и стала прибираться на столе: домой действительно уже пора, да и поесть было бы неплохо. Абрамыч, конечно, как мог снабжал меня провизией в течение дня, но полноценным питанием это назвать никак нельзя.

— Ладно, скажу Абрамычу, чтобы выпроваживал тебя не позже шести, а то, я смотрю, весь персонал еще на местах, видать стесняются уйти вперед начальства.

— Соболев, тебе поговорить больше не о чем? — скривилась я.

— Оу, большой босс, полегче. — поднял тот руки вверх, ладонями наружу.

— Клоун. — припечатала я и, задев жениха плечом, прошла выход, а Соболев в ответ расхохотался.

В машине я сидела, демонстративно отвернувшись к окну, и на вопросы отвечала односложно. Чтобы хоть как-то меня задобрить, Соболев посередине пути свернул в итальянский ресторан.

— Хочешь расскажу, что Леха нового узнал? — завлекательно протянул жених, когда мы уже сидели в заведении и поедали пасту, а я еще и закусывала пиццей.

— Ну. — нехотя буркнула я. Вот так вот взять и перестать делать оскорбленный вид было непросто.

— Будешь столько дуться, скоро состаришься. — Егор усмехнулся и пальцем разгладил мне морщинку, залегшую между бровей.

Я вздохнула: вообще-то он прав, и с чего это я так завелась?

— Ладно. — вздохнула я, понимая, что перебарщиваю.

— Вот так-то лучше. — улыбнулся жених и поведал интересненькое про Рынду.

Короче говоря, мы с Егором вчера отдыхать отправились, а вот Лехе пришлось поработать: хорошо, что "наружка" была начеку, и если у остальных кандидатов в бандиты было тихо, то наш коллекционер задергался. Оказалось, что вчера, после того, как яростно всех выгнал, Рында, предварительно заехав в банкомат, посетил бар в подвальчике, рассчитанный на контингент слегка иного круга и образа жизни. Там, за столиком в углу, его уже ждал некий субъект, который по проверке оказался бывшим одноклассником Рынды, по счастливому совпадению недавно вернувшимся из мест не столь отдаленных. Причем, бывал он там не в первый, и, скорее всего, не в последний раз. О чем шепталась парочка, история умалчивает, но Леха предусмотрительно решил перебросить ребят от Машкова на этого одноклассника. И жизнь показала, что не зря: сегодня днем Рецидивист, будем так его называть, проник в жилище адвоката, а пробыв там около часа, отправился затем на улицу Авиационную, где тоже несанкционированно проник в чужую квартиру.

— И чья, ты думаешь, это оказалась квартира? — торжествующе посмотрел на меня

Егор.

— Чья? — я даже гадать не стала, потому как вариантов, даже самых неправдоподобных, у меня не было.

— Изюмовой Аллы Сергеевны. Она же родная сестра адвоката, — перечислял Соболев, — она же подруга и коллега Нины Степановны Рынды, у которой несчастная супруга и остановилась в преддверии развода.

— Да-а-а, — протянула я, откидываясь на спинку кресла. — И что же, интересно, он там искал?

— Ну уж явно не семейные фотоальбомы. Возможно улики, на которые давеча намекал Изюмов. Одним словом, то, чем адвокатишка собирался нашего коллекционера шантажировать.

— Ну это если Рынде о них доподлинно известно. — осенило меня. — А если, как мы раньше предполагали, парочка украла картину, чтобы подставить коллекционера, то он никак не мог искать улики.

— Тогда, как вариант, доказательства измены жены. Или же Рында и сам не знал, что искать, но после недвусмысленных намеков со стороны адвоката, решил выяснить.

— Хорошо, — протянула я, — а как мы узнаем, за чем именно Рында послал этого мужика?

— Поболтаем с ним? Пригрозим, что сдадим в полицию. Кстати, неплохо было бы сравнить его внешность с внешностью того типа, что у нас на пленке. Вдруг нам сегодня крупно повезет, и это окажется один и тот же человек.

— Леху звать будем? — я вытерла рот салфеткой и в приступе азарта вскинула брови.

— Обижает. — довольно протянул Егор и добавил: — Чувствую, что с такими темпами заставит Ленка Петрова заявление по собственному написать.

— Ой, вряд ли он ее послушает. — махнула я рукой: уж кем-кем, а Лехой женщинам командовать точно не под силу.

Мы созвонились с Петровым, уселись в машину и отправились по адресу, что нам продиктовал Леха. Встретиться договорились уже на месте. Надеюсь, рецидивист этот окажется дома, и долго ждать его не придется, а то уж очень домой охота: потрудилась я сегодня как следует, и силы были действительно на исходе.

Жил недавно "откинувшийся" товарищ в рабочем районе на окраине города среди уходящих ввысь вечно дымящих труб и приземистых зданий из красного кирпича. Хотя стояли тут по соседству и недавно возведенные высотки, но нужный нам дом, был явно не из таких. Проживал бывший одноклассник Рынды, согласно Лехиным сведениям, в обычной "панельке" советской постройки вместе с матерью. Вот уж кому с сыном не повезло!

После шести вечера с парковочными местами во дворе оказалось туго, поэтому приткнули машину мы в двух подъездах от нужного нам на место отъехавшей по счастливой случайности "семерки" жизнерадостного цвета "баклажан". Петров прибыл немногим позднее нас, но поскольку больше никто из жильцов покидать двор и осчастливить тем самым нашего товарища не собирался, тому пришлось дать еще два круга по двору на своем внедорожнике. В конце концов Леха минут на пять пропал из виду, а потом появился из-за угла дома, топая пешком и покручивая брелоком на пальце.

— Пришлось на проезжей части машину оставить. — пояснил мужчина свое появление.

Я огляделась и нахмурилась:

— Вы просто возьмете и бросите здесь автомобили? — наполированный Соболевский

"Мерс", впрочем, как и тонированный Лехин "Ленд Крузер" местному пейзажу отнюдь не соответствовали. Скорее даже своим холеным видом вызывали некий диссонанс и чувство несоответствия у окружающих. Если не протеста.

— А что такого? — не поняли мужчины, хотя общую мысль озвучил только Соболев.

Разъяснить "что такого" я, конечно же, не стала — потому как им, ясное дело, виднее. Да и давать лишний повод для подколов не хотелось.

Домофон мы преодолели с помощью какого-то особого ключа, которым, подобно Буратино, владел Леха.

— Это вообще законно? — прокомментировала я шепотом под тихий смешок Егора.

— Ну я же до сих пор на свободе... — возразил Петров с самым что ни на есть серьезным видом.

"Ага, куча преступников тоже" — подумала я, но мысль оставила при себе. Лифта в доме предусмотрено не было, поэтому пришлось тащиться вслед за мужчинами по лестнице. Как ни странно, подъезд оказался чистым и гадостями не пах. Свежеокрашенные зеленой краской стены радовали глаз отсутствием надписей, а выбеленные над головой ступеньки могли похвастать неимением черных кругов от зажигалки. Судя по относительно свежему воздуху и отсутствию старых консервных банок здесь даже не курил никто. Нужная нам квартира оказалась на четвертом этаже, так что, в отличие от Лехи и Егора, я успела запыхаться. Ну, с другой стороны, им-то и каблуки нагрузки не добавляли.

"Все, со следующего понедельника начну бегать. Ну или в зал пойду..." — железно решила я, борясь с одышкой, пока мы ждали, когда уже хозяева отзовутся на дребезжание издавшего и лучшие времена звонка.

Добротную железную дверь нам открыла пожилая, весьма аккуратного вида, женщина. "Видимо мать" — пришла я к элементарному выводу. Выглядела женщина лет на шестьдесят, хотя на деле ей должно было быть ближе к семидесяти. Если, конечно, она не родила одноклассника Рынды в пятнадцать. Седые волосы заплетены в косу и скручены в узел на затылке, простые черные невидимки держат выпадающие пряди по бокам. Поверх домашнего платья в мелкий цветочек надет пестрый фартук из тех, что продают с прихватками в комплекте по сто рублей в любом гипермаркете.

— Здравствуйте. — оглядела она нас, а так как выглядели мы прилично и на продавцов картошки или свидетелей Иеговых не походили, решила не захлопывать тот час же дверь. — Вы к кому?

— Добрый вечер. Нам бы с Виталием пообщаться. — заговорил Леха, потому как имя Рындиного товарища мы с Егором слышали впервые.

— Опять делов наворотил. — сама себе покивала женщина. Наше подтверждение ей и не требовалось. — Ох, горе-горюшко. Проходите. — как-то обреченно пригласила она нас.

Мы вошли в тесный коридор, еле-еле разместившись вчетвером. Я, поскольку зашла последней, прикрыла дверь и уткнулась носом в могучую Соболевскую спину.

— Так что, Виталий-то дома? — опять спросил Леха, после того, как мы какое-то время молча потоптались в коридоре.

— Дак, нет его. — вздохнула женщина. — Уж полчаса как убежал куда-то. Схватил ключи и куртку и испарился. Сказал только "мать, когда вернусь, не знаю".

Я почесала затылок, хоть и пришлось для этого извернуться: зачем тогда в квартиру пустила, если этот Виталий свалил?

— Может я могу чем помочь? — робко спросила она. — Вы уж не сердчайте, если

натворил он чего. Давайте миром решим, деньги у нас есть, пусть и не абы какие. Я вот только вчера пенсию получила... Один он у меня остался. — пояснила она напоследок и тяжело вздохнула.

— Может быть вы знаете, где он вчера был во второй половине дня? — задал вопрос Петров.

— Ох, ну что же мы у двери-то стоим. — захлопотала женщина, видимо, поняв, что мы вот так сходу обвинять ее сына и требовать деньги не собираемся. — Вы проходите на кухню-то. Может чаю?

— Нет, спасибо. — ответил за всех Егор.

Мы расположились в маленькой кухоньке, которая по тесноте могла поспорить с прихожей. Ну или с кладовкой. Про такие риэлторы в объявлениях пишут "уютная". Уж я-то знаю, о чем говорю: столько вариантов перелопатила, пока съемную квартиру искала. Тем не менее, в помещении площадью метров шести поместилось все, что необходимо: угловой гарнитур "под дерево", съевший львиную долю пространства, газовая плита, холодильник и стол с модным когда-то уголком вместо стульев. Даже маленький телевизор на стене висел.

Мы с Егором уселись на одной стороне уголка, хозяйка присела на другой, а Леха так и остался стоять, весьма невежливо опираясь задом на столешницу. Никакого понятия у мужиков нет! Видно же по квартире, что хозяйка — женщина аккуратная: пусть ремонт здесь не делали уже давно, зато линолеум на полу без пятнышка, на кухонном столе со свежей клеенкой ни крошки, полотенца чистые висят, — а тут он со своими грязными джинсами! Замечание, тем не менее, женщина делать не стала, хотя и внимание на невоспитанность обратила.

— Нас интересует, знаете ли вы, где был Виталий вчера во второй половине дня? — повторил вопрос Петров.

— Нет, молодые люди, к сожалению, ничем тут помочь не могу. Из дома он ушел часов в пять, а куда — не сказал. Бросил "мать, я по делам", и до вечера не показывался. Зато домой вернулся довольный, даже денег на продукты дал, велел не экономить. — во время разговора женщина теребила передник. — Ох, послал же Бог сына. Да мне, кроме как саму себя, и винить-то некого. Я ж Витальку совсем одна воспитывала: родители рано ушли, а замуж я так и не вышла. Да и когда мне было: работала с утра до ночи, лишь бы сын ни в чем не нуждался. Его и так еще со школы дразнили все, кому не лень. Вечно драный со двора придет, не кулаки разбиты, так куртка порвана... Безотцовщина, он и есть безотцовщина. Вот и выросло, что выросло. — покивала сама себе женщина. — Как рос хулиганом и двоечником, так и вырос в уголовника. Максимум год на свободе проводит, а потом опять за свое. Я-то думала, может хоть в этот раз угомонится, матери поможет. Нам бы ремонт в квартире сделать, — махнула она в сторону рукой, — на даче помочь. Мне уж почти семьдесят годков, здоровье уже не то, да и давление скачет. А этот...

— А в прошлый понедельник он что делал? — задал следующий вопрос Леха.

— Это восьмого, что ли? — уточнила хозяйка, нахмутив лоб.

Мы дружно закивали, а женщина задумалась.

— Так в огороде помогал, я его картошку копать отправила, да теплицы на зиму закрыть. Весь день его и не было, вернулся уставший, да спать лег.

Петров задал еще пару несущественных вопросов, поинтересовался, не приносил ли сын чего домой, но узнать что-либо значимое у женщины больше не удалось. Мы откланялись, как могли заверили беспокоящуюся мать в том, что сын ее пока ничего страшного не

натворил, наотрез отказались от денег и покинули тесную квартиру.

Уже внизу Егор поинтересовался:

— Леха, ты ж говорил, что "наружку" к этому Виталию приставил?

— Ну да. Они его до дома довели, я мужиков и отпустил. Кто ж знал, что он сорвется в неизвестном направлении, пока мы едем.

— Что теперь делать будем? — подала я голос. Пусть не думают, что я среди них статист какой-нибудь. Я, между прочим, тоже о деле думаю.

Не успели мужики ответить, как у Лехи зазвонил телефон.

— Да. Хорошо. Скоро будем. — с небольшими паузами отвечал мужчина, и, судя по сухому, деловому тону, говорил он вряд ли с супругой.

— Нашелся наш субъект. — повернулся к нам Леха с сосредоточенным видом. — В этот самый момент он заседает с Рындой в кафе со славным названием "Магнолия". И что-то мне подсказывает, что заглянули они туда не для того, чтобы после работы под порцию шашлыка расслабиться.

— Отдает награбленное. — прокомментировала я и на манер чопорной бабульки поджала губы, для убедительности кивая головой.

— Тогда поехали, глянем, чем эти двое занимаются? — скомандовал Соболев. — Заодно и с одноклассничком потолкуем.

Мы разошлись по машинам: Соболев и я направились к "Мерседесу", а Петров — в сторону дороги, где оставил, точнее бросил, собственный "Ленд Крузер". Но поймать подозреваемых "на горяченьком" нам не удалось. Не успела я подойти к машине и понять в чем дело, как жених мой разразился такой бранью, что складывалось впечатление, будто он родился и вырос в этом районе, причем воспитывался преимущественно улицей, вон за теми гаражами. Леха далеко отойти не успел, поэтому прекрасно слышал друга и поспешил назад, самолично выяснить, что же Соболева так разгневало. Я тоже в стороне не осталась и подошла к "Мерседесу" поближе. Оказалось, что, пока мы преспокойно беседовали с пенсионеркой на кухне, несчастный внедорожник подвергся атаке неизвестных вандалов, и теперь являл миру примерно десятисантиметровый порез прямо вдоль надписи: "Continental" на низкопрофильной резине.

Соболев наконец-то выдохся и оскорбленно сопел носом, видимо, чтобы хоть чуть-чуть успокоиться и не впасть в буйство посреди улицы. Леха скорбно топтался рядом с другом, а я, здраво рассудив, что вандалы могли одним порезом не ограничиться, решила обойти оскверненную машинку по кругу. Остальные три колеса остались в целости и сохранности, зато с пассажирской стороны через обе обсидиантово-черные двери красовалась нацарапанная огромными буквами исконно-русская надпись из трех самых популярных в народе букв.

— О-ей. — схватилась я щеки: это охульное слово определенно разобьет Егору сердце.

Пока жених пытался справиться с гневом, потому как столь подлого удара от судьбы не ожидал, я знаками подозвала Петрова: а что, уж пусть лучше он расскажет другу, что колесо — это еще мелочи. В конце концов он мужчина.

— Чего вы там рассматриваете. — наконец обратил на нас внимание и без того хмурый Егор.

Я с намеком во взоре посмотрела на Леху: ни за что не окажусь тем самым гонцом, что приносит недобрые вести.

— Тебе тут послание оставили. Отверточкой. — потер подбородок Леха.

А я разочарованно покачала головой: вообще, мог бы и получше друга подготовить. Егор прищурился и обошел машину.

— Ублюдки несчастные! Тоже мне, хозяева вонючего двора! — почти невинно на этот раз высказался Соболев. — Смельчаки исподтишка нагадить. — сплюнул он на газон и поковырял пальцем надпись, тем самым проверяя, насколько глубоко был нанесен урон.

Леха, немым жестом выражая сочувствие, похлопал друга по плечу. Вот они — настоящие мужские невзгоды, это вам не ноготь сломать. А я ведь говорила, что не стоит тут машины ставить.

Лехино авто, брошенное хозяином на проезжей части, к слову сказать, не пострадало. В общем, пока мы дождались эвакуатор от официального дилера, ехать в "пивнуху" уже было поздно. А Егор и вовсе на жизнь обиделся, и расследовать что бы то ни было настроения не имел. Так что, буркнув Лехе, что мы домой, Соболев начал озираться вокруг в поисках транспортного средства. Ехать к дилеру за автомобилем взамен попорченного Егор этим вечером не пожелал, так что теперь перед нами возник насущный вопрос: на чем добираться до дома.

Леха, будучи другом надежным и верным, подавил рвущийся наружу смешок и предложил нас подбросить. Соболев, к моему облегчению, от предложения более удачливого в этот вечер товарища гордо отказываться не стал, так что мы дружно загрузились в "Ленд Крузер" и оставили этот неблагополучный район и дворик, нанесший удар моему мужчине в самое сердце, позади. В салоне у Лехи, кстати, оказалось чисто и пахло весьма приятно, подозреваю, что благодаря болтающейся "елочке" на зеркале. Этот привет из детства заставил невольно улыбнуться.

Чтобы хоть как-то растормошить жениха, я просунула голову меж передних сидений и с притворным вздохом заявила:

— Соболев, ты сегодня лох.

Петров заржал в голос, а Егор обратил свое негодование на меня:

— Да? Соболезную! Потому что в таком случае ты выходишь замуж за лоха.

— Да ладно тебе дуться-то. Может ты так неудачно чье-то место занял. — пожал я плечами, не хочет сам себе настроение поднимать, никто перед ним плясать не будет. Тем не менее, напоминать про то, что насчет свадьбы к общему мнению мы так и не пришли, благотворно не стала.

— Это ж надо, как наш народ чужое благополучие раздражает. — принялся зудеть жених словно старый дед. — Мне вот просто интересно, стали бы они трогать какой-нибудь "Жигуленок"?

— Что ты, у них бы рука не поднялась... — абсолютно серьезно ответил Леха, не отвлекаясь при этом от дороги.

— Вот и я так думаю: "Жигули" испортить — дело не хитрое, особой отваги не требует, "Мерседес" же — совсем другое дело, такой победой и перед друзьями похвастаться не стыдно. Исцарапал чей-то "Мерс" — сразу повысил свой статус на районе. Тоже мне, отрыжки девяностых. — в досаде сплюнул Соболев и обратился к Лехе. — Найти сможешь?

— Пспрашивать можно, но не обещаю. — пожал тот плечом, коротко глянув на друга, а Егор снова сел на своего конька и вещал про дворовых хулиганов и их психологию аж до самого дома. Оставалось только подивиться, откуда у жениха столь глубокие знания в этой области...

Ему бы учителем в школе работать — уж очень душевные речи толкает, я почти уснула.

Его бы ученики, зная, что за любую провинность их ждет часовой выговор, вели бы себя как шелковые. Классом Соболева гордилась бы вся школа и лично директор, а его самого выставили бы на конкурс "Учитель года"... Всероссийский, между прочим!

Покинув, наконец, внедорожник Петрова, я потрясла головой, избавляясь от явно лишней информации, и как следует вдохнула. Еще бы чуть-чуть, и не миновать мне мигрени, хотя и страдают этим недугом, на мой взгляд, дамы постарше.

Загружалась в лифт я с опаской: а ну как замкнутые пространства провоцируют Соболева кунаться в рассуждения, — но одолеть не один десяток проемов по лестнице — не для меня. К счастью, Егор продолжать болезную тему не стал, лишь нахмурившись уставился в стену.

Дома мой мужчина переоделся, еще раз поужинал, пощелкал телевизор и отправился спать. Все это он проделал в гробовом молчании. Я же старалась к нему не лезть и лишний раз на глаза не попадаться. Как говорится, от греха подальше...

Лишь в полной темноте под одеялом подобралась поближе и сделала все возможное, чтобы растопить-таки сердце любимого и поднять насколько можно настроение.

В общем, утро следующего дня мой Егор встречал совсем другим человеком. Жизнерадостно насвистывая, он проследовал в ванную, где, я точно говорю, исполнял песни под душем. Я сладко потянулась и присоседилась чистить зубы возле раковины.

— Что у нас на сегодня? — спросила я, когда он встал рядом и принялся так активно тереть голову полотенцем, что добрая половина брызг полетела на меня, оседая на лице, шею и шелковой сорочке. А так как жених мой имел здоровьесберегающую привычку окатывать себя под конец ледяной водой, ощущения я испытала ниже среднего.

— Ну Егор. — попыталась я отпихнуть распоясавшегося мужчину.

Но куда уж там. Слишком крепко этот мужчина стоял на ногах. Как в прямом, так и в переносном смысле. Соболев захохотал и, выкинув одним точным движением полотенце в бак для белья, отправился одеваться, сверкая в мою сторону крепко сложенной "пятой точкой". А я осталась в запотевшем помещении с мыслью: "в какой это момент абсолютно голый Соболев стал мной восприниматься как что-то, само собой разумеющееся?".

За завтраком мы дружно решили предоставить Лехе право побеседовать со вчерашним рецидивистом из неблагополучного района, а самим съездить проведать Рынду и попытаться на коллекционера в рамках разумного надавить. Слишком уж затянули мы с этой историей. Я позвонила Абрамычу, предупредить, что буду позже, Егор последовал моему примеру и позвонил секретарше, а заодно и Лехе. Тот похоже с нашим планом был согласен. Во всяком случае, вешал Соболев трубку со словами: "Вот и отлично".

Спускаться на первый этаж, а не в паркинг было слегка непривычно, и я даже чуть было не нажала не на ту кнопку в кабине лифта, но жених как всегда вовремя пришел на помощь. Курьер, пригнавший машину взамен сданной в ремонт, ожидал нас прямо возле подъезда. Приятный юноша в форменной одежде передал нам ключи и документы от абсолютно идентичного сданному, за исключением серого цвета, внедорожника, забрал подписанные Соболевым бумаги и ушел от нас пешком, лихо заломив рабочую кепку.

Мы загрузились в казенное авто, и я сразу ощутила, что, несмотря на все сходства, автомобиль какой-то чужой. Даже немного холодный. А вот Соболев не проникся и заявил, что я придумываю.

— А когда нам нашу вернут? — жалобно проныла я, ни капли не смущаясь того, что нахально записала в собственники и себя. А что, мы все равно скоро женимся.

— Обещали за пару дней управиться. — никак не прореагировал на местоимение "нашу" Егор.

— Так долго. — разочарованно выдохнула я.

Надо признать, что к собственной, оставшейся в родном городе, машине я так не прикипела, как к Егоровой брутальной. Ну моя и попроще была. Да и к чему студентке факультета искусств настолько кричаще-буржуйская роскошь.

— Пока покрасят, высушат. Бумаги же еще оформить надо. — усмехнулся жених.

— Ну да, пожалуй это даже дольше, чем сам по себе ремонт. — согласилась я. Бюрократия и лишнее всяческого смысла бумагомарательство бесили еще со времен института, где я впервые столкнулась с абсолютно необоснованным количеством бесполезной макулатуры.

К загородному жилищу Рынды мы приехали в отменном настроении и уже предвкушали содержательную беседу. Но припаркованная возле ворот ярко-красная "Мазда" послужила тонким намеком, что нашим самонадеянным планам сбыться сегодня, увы, не судьба. Тем не менее, мы приткнули выданный во временное пользование "Мерседес" рядом с седаном, и прошли в приоткрытую калитку незванными гостями. Такие мелочи, как не вписывающиеся в планы визитеры, Соболева волновали мало и тем паче остановить не могли.

Взобравшись на невысокое, оформленное витыми перилами крыльцо, я уже было готовилась культурно постучать, как изнутри дома до нашего слуха донеслись звуки скандала. Егор наудачу проверил ручку двери, и та, беспрепятственно качнувшись вокруг своей оси, открыла нам вход в помещение. Соболев приложил палец к губам и указал подбородком в сторону прихожей, будто был спецагентом на задании, раздающим указания коллегам. Общепринятыми знаками, конечно же.

Я, хоть к спецслужбам отношения не имела, и даже в армии не служила, что от меня требуется, поняла.

Мы тихонько просочились внутрь, причем Егору сделать это было не в пример легче, чем мне, в виду надетых сегодня лодочек на средних размеров каблуке — я ж после Рынды в галерею собиралась. В общем, во имя дела мне приходилось так сильно изгибать ступню, чтобы не задеть набойкой пол, что я пару раз была на грани падения, хорошо что Егор догадался поддержать. Хоть и закатывал к небу глаза, спецзнаками выражая свое отношение к моим весьма посредственным навыкам. Я лишь пожимала плечами и в ответ глаза выпучивала. Надеюсь, на их языке это не означает что-нибудь неуместное.

Ругались, как выяснилось, на кухне. Ох, сколько уже воспоминаний связано у меня с этим местом. Стоит только вспомнить, как мы дружно искали несуществующую сережку в ожидании адвоката.

Адвокат, кстати, и сегодня был здесь. И процентов восемьдесят шума создавал как раз он.

— Тебе это просто так с рук не сойдет! — орал, опершись руками на стол, слугитель Фемиды.

Мы с Егором пристроились в темноте коридора по бокам от арки, что вместо двери вела на кухню, так что могли вдоволь наслаждаться разворачивающимся действием, не страшась быть пойманными. Рында занял позицию напротив "скользкого адвоката" и со сложенными на груди руками (или скорее на пухлом животе) взирал на того через стол. Нина Степановна, зажавшая пальцами виски, виднелась из-за барной стойки. Кажется происходящее производило на женщину столь сильное впечатление, что та даже не шевелилась, глубоко уйдя в собственные невеселые думы.

— За собой последи, голодранец! — ткнул в Изюмова пальцем оскорбленный муж. — Думаешь, лоха нашел, раз так легко соблазнил учительницу, то и деньги мои так же легко получишь? Не выйдет! Мы еще посмотрим, кто кого!

— Да я тебя за кражу со взломом засажу! Костями лягу, но докажу, что это ты в мой дом вломился! — орал во всю мощь легких адвокат. С побагровевшим от ярости лицом, в растрепанном костюме, буквально брызжущий слюной он уже не выглядел столь лакомым кусочком для женщин, как в нашу последнюю встречу. Да и, глядя на столь явно не контролирующего себя мужчину, я засомневалась в его профпригодности.

— Докажи-докажи. — покивал Рында. — Я вчера весь день по встречам бегал, так что свидетелей у меня уйма. Да мне даже адвокат не понадобится. А вот вам, — обвел он взглядом рассевающуюся по разным углам кухни парочку, — очень придется попотеть, чтобы скрыть ваш романчик.

— У нас ничего не было. — устало вскинула голову почти бывшая жена. По ее замученному выражению лица и безжизненной позе становилось понятно, что женщина затеянному разводу уже и сама не рада.

"Так-так, похоже они тут не первый час скандалят" — сделала я вывод.

— Ага, так я вам двоим и поверил!

— Да нам все равно, поверил ты или нет! Доказательств об измене нет, значит и измены не было. А вот доказательства твоей измены у нас есть! — ткнул пальцем в проштрафившегося мужа адвокат.

— Да-а-а? И где же они тогда? — с издевкой протянул Рында и подленько осклабился. Надо сказать, подобного рода улыбка его простоватой внешности совсем не шла и выглядела на круглом лице чужеродной.

— Сволочь! — заорал доведенный до точки кипения адвокат и, за три шага обогнув стол, накинулся на Рынду. — Это... ты... их... украл... вчера... — задыхаясь от гнева, выговаривал Изюмов опрокинутому на пол мужчине, не забывая при этом наминать обидчику бока.

Рында, в свою очередь, так просто сдаваться не желал и нагло пропыхтев: "Докажи", принялся душить противника. "Виновница торжества", глядя на разворачивающуюся вакханалию, птичкой слетела с барного стула и принялась хлопотать вокруг схлестнувшихся не на жизнь мужчин. А бьющие по пышной цветастой юбке ладони делали ее похожей на раскудахтавшуюся квочку. Близко к ним, чтобы не быть невзначай задетой, дама, тем не менее, на всякий случай не подходила.

"Ого" — уже не опасаясь быть услышанной, присвистнула я и посмотрела на Егора: решение, как быть, принимать в данный момент ему. Соболев, полюбовавшись еще немного, проигрывающего бой адвоката решил-таки спасти. Разнял мужчин он в тот момент, когда

тщедушный по сравнению с коллекционером юрист уже начал хрипеть, а Нина Степановна набралась все же смелости и браво кинулась спасать возлюбленного. Того, что с дипломом адвоката.

Егор без труда разнял дуэлянтов и, для профилактики наподдав каждому в живот, усадил мужчин за стол. Учительница превентивно удалилась обратно за барную стойку — мало ли и ей перепадет. О том, что Соболев дам принципиально не бьет я стратегически умолчала. Зрелище нашим глазам предстало печальное: Изюмов в разорванном пиджаке с торчащей наружу подкладкой и оторванными по большей части пуговицами глядел на всех вокруг исподлобья, непослушными руками ослабляя галстук, а Рында, почувявший вкус близкой победы, воинственно пыхтел и стрелял взглядом по сторонам, но с Соболевым связываться не рискнул. И правильно сделал. Наливающийся синяк под правым глазом коллекционера добавлял в общем-то не смешной ситуации комичности, но жалости к толстяку я не испытывала, хотя и сама совсем недавно обладала подобным украшением, с той лишь разницей, что у меня их было две штуки.

— Успокоились? — невозмутимо поинтересовался Соболев. И лишь дождавшись того, что рассаженные по разным углам стола мужчины недружно кивнули, а их дама скукожилась на стуле, продолжил:

— Что ж, господа, ваши внутрисемейные дразги — это ваши личные проблемы, и нас они волнуют в последнюю очередь. К слову сказать, после нашего ухода, вполне можете продолжить. — обвел он взглядом присутствующих. Я с умным видом пристроилась рядом и глядела на разбушевавшуюся троицу так, будто прекрасно понимала, что сейчас происходит. — Но на данный момент будьте так любезны ответить на наши вопросы.

— С какой это, простите, стати? — вскинулся адвокат. Вот не зря их все недолюбливают!

"Видимо это профессиональное" — заключила я.

— Вам действительно нужно объяснять? — склонил голову на бок Соболев и выжидающе уставился на смельчака.

— Не надо. — буркнул тот сквозь зубы.

Рында тоже как-то странно поник, и боевой запал подрастерял. Да и кто в состоянии его сохранить, будучи за шкуру усаженным на стул более сильным противником, как физически, так и морально?

— Рад, что мы поняли друг друга. — протянул мой жених с угрозой в голосе. — Сначала вы, Олег Игнатьевич, — обратился он к Рынде. — Не подскажете ли вы, что послужило вам поводом для вчерашней встречи с неким Виталием Беловым?

— Не виделись давно, соскучились. — не пожелал сходу колотья коллекционер. А с виду — ну полный тюфяк, я его даже слегка зауважала.

— Понимаю, — покивал Егор, — очередное тюремное заключение — серьезная помеха для регулярных встреч старых одноклассников.

Изюмов при этих словах приосанился, будто воспрял духом, и начал заинтересованно прислушиваться к разговору.

— А не подскажете ли в таком случае, что ваш товарищ делал вчера днем на улице Конструкторов, а затем на Авиационной? Может он с вами планами поделился? Все-таки вы два дня подряд виделись, беседовали о чем-то. — Соболев говорил как ни в чем не бывало, не смотря на то, что с каждым произнесенным словом физиономия Рынды краснела все больше, хотя мне еще в самом начале казалось, что уж насыщеннее оттенка ему достичь не

под силу, а очи адвоката сверкали праведным гневом. И даже порванный пиджак выглядел как символ попранной справедливости.

— Вот сволочь! — удивленно воскликнула Нина Степановна и уже было кинулась в сторону мужа, но была остановлена кратким "сидеть!", и, еще сильнее сжав кулаки, отправилась на место, так как перечить Егору не посмела. Рында продолжал молчать как партизан. Я лишь посочувствовала мужику — Егор и не с такими справлялся.

— Значит вы утверждаете, что о том, с какой целью Белов проник в квартиры Аллы и Павла Изюмовых, вам лично ничего не известно? — продолжал давить Егор.

Рында сложил руки на груди и отвечать на компрометирующий вопрос отказался. Мне даже стало любопытно, что будет дальше делать Соболев, но узнать это не пришлось.

— Да знает он, знает! — к нашей глубочайшей радости жена Рынды оказалась в компании спорящих слабым звеном. — Фотографии этот Белов у нас выкрал и из компьютера удалил! — нажаловалась дама.

Изюмов аж покачал головой: ясное дело, они бы предпочли столь щекотливое дело решать между собой, не привлекая к этому особо ретивых посторонних.

— Так, а что за фотографии? — мягко, чтобы не спугнуть дамочку, уточнил Егор.

— Где кобель этот, — кивнула она на муженька, — мне с Алкой изменяет.

— Я правильно понимаю, с Аллой Сергеевной Изюмовой, вашей коллегой и, по счастливому совпадению, сестрой вашего адвоката? — продолжил допрос Егор.

Бедняга адвокат аж скривился, а по выражению его лица было ясно видно, что он думает о собственной клиентке. Точнее о содержимом ее черепной коробки. Я же совсем перестала понимать, как так произошло, что разговор ушел непонятно в какую сторону от картины, и какое все это имеет к нам отношение, от того нетерпеливо переступала с ноги на ногу. Но высказываться по этому поводу на виду у подозреваемых не стала.

— Да. — тихо ответила женщина, до которой начало доходить, что рот она открыла похоже не вовремя. Не зря же в большинстве американских фильмах предупреждают: все, что вы скажете, может быть использовано против вас.

Зато после всех откровений настала очередь Рынды дивиться свершенной несправедливости:

— Ну сука... — покачал он в неверии головой. — Ты мне эту шалаву специально подсунул, чтоб деньги отсудить? И откуда только про контракт узнал.

— Язык попридержи. — огрызнулся выведенный на чистую воду адвокат, но вновь кидаться на обидчика с кулаками в присутствии Егора не решился.

— Хер вы у меня оба чего получите! — поддержал высказывание знаками коллекционер. Хорошо хоть только на пальцах, а не в натуре, так сказать. А набирающий красочности синяк придавал образу Рынды разбитной удали. — Фотографии у меня, а голословно можете болтать что хотите. А ты, дорогая, — обратился он к жене, — уйдешь от меня буквально с голым задом, и вот тут-то мы посмотрим, насколько чувства этого хлыща к тебе на самом деле сильны. — Выметайтесь из моего дома! — гневно сверкая глазами, указал он пальцем на дверь.

— Благодарю за сотрудничество. — сумел-таки Соболев оставить последнее слово за собой и, приобняв меня за талию, не спеша повел на выход.

Время уже подходило к обеду, так что мы договорились встретиться с Петровым в ресторане неподалеку от галереи. Он как раз возвращался от Белова и обещал рассказать, что

смог вытянуть из бывалого уголовника. В машине я все пыталась устроиться поудобнее, но кресло никак не хотело настраиваться должным образом. Так что всю дорогу до ресторана я страдала по ставшей уже родной машинке и мучилась, не забывая жаловаться Егору, но тот к моим невздам остался равнодушен, лишь обозвал принцессой на горошине. А я сделала вывод, что Мерседес нам достался фальшивый, китайский скорее всего.

Леха успел до места добраться раньше и подждал нас внутри, заняв небольшой столик у окна, прямо как я люблю. "Настоящий друг!" — про себя оценила я, но вслух, конечно, хвалить не стала — возгордится еще.

— Привет. — поднялся наш товарищ и пожал руку Егору, меня же под пристальным взглядом друга обнял и похлопал ладонью по спине.

— Выглядишь, как управляющая галереей. — оценил Леха мой внешний вид.

Выглядела я, надо казать, и правда не совсем для себя обычно: бежевый шелковый топ, изумрудно-зеленый жакет, черные кожаные штаны "в облипку" и лодочки с металлическим блеском, волосы убраны в ставший привычным благодаря лысине пучок. Не знаю, какая муха меня укусила — даже ради того, чтобы избежать часовых маминых нотаций, я так не одевалась, предпочитая более спортивный стиль и свободу воли.

— Вы от Рынды? — поинтересовался Леха, пока мы изучали меню.

— Ага.

— И что он интересного поведал?

— Много чего. — довольно посмотрел на друга Соболев, а я решила ему триумф подпортить, потому как ценными добытые сведения не считала:

— Он даже ни разу про картину не спросил. — нажаловалась Лехе.

— А что вы там столько времени делали? — не понял Петров.

Соболев тактично промолчал, давая мне возможность высказаться, что я и не преминула сделать. В общем, когда подошел официант, чтобы принять заказ, я поняла, что к его появлению совсем не готова. Негодование Соболевским бездействием оказалось настолько сильно, что содержимое лежащей прямо перед носом папки с меню благополучно выветрилось из моей головы. Мужчины же прийти мне на помощь отчего-то не спешили...

Да и ладно! Рассудив, что "Цезарь" в любом кафе заштатном подают, я заказала салат и присовокупила к нему овощи гриль и кофе со сдобой, покончив на этом с заказом. Не оригинально, конечно, но сама виновата. Мужчины выбрали блюда поплотнее, так им и калорий надо побольше. Так как о наших успехах я протрандычала еще до появления официанта, Леха, подождав, пока тот отойдет подальше, поведал нам о разговоре с Беловым.

Конечно не сразу, но тот сознался, что посещал интересующие нас квартиры по просьбе приятеля и, конечно же, не задаром. Но уж последнее волновало нас в последнюю очередь. Вряд ли нам когда-нибудь понадобятся подобного рода услуги, так что и прейскурант знать ни к чему. К тому же, если вдруг что, у Лехи в штате полно профессионалов, классом повыше...

Искал Белов фотографии с изображениями друга в неглиже и ни о какой картине и слыхом не слыхивал. Уж каким способом Леха добивался признания от этого матерого Белова, я даже любопытствовать не стала, но костяшки пальцев товарища на всякий случай осмотрела. Надо сказать, они остались нетронуты, как приличная невеста до свадьбы...

Так что, судя по всему, выходило, что в истории этой — мы сбоку припека и лишь зря из кожи вон лезли. Коллекционер перед нами оказался чист как младенец и все это время был занят делами совершенно иного свойства, хоть и не менее любопытными.

Я еще раз убедилась, что друзей выбирать нужно с умом, в противном случае велик риск остаться у разбитого корыта, примерно также как Нина Степановна Рында. Жила женщина, не тужила до тех пор, пока меркантильная и весьма предприимчивая коллега, уж не знаю каким образом, не прознала про условия брачного контракта четы Рынд, если можно так выразиться. Прознала и, заручившись поддержкой ушлого братца-адвоката, принялась действовать.

Окрутить коллекционера и его супругу парочке оказалось не сложно — вот уж кого природа внешними данными не обидела. Скромная учительница не смогла устоять перед безукоризненными манерами и ненавязчивыми, но такими романтическими ухаживаниями адвоката. А уж их первую "случайную" встречу Аллочке Изюмовой организовать было проще простого. С самим Рындой долго возиться тоже не пришлось: яркая внешность женщины и кое-какие другие умения позволили с легкостью получить от мужчины все, что требовалось. В том числе и провокационные фотографии.

И до поры до времени, Изюмову удавалось успешно разыгрывать пару: замученная мужем жена — адвокат, — и не переступить известной черты. Да и не думается мне, что он горел особым желанием уложить старомодную барышню в кровать. Главной целью все-таки было оттяпать деньги у Рынды, а затем, женившись на Нине Степановне, и у нее. Так что лично я склоняюсь к версии, что отношения их были скорее платоническими.

И шло их черное дело как по маслу, пока в ход столь гладко шедших событий не ввязались в поисках картины мы. Изюмов занервничал, зачем-то рассказал оппоненту о имеющихся на руках козырях, вследствие чего их же и потерял. Рында, каким бы рохлей внешне не выглядел, вряд ли бы сумел удержать и преумножить доставшееся в наследство состояние, не имея железного характера и предприимчивого нрава.

В общем, теперь вряд ли при сложившихся обстоятельствах суд примет сторону жены. Так что останется Рында при своих деньгах и картинах, Нина Степановна у разбитого корыта, без мужа и без любимого, а Изюмовы — с носом. Вот уж кому поделом достанется! Ну а мы вернулись к самому началу, и что предпринять по этому поводу лично я понятия не имела.

— Получается, мы только зря время потеряли. — вздохнула я, подперев щеку ладонью.

— Да ладно тебе, Маруся! — оптимистично похлопал меня по плечу Петров. — Отрицательный результат — тоже результат.

То, что мужики в отличие от меня не унывали, несколько сбивало с толку. Егор так вообще трескал эклеры и ухом не вел — вот же не живот, а бездонная бочка! И ни грамма лишнего жира — везунчик.

— Вот бы я так могла маме сказать, когда она у меня двойки в дневнике находила... — проворчала я в сторону.

— Боюсь, твоей маме даже твой папа не в силах так ответить. — хохотнул Соболев, и я прыснула, соглашаясь.

— Господа, вы сейчас не о том. — вернул нас к делу Леха. — У нас остается пара подозреваемых, и я бы очень хотел поскорее с этим разделаться и приступить непосредственно к рабочим обязанностям.

— И кого мы оставляем? — решила я на всякий случай уточнить. Судя по сосредоточенному лицу Егора, тот друга понял и без пояснений.

— Элементарно! Остаются Машков и Ротман. — Петров посмотрел на меня так, будто ждал, что я примусь возражать. — Ставскую предлагаю все-таки оставить в покое. Будет уж совсем фантастика, если это она картину заказала.

Я поморщилась: этих двоих мы, казалось, вполне логично исключили. Одному от пропажи картины светит сплошной гемморрой со страховкой, а второй вроде как умирать собрался, и все проверенные Лехой справки и больничные выписки это напрямую подтверждают.

— Может я чего-то не понимаю, но какой этим двоим толк от краденной картины? — решила я высказаться напрямую.

— Ну иногда мотив бывает еще и личный... — протянул Леха, внимательно глядя на меня.

Пару секунд я усиленно соображала, а потом выдала:

— Так думаете Машков это из-за дочери?

— Тут надо хорошенько прикинуть. — остудил мой пыл Егор. — Что нам о нем доподлинно известно?

— Была дочь, есть сын, он скоро умрет. — принялась я услужливо перечислять то, что помнила о странном старикане. — И у дедка столько денег, что красть полотно ему вроде как ни к чему.

— А ты с его дочерью когда-то встречался. — кивнул Соболеву Леха.

Я с удивлением посмотрела на жениха.

— А ты не говорил. То-то дедулька с такой ненавистью на меня уставился, когда ты о свадьбе рассказал.

Петрова мои слова заинтересовали, а Егор лишь отмахнулся:

— Нормально он посмотрел на тебя, я бы заметил.

— Ну-ну. — пробормотала я, не совсем уверенная в мужской чуткости. Я вот, например, волосы вынужденно нарастила, а жених так и не понял, что в моей прическе поменялось...

— Что еще Машков говорил, или может вел себя как-то странно? — принялся пытаться

меня Леха. А поскольку я у него в долгу была, пришлось поднапрячься.

— Да он с ног до головы странный. — пожаловалась я. Принял нас в каком-то зашторенном кабинете, кашлял как на последнем издыхании, плакал, что для дочки хотел картину на тот свет с собой забрать, она типа ее купить просила незадолго до смерти. Прямо исповедь для нас устроил, что никак не уйти было.

— Вот и мотивчик уже наклеывается! — довольно оглядел нас Леха и, одним глотком допив кофе, продолжил. — Не знаю как вы, но лично я сильно сомневаюсь в причастности к делу Ротмана.

— Ага, зато в причастности Рынды у нас сомнений не было. — буркнула я скорее из вредности.

Собеседники мою реплику предпочли оставить без ответа, но червячок сомнения, порожденный последней неудачей, словно точил изнутри, не давая так просто взять и исключить предпоследнего подозреваемого.

— Ну может хотя бы с женой этого Ротмана побеседовать? Для очистки совести, а? — с надеждой попросила я.

В сердцах мужчин мое предложение положительного отклика явно не нашло. Да и видно было, что эта самая совесть ни по ночам, ни при свете дня их ни капли не беспокоит.

— А повод? — как-то нехотя протянул Соболев.

— Да хоть тот же самый дом! Скажем, что тоже хотим построить и собираем рекомендации. — на волне оптимизма от того, что мой замысел сразу же не забраковали, идея не заставила себя долго ждать.

— Не уверен, конечно, что это нам хоть что-нибудь да даст, но попробовать можно. — поддержал меня Леха, а я с облегчением сжала кулачки под столом.

— Только учти, что говорить с женщиной придется тебе. — спустил меня с небес на землю Леха и пояснил. — С нами она вряд ли станет откровенничать.

— Ну хорошо. — согласилась я под неодобрительным взглядом Егора.

— Мы повесим на тебя "прослушку". — заявил тот с непроницаемым лицом.

Я поморгала, переваривая сказанное, затем прыснула от смеха, но не дождавшись ответной улыбки, пробормотала:

— О, так ты серьезно.

Обсудив, как бы получше устроить встречу с женой подозреваемого, мы решили найти общих знакомых, которые якобы и посоветовали обратиться к ней за рекомендациями. А Соболев еще раз на полном серьезе напомнил про "жучки", тем самым заставив меня усомниться в собственной адекватности. Но потом я подумала, что может быть он просто слишком ответственный и не хочет упустить из беседы ни слова.

После того, как со стратегией на ближайшие дни было покончено, мы решили разбрестись по рабочим местам. Отправляться в галерею, не удостоверившись в том, что прическа по-прежнему в порядке и скрывает все то, что должно быть от посторонних глаз скрыто, я не решилась, поэтому оставила мужчин за столиком и направилась в туалетную комнату. А по возвращении меня ждало гробовое молчание. Я даже непроизвольно замедлилась на подходе к столику. Егор сверлил тяжелым взглядом, Леха же, отвернувшись, смотрел в окно. Что послужило причиной столь разительной перемены, долго гадать не пришлось.

— Тебе тут сообщение пришло. — внимательно глядя на меня, произнес Егор и пальцем пододвинул телефон, а я на секунду прикрыла глаза и медленно выдохнула: ну надо же быть

такой душой! — Ничего не хочешь рассказать? — поднял он бровь.

— Может в машине поговорим. — жалобно попросила я вдруг севшим голосом: быть отчитанной на виду у всего ресторана мне совсем не хотелось.

— Прошу. — поднялся он и галантно пропустил меня вперед. Судя по звукам, Леха шел вслед за нами, но я еле передвигала негнущиеся ноги и обернуться на товарища не рискнула. На стоянке мужчины попрощались, мне Петров кивнул и послал взгляд, полный неподдельного сочувствия, а затем сел в свой внедорожник и в считанные секунды растаял в потоке проспекта, так же как и моя надежда на благополучный исход дела с смс-ками. Я залезла в "Мерседес" и словно казни ждала реакции Егора. Не стал скандалить на людях, и на том спасибо.

— Итак, я тебя внимательно слушаю. — повернулся он ко мне после того, как уселся на водительское кресло и пару минут безмолвно пялился в лобовое стекло. — И прекрати хрустеть пальцами, пожалуйста.

Я тут же расцепила руки и уставилась в пол.

— Ну мне стали приходиться эти сообщения. — тихо проговорила я.

— Когда, как часто? — Соболев говорил так, будто это я была виновата в том, что смски слали именно мне.

— Почти каждый день. Когда началось, не помню, надо у Лехи спросить. — с каждым произнесенным словом мой голос становился все тише.

В горле почему-то пересохло. Егор протяжно выдохнул сквозь зубы, как будто, если бы он не спустил лишнее, это неминуемо привело бы к взрыву.

— Значит, ты предпочла побежать сразу же к Лехе. Так, да? А Егор пусть, как дурачок, не в курсе будет.

— Нет, Егор! — я повернулась к жениху. Его потемневшие глаза смотрели нехорошо. Настолько не хорошо, что я засомневалась в правильности принятого тогда в кафе решения.

— Да как нет то, если так и было? — проорал он. — Я, как идиот, ищу того, кто ее по башке огрел, а она получает угрозы и в ус не дует! Ты что думаешь, они сами собой рассосутся, как синяки под твоими глазами?

— Нет. — сглотнула я.

— Или я для тебя никто и звать меня никак? Ты уж скажи, не стесняйся! А то чего ради, спрашивается, я тут из кожи вон лезу!

— Вот потому я тебе ничего и не сказала! — заревела я в ответ, слезы брызнули из глаз, склеивая покрытые тушью ресницы и смывая с щек румяна. — Я знала, что именно так и будет! Ты же спокойно не може-е-ешь. — прорыдала я и отвернулась к окну.

Слезы все лились и лились, а истерика, начавшаяся из-за Соболевской несправедливости, подпитывалась обидой на саму себя и на то, что я почему-то не могу с ним спорить на равных, а чуть что заливаюсь горячими слезами. Тургеневская барышня, не иначе! Секунд пятнадцать я предавалась жалости к себе, а затем Егор обхватил меня сзади руками и тесно прижал к груди.

— Маш... — с раскаянием в голосе позвал он.

— Отстань. — пихнула я его локтем и всхлипнула.

— Маш, ну прости меня. — сдаваться Соболев и не собирался. — Сама-то подумай, что я должен был почувствовать? Моей практически жене приходит премерзкая смс-ка, на что мой друг говорит, что все под контролем, и он отправителем занимается? Причем уже не первый день, но так его и не нашел. А ты по городу разгуливаешь как ни в чем не бывало. —

шептал Егор мне на ухо. — Ты хоть понимаешь, что я испугался?

— А чего тут пугаться-то? — не согласилась я. — На заборах вон тоже пишут... — кивнула я в сторону окна.

— А если им писать надоест? Если они припугнуть тебя хорошенько захотят? Или, еще хуже, от угроз прямо к делу перейдут? Мы ведь даже не подозреваем, кто это, и что у них намерения...

Возразить было нечего. Да и, откровенно говоря, от слов Егора стало весьма не по себе. Соболев сумел-таки поселить во мне крупицу сомнения. Я позволила себе еще какое-то время посидеть, прижавшись спиной к широкой груди жениха, а потом со словами: "На работу пора", отстранилась. Егор взгляделся в меня и, взяв за руку, серьезно произнес:

— Маш, только давай аккуратнее. Я тебя очень прошу.

Пришлось заверить жениха, что я буду постоянно на чеку, а не то и правда под замок посадит до тех пор, пока телефонного хулигана не найдет. А судя по тому, как продвигается нынешнее наше расследование, гарантии на то, что сидеть придется недолго, никакой нет. И как только я подумала о возможном грядущем заточении, сразу же осознала непреодолимую потребность организма прогуляться до галереи пешком. Тем более отсюда было рукой подать.

Егор поначалу скривился и хотел было настоять на совместной поездке, но потом неожиданно смягчился и предложил проводить. Я испытывать лояльность Соболева не стала и с удовольствием взяла того под руку.

Погода стояла солнечная, но уже по-осеннему свежая. В каждом вдохе прохладного воздуха чувствовалось обещание пока еще неблизкой, но такой неминуемой зимы. Я покрепче закуталась в жакет и подумала, что неплохо бы завтра надеть куртку и шарф потеплее. Когда сидишь в машине с климат-контролем, плюс тринадцать снаружи воспринимаются несколько иначе. Егор шел рядом как ни в чем не бывало и болтал о всякой ерунде, как будто только что состоявшегося разговора и не было.

"Хорошо ему в кожаной куртке" — с завистью поглядывала я на жениха и не забывала вставлять нужные реплики, хотя мысли мои от предмета разговора были далеко.

У входа в галерею мы распрощались, и я пошла внутрь, а Егор — обратно к машине. На том, чтобы расстаться снаружи, настояла именно я — не хватало еще, чтобы отношения владельца галереи и новой управляющей стали свежей темой для сплетен и пересуд за чашечкой чая. По этой же причине отказала Соболеву в поцелуе на прощание. Даже в щеку. Он над моими сложностями посмеялся, но сделал так, как просила.

Остаток рабочего дня пролетел незаметно, да и особой пользы я принести не смогла. Все мысли были заняты предстоящей беседой с женой Ротмана и тем, какие вопросы следует задавать, дабы не опозориться перед мужчинами, которые будут слышать каждое произнесенное слово. Ближе к концу рабочего дня отзвонился Егор и сообщил, что Леха успел все организовать. Встретиться с Натальей Ротман я должна была завтра в полдень. Мандраж от возложенной на мои плечи ответственности нарастал с каждой минутой и превратил меня в бестолково моргающего истукана. И моргала я на входную дверь кабинета до тех пор, пока та не раскрылась, явив моему взору Соболева. Жених, не смотря на конец рабочего дня, был бодр, свеж и полон энергии.

— Готова ехать? — приблизился он к моему столу.

— Да. — рассеяно ответила я и, выключив компьютер, которым, к слову так и не воспользовалась, пошла на выход. Егор подхватил забытую мной сумочку и направился

следом.

Остаток вечера прошел для меня незаметно. И, как я ни старалась придумать достойные вопросы, которые заставили бы мужчин должным образом восхититься мной и моими недюжими способностями, ничего хорошего сочинить не смогла. Все, что лезло в голову, казалось по-детски глупым и до обидного наивным. От того настроения общаться с Егором, как и с кем-либо еще, во мне не было. Тот благоразумно удалился в кабинет под предлогом неотложных дел, а я, помаявшись какое-то время без дела, отправилась в душ и спать.

Утро новых мыслей не принесло, но я, успевши за ночь с положением дел смириться, решила действовать по ситуации. Егор моего странного поведения никак не прокомментировал и вел себя обычно.

До соседнего города мы решили добираться на Лехином "Ленд Крузере". Тот заехал за нами за полчаса до оговоренного времени, так что успел присоединиться к завтраку. Я была взбудоражена предстоящим путешествием, в связи с чем, вразрез со вчерашним вечером, рот мой практически не закрывался. Всю дорогу я ерзала по заднему сиденью, а купленный на заправке кофе взбудрил еще сильнее. Похоже, надо было брать чай с мелиссой. Или с ромашкой.

На стоянке перед торговым центром, где я должна была встретиться с женой Ротмана, Леха прикрепил к моей футболке "жучка" и прикрыл волосами, которые мне было велено оставить распущенными.

— Усовершенствованная модель. — похвастался Петров в процессе. — Отфильтровывает посторонние шумы.

— Круто. — вяло оценила я штуковину и вздохнула: главное не забывать поменьше шевелить головой, чтобы не распугать посетителей вдруг открывшейся лысиной. Хотя обритая медиками кожа уже начала обрастать короткими волосками и лично у меня ассоциировалась с покрывающимся по весне молодыми, робкими побегам стадионам.

— Как зовут общего знакомого и фирму-застройщика помнишь? — решил проинспектировать Егор.

— Мельников Олег и ЕвроСтройКом. — послушно ответила я.

Когда все приготовления были окончены, я наконец смогла вылезти наружу под ободряющими взглядами мужчин. Судя по отсутствию напутствий и наставлений по поводу того, как следует вести беседу, эта поездка была организована лишь для очистки моей совести, ибо в виновности Ротмана мужчины сомнений не испытывали.

— Удачи. — дружно донеслось мне в спину.

Я, не оборачиваясь, вздернула кулак в небо и уверенным шагом направилась ко входу в здание. Согласно пришедшей смс-ке Наталья Ротман уже ждала меня в кофейне на третьем этаже, столик в углу возле окна.

— Здравствуйте, вы Наталья? — с улыбкой подошла я к брюнетке, сидящей в условленном месте.

— Да. — кивнула та в ответ. — А вы...

— Ольга Еремина. — представилась я заранее оговоренным вымышленным именем. Свое в силу понятных причин повторно использовать я не могла.

— Очень приятно. — улыбнулась женщина.

Я заверила, что та мне не менее симпатична и, скинув куртку на диванчик, отправилась к стойке делать заказ. Справедливо рассудив, что третья чашка кофе за утро будет лишней,

взяла себе чай и венскую сдобу. Выданная кассиром булочка пахла так аппетитно, что я засомневалась в том, что смогу вести беседу, не отвлекаясь то и дело на призывный аромат.

— Я тоже всегда беру эту сдобу. — кивнула Наталья с улыбкой на мой выбор.

Я расположилась напротив женщины и смогла наконец-то как следует рассмотреть жену Ротмана: симпатичная брюнетка, лет на десять старше меня. Темные, почти черные волосы аккуратными завитками спускались чуть ниже лопаток, приятные черты лица, стройная фигура и безупречно подобранная одежда — облачена была Наталья в белоснежную блузу с затейливым воротом и ярко-желтый жакет. А открытый взгляд голубых глаз добавлял и без того располагающей к себе женщине лишних очков.

— Итак, вас интересует коттедж? — прервала она неловкую паузу, которая возникла из-за моего нескромного интереса к собеседнице.

— Не совсем. — смутилась я и поправила: — скорее фирма, занимающаяся его строительством. Дело в том, что мы с женихом загорелись идеей построить собственное жилье. — теребила я недавно приобретенное кольцо с "булыжником", чтобы у женщины в моих словах сомнений не возникло. — А фирм, предлагающих строительные услуги, сейчас развелось сами знаете сколько. В итоге мы остановились на нескольких вроде как благонадежных, но не хотелось бы ошибиться на самом первом этапе. Сами понимаете, деньги потребуются немалые. — вздохнула я.

В ответ женщина лишь хмыкнула, давая понять, что уж она-то точно понимает.

— Так вот, я уже хотела было отдать предпочтение ЕвроСтройКому, как наш общий знакомый, Олег Мельников, сказал, что вы воспользовались их услугами, но в самом разгаре процесса строительство почему-то заморозили... — огласила я цель визита и, про себя подивившись, как складно у меня получилось, в ожидании уставилась на собеседницу.

Женщина немного помедлила с ответом, прикидывая, что можно рассказать посторонней девице, а затем немного грустно усмехнулась:

— Ну в наших проблемах фирма-застройщик уж точно не виновата. За это можете не беспокоиться.

Я нахмурилась, старательно делая вид, что без подробностей тут не обойтись.

— Вы даже представить себе не можете, насколько оказались близки к истине, когда упомянули о том, что для строительства потребуются большие деньги. — легко рассмеялась женщина. — Поначалу планируешь одно, но, как говорится, аппетит приходит во время еды... Хочется и площадь побольше, и бассейн желателен зимний, забор поинтереснее и далее по списку. В общем, чтобы все это себе позволить, мы с мужем решили продать картину. И даже практически ее продали, но в самый последний момент полотно было украдено.

— Кошмар! — я постаралась сделать максимально удивленный и возмущенный такой несправедливостью вид.

— Вот и пришлось на время стройку приостановить. Но на днях мы снова возобновляем работы. Так что неудобства, к счастью для нас, оказались временными.

— Но полотно хоть было застраховано? — проявила я участие.

— Да, конечно. А толку-то? — махнула женщина рукой.

Я сделала вид, что снова не поняла, о чем она.

— Страхование отказывается выплачивать ущерб, ссылаясь на какие-то там пункты в договоре. Сама толком не знаю, что там у них, этим муж занимается. Говорит, что скорее всего судиться будем, деньги-то замешаны серьезные.

— Не думала, что в наше время могут возникнуть проблемы со страховкой. — покачала я головой.

— Да уж, прилетело, откуда не ждали... Так что, если вдруг захотите что-то застраховать, могу посоветовать, куда точно обращаться не следует. — улыбка у женщины вышла с налетом грусти. — А что касается строительной фирмы, можете смело с ними сотрудничать, на настоящий момент серьезных претензий к ним не возникало. — успокоила меня Наталья и откинулась на спинку стула. — Но мой вам совет, закладывайте в бюджет раза в полтора больше средств, чем рассчитываете изначально.

Я поблагодарила женщину за сведения и потраченное на меня время, в ответ она заверила, что была не прочь поболтать в приятной обстановке, и велела, не стесняясь, звонить, если возникнут вопросы во время стройки.

Кофейню Наталья покинула первой, а я, дабы не заставлять мужчин ждать, наскоро расправилась с успевшей остыть, но не разочаровавшей собственным вкусом, сдобой, пригубила мятного чая и, подхватив куртку, поспешила на выход. Перед распахнутыми дверьми заведения замешкалась и вернулась к стойке заказов: негоже возвращаться к наверняка оголодавшим товарищам с пустыми руками.

В машину я завалилась с двумя одинаковыми по содержимому бумажными пакетами. Благодарностью за заботу мне стала тишина, разбавляемая шорохом бумаги и просьба передать бутылку с водой с заднего сиденья.

— Ты молодец! — расправившись с первой булочкой, впрочем не дожевав ее до конца, похвалил меня Соболев.

— Да, отлично справилась. — согласился с моим женихом Леха.

— Это вы сейчас про булки? — хитро прищурилась я.

— И про них тоже. — довольно закивал Егор со все еще набитым ртом.

— Ладно, похоже Ротман и правда не имеет к нашей краже отношения, если можно так выразиться. — вздохнула я, признавая правоту мужчин, а Леха поспешил успокоить:

— Зато поели вкусно. — и подмигнул.

А я подумала, что приятно иметь дело с приятными людьми, и улыбнулась во все зубы.

Дорога обратно прошла в спокойной атмосфере, а от того практически незаметно. Смысла идти на работу уже не было, так что мы решили разбрестись по домам. Вечер, в свою очередь, нового не принес, так что провели мы его с Егором обыденно, подобно тысячам и тысячам других граждан.

Следующий рабочий день мы решили провести каждый на своей службе и встретиться, как и полагает влюбленной паре, в обед. После недавней ссоры по поводу приходящих мне сообщений в отношениях у нас наступила тишь да благодать. Единственным, что напоминало о вчерашней размолвке, были постоянные наставления Соболева быть поаккуратней. Я лишь закатывала глаза, но жених упрямо продолжал вести пропаганду, а я, чувствуя за собой вину, возражать не торопилась.

После совместного обеда, что прошел в безмятежной атмосфере, Егор подвез меня к дверям галереи, и даже вызвался проводить до кабинета, но я, встав в позу, запретила, отделившись расхожей фразой о том, что не следует перемешивать личные отношения и работу.

Внутри охранник, старше меня лет на пятнадцать, поприветствовал по имени-отчеству — когда я уже к этому привыкну и перестану каждый раз испытывать неловкость? — и сообщил, что Марк Абрамович просил зайти к нему, как только появлюсь — у старика какое-то неотложное дело, посвящать в суть которого посторонних тот не захотел.

"Интересно, что же такого срочного могло случиться" — думала я, взбираясь по служебной лестнице. Вчера, если верить телефонному докладу заместителя, все шло своим чередом: посетители созерцали картины, сделки потихоньку совершались, ремонтные работы в моем будущем кабинете кипели, а с текущей рутинной и остальными мелочами Абрамыч прекрасно справлялся и без меня.

— Мария Аркадьевна, наконец-то, вот и вы! — услышала я, стоило только ступить мне на второй этаж.

— Добрый день, Марк Абрамович. — я тепло улыбнулась, находясь в благодушном настроении после обеда. — Что за спешка?

— Очень серьезный клиент. Желает иметь дело только с вами. Я, как заместитель управляющего, ему не интересен. — развел в сожалении руками Абрамыч.

— Только со мной? — скривилась я и обреченно вздохнула, хотя в душе рассчитывала, что как-нибудь удастся скинуть "серьезного клиента" заместителю.

Уж очень в благостном настроении я в тот момент находилась, чтобы вот так сразу включаться в работу, да еще и обхаживать изо всех сил кого-то там особо важного. Другое дело — усесться за стол, перебрать потихоньку документы...

— Может я все-таки смогу его убедить в вашей компетентности... — с надеждой обратилась я к заместителю. Уверена, уж он-то всегда готов к труду и обороне. Хотя и не очень хорошо отлынивать от непосредственных обязанностей в самом начале карьеры...

— Боюсь, не получится. — зарубил мою надежду на корню Марк Абрамович. — Ох, да не переживайте вы так, Мария Аркадьевна. — расценив мое поведение по-своему, воскликнул старик и даже приобнял. — Вы прекрасно справитесь, я же видел, как вы работаете.

— Но вы-то лучше... — подобострастно протянула я и глянула на старика.

— Молодым везде у нас дорога. — хохотнул Абрамыч, не поведясь на откровенную лесть, и потащил меня в сторону помещения, которое обычно у нас используется в качестве конференц-зала.

В попытке оттянуть неизбежное я старалась идти как можно медленнее и переставляла

ноги со скоростью, достойной почты России, но твердая рука заместителя, подталкивающая в спину, непреклонно сводила все мои усилия на нет. Да и путь оказался до обидного коротким.

Совсем я с этим расследованием расслабилась и от прямых обязанностей отвыкла. Вот уже и с клиентами общаться — не в охотку, все мне интересненькое подавай! В общем, я сказала себе, что без труда не вытянешь и рыбку из пруда, работа — не волк, в лес не убежит и еще кое-что в том же духе, приободряющее и настраивающее на рабочий лад, и вошла в кабинет.

За дверью меня ждал, как ни странно, молодой человек весьма приятной наружности. А я-то обреченно приготовилась иметь дело с каким-нибудь сварливым дедулей или вредной старушенцией. И чем ему наш Абрамыч не угодил

На вид мужчине было лет тридцать. Светлые волосы стильно подстрижены, модная нынче борода на несколько тонов темнее. В голове сразу же запело: "У тебя есть борода, я скажу тебе да...", заставив меня слегка посочувствовать посетителю и его недалёковидности в том плане, что тот столь легкомысленно отказался от услуг Марка Абрамовича: уж его мозг такой белиберды в ответственные моменты точно не выдает. Ростом мужчина удался, а по широкоплечей фигуре, облаченной в темно-коричневый джемпер и джинсы, можно было смело утверждать, что в тренажерном зале этот дядя — частый гость. "В отличие от меня" — в который раз грустно подумала я на тему спорта и здорового образа жизни.

— Мария Аркадьевна. — оскалился тот во весь рот и подался мне навстречу. — Очень рад вас видеть!

Он сграбастал мою руку и так внимательно смотрел в глаза, словно терапевт — в медицинскую карту больного для того, чтобы поставить верный диагноз, или ученый, готовый вот-вот совершить открытие. Не знаю что он хотел разглядеть, возможно то, что я бы предпочла оставить скрытым навсегда. От любого посетителя.

— Добрый день, надеюсь, что не заставила вас долго ждать. — ответила я на странноватое рукопожатие и растянула губы в "профессиональной" улыбке. Готова поспорить, что этот навык мне еще тренировать и тренировать, потому как мужчина даже перестал таращиться в мои очи, а его растерянное выражение лица недвусмысленно намекало на то, что тот в какой-то степени шокирован. Что тут сказать, умею я первое впечатление произвести.

— Да. Позвольте представиться, Борисов Игорь Викторович. — наконец-то отмер посетитель и слегка встряхнул головой. Потом отпустил мою руку и проследовал к стулу, с которого так поспешно вскочил для того, чтобы ринуться мне навстречу. Не иначе как поспешил оказаться от странноватой дамы подальше. — Собственно говоря, привело меня к вам деликатное дело, в котором именно вы мне, смею надеяться, и сможете помочь. Другими словами, сейчас я здесь, потому что хотел бы предложить вам сотрудничество. На весьма взаимовыгодных условиях. — он со значением посмотрел на меня и похлопал по мужской кожаной сумке, напоминающей портфель или чехол для ноутбука, что лежала на соседнем стуле.

— Лично мне или галерее в целом? — подняла я бровь, после того, как уселась напротив молодого, но странного посетителя. К тому же еще и не по возрасту витиевато выражающегося.

— Галерее в целом. Безусловно. — рассмеялся тот. Смех у мужчины получился ничуть не лучше, чем у меня улыбка. Так что тут мы оказались квиты.

— Что ж, надеюсь, вы не будете против присутствия при нашем деликатном разговоре Марка Абрамовича, ценнейшего сотрудника галереи и моего доверенного лица? — я тепло улыbnулась блондину, правда для этого пришлось представить на его месте Егора.

Но я решила, что предложение, вполне возможно сомнительного свойства, наедине выслушивать не стану ни за какие коврижки.

— Без проблем. — Игорь Викторович хозяйским жестом пригласил Абрамыча присоединиться.

А я, глядя на это, задумалась, кого же на самом деле послала мне судьба? То ли клиента с причудами, то ли мужчину, привыкшего жестко командовать окружающими и почему-то непоколебимо уверенного в собственном на то праве. Марк Абрамович, тем временем, сел по правую руку от меня и приготовился к разговору.

— Мы вас слушаем. — поторопила я блондина, который был занят тем, что барабанил пальцами по столу и собирался с мыслями.

— Так вот. — поднял он глаза. — Я умудрился попасть в весьма непростую ситуацию. Можно сказать, даже затруднительную ситуацию, и теперь вынужден всеми силами из нее выбираться. Иначе говоря, мне нужны деньги. Много денег. — уточнил Игорь Викторович, глядя мне прямо в глаза. — И никаких слухов при этом.

Я нахмурилась: чем конкретно наша галерея в этом деле может помочь, в голову не приходило. Назрела идея предложить гостю обратиться в ломбард, но я ее тут же отмела. И если этот Борисов не желает слухов о своем затруднительном положении, зачем тогда приехал и рассказывает о нем?

— Дослушайте. — с укором покачал головой блондин, без сомнения прочитав все мелькнувшие мысли на моем лице. — Помимо недвижимости и прочей собственности, продажу которой скрыть будет весьма затруднительно, у меня есть неплохая коллекция картин: несколько классических полотен, модернизм и даже один экземпляр современного искусства. Полотна, конечно же, подлинные, почти для каждой можно без труда проследить историю владения. Так что проблем с доказательством подлинности возникнуть не должно... Но самая главная трудность заключается в том, что я не хочу, чтобы кто-то узнал или хотя бы краем уха прослышал об их вынужденной продаже. Поэтому я бы хотел, чтобы полотна отправились за рубеж, желательно подальше, пусть и по более низкой стоимости. Но за срочность и анонимность я готов платить. Это же касается и ваших комиссионных. Так же могу обещать свои рекомендации определенному кругу знакомых. И еще, мне понадобятся копии полотен. Не обязательно виртуозные, все равно картины у меня дома висят.

Сказать, что я была не в восторге от предложения — значит сильно преуменьшить. Вроде и ничего криминального клиент не предлагает, но что-то внутри неумолимо скреблось и не позволяло так взять и согласиться. В поисках поддержки я повернулась к заместителю. Абрамыч, сдаётся мне, тоже был настроен к мутноватому клиенту скептически.

— К сожалению, помочь с копиями — абсолютно не в наших силах. — начала я с малого, не зная как бы половчее отвязаться и от продажи навязанных шедевров. — У нас попросту нет специалистов, тем более работающих в столь разных стилях, если вы понимаете, о чем я. С этим советую вам обратиться в союз художников города. Или заказать репродукцию в соответствующей организации, найти их сейчас не составит проблем, достаточно только заглянуть в интернет. Даже не обязательно в нашем городе. Правда не

уверена, насколько вам подойдет их качество...

— Я понял. — недовольно прервал меня мужчина. — Но помочь с продажей вам по силам?

— У нас есть связи с несколькими аукционами в Англии и в Бельгии. — вовремя пришел мне на помощь Марк Абрамович. — Но обещать что-то конкретное, как вы понимаете, по известным причинам мы пока не станем. Предлагаю для начала осмотреть полотна, оценить их и сделать коммерческое предложение коллегам. А дальнейшее уже будет зависеть от того, смогут ли они удовлетворить ваши требования. — мой помощник сложил руки домиком и посмотрел на блондина.

Наш ответ и отсутствие явной заинтересованности того определенно не удовлетворили.

— Что ж, могу я просить вас пойти навстречу и заняться моим делом безотлагательно? — после короткой паузы продолжил давить на нас Игорь Викторович. Своим подходом к делу он мне слегка напомнил Соболева. Или бронетранспортер.

— Хорошо, мы сегодня же вышлем искусствоведа. — легко согласилась я: с неприятными делами, согласно моим жизненным принципам, следует расправляться в первую очередь.

— Мария Аркадьевна, я бы хотел, чтобы картины смотрели именно вы. — во взгляде блондина читался ничем не прикрытый вызов. С каких это пор мы с ним соревнуемся?

— Почему? — подняла я подбородок.

— Мне рекомендовали именно вас. — мужчина попытался смягчить впечатление улыбкой. — Не буду пересказывать все дифирамбы, но в них было только хорошее.

Ага-ага, так я и поверила: в городе без году неделя, работаю и того меньше, а меня уже отрекомендовать кто-то умудрился. Ну если только Соболев... Вероятность чего неумолимо стремится к нулю.

— И кто же рекомендовал, позвольте узнать? — не повелась я на лесть. Правда смотрелся мужчина, сидящий напротив, весьма привлекательно, а уж с белозубой улыбкой на фоне загорелой кожи... Так и хотелось исполнить любой его каприз. Но мне повезло заглянуть поглубже, и то, что я там обнаружила, свело все потуги мужчины по впечатлению простоватой управляющей на "нет".

— Он предпочел сохранить инкогнито. — не сдал информатора блондин.

— Хорошо, я посмотрю картины. — пришлось согласиться мне, при данных обстоятельствах желание клиента — для сотрудника галереи закон.

— Возьмите с собой Андрея. — предложил зам. Видимо наши ощущения относительно блондина оказались весьма схожими. — Он у нас спец по современному искусству. — пояснил он для клиента.

— Так и поступим! — с облегчением выдохнула я.

Присутствие рядом мужчины, хотя двадцатипятилетнего Андрея subtilной комплекции таковым назвать можно было лишь с натяжкой, добавляло спокойствия. И разбаловали же меня Соболев с Лехой...

Доехать до места Игорь Викторович предложил на его машине, а я возражать не стала. Это всяко лучше, чем ехать с таксистом или сотрясаться в толпе случайных попутчиков на общественном транспорте. К тому же с нами будет Андрей, так что можно не опасаться, что блондин вдруг решит по дороге в какой-нибудь лесок свернуть. Однако, высоко я ценю свои прелести...

Игорь Викторович любезно распахнул передо мной пассажирскую дверь явно

новенькой "БМВ", и я поняла, что выбор места мне не предоставлен, придется ехать на переднем сиденье, в непосредственной близости от не внушающего доверия клиента. Я еще раз мысленно возблагодарила Абрамыча, предложившего взять с собой Андрюху.

Не плохо было бы, конечно, позвонить Егору и предупредить, что отъеду по делам, но телефон как на зло остался заряжаться в кабинете, где я его столь легкомысленно бросила перед тем, как отчалить на обед. А вернуться за аппаратом не позволила лень-матушка, прикрытая отсылкой на всем известную плохую примету. Попросить сотовый у блондина, чтобы поворковать с женихом, я сочла неприемлемым и даже непрофессиональным. Егор сразу же начнет выпрашивать подробности, а оправдываться при клиентах — только авторитета лишаться. Чего я, разумеется, себе позволить не могла.

Вот так я и рассуждала, глядя в окно, пока мы ждали второго искусствоведа. Блондин сидел молча и барабанил в нетерпении пальцами по рулю, сосредоточившись на собственных, видать не радостных, мыслях. С разговорами в душу не лез — и то хорошо.

Андрей появился минут через пять, и мы спешно отчалили. Ехать пришлось недолго, и уже через пару-тройку перекрестков мы сворачивали в смутно знакомый двор. А когда я увидела светло-бежевый дом с лепниной, поняла, почему места показались мне знакомыми. В этом доме я уже бывала. Вместе с Егором мы приезжали сюда навестить Машкова. От воспоминаний о странном старике и его помпезном донельзя жилище меня аж передернуло. Не добавил настроения и тот факт, что я без ведома Егора нахожусь в столь непосредственной близости от нашего подозреваемого номер один.

Борисов, тем временем, заглушил мотор и, обойдя машину, галантно помог мне выйти. Андрюхе таких почестей не досталось, и парень выбрался из автомобиля самостоятельно. Да и навряд ли он ожидал чего-то в этом роде.

Проживал блондин в соседнем с Машковским подъезде, так что чувства де жа вю у меня не случилось. Взбираться по крутым ступенькам, пусть и обрамленным коваными, радующими взор, перилами, на третий этаж, скажу я вам, — удовольствие ниже среднего. Зато для здоровья полезно — нашла я положительную сторону в ситуации, пока смотрела, поднимаясь, в широкую спину Борисова. А точнее, чуть ниже.

На этаже тот отпер металлическую, закрытую аж на три замка, дверь — картины он что ли бережет, или другие какие богатства? Квартира у блондина оказалась обставлена в стиле хай-тек: прямые линии, контрастные чистые цвета, современные материалы и минимум декора. Тем не менее, помещение выглядело довольно обжитым и уютным. Может у него женщина есть? Потому что редко встретишь одинокого мужчину, придающего значение обстановке "холостяцкой берлоги".

Коридора здесь, как такового не было: переступив порог квартиры, входящий сразу же попадал в просторное помещение, служившее одновременно прихожей, холлом и, как я поняла, гостиной. Шкаф для верхней одежды скрывался за зеркальными панелями сбоку от входа. Разуваться здесь не предполагалось.

Лицезреть столь современный интерьер в доме с более чем пятидесятилетней историей, надо сказать, было на редкость неожиданно и слегка выбивало из колеи. Это как прийти в гости в "хрущевку" и обнаружить там пентхаус с бассейном на крыше. То ли дело квартира Машкова — вот уж чье жилище соответствовало духу сталинской постройки практически до слез. Из-за того, что квартира Борисова оказалась в том же доме, что и Машкова, да еще и на том же этаже, я никак не могла перестать сравнивать два столь разнящихся жилища.

— Чай, кофе? — любезно предложил хозяин, пока я стягивала куртку.

— Спасибо. — покачала я головой. — Давайте уж лучше приступим к картинам. — задерживаться в гостях у подозрительного типа дольше необходимого я не планировала.

— Уверю, вы сами не знаете, от чего отказываетесь. — улыбка на лице блондина была сродни улыбке змея-искусителя.

Но я сдержалась:

— И тем не менее. — холодно улыбнулась я в ответ, слегка поведя подбородком.

— Что ж, ваше право. — Игорь Викторович широким жестом пропустил меня вперед и повел вглубь квартиры. Дверям здесь везде, где можно, предпочитали широкие сквозные проемы. Поэтому я даже немного удивилась, когда мы остановились перед сплошной дверью металлического цвета. Со словами: "прошу" блондин распахнул створку и щелкнул находящимся на внутренней стороне стены выключателем.

— Это что, кладовка? — нахмурилась я, оглядывая небольшое помещение, сплошь заваленное хозяйственным скарбом. Ценными полотнами тут, ясное дело, и не пахло.

— Проходите, Мария Аркадьевна, не стесняйтесь. — вдруг злобно оскалился Борисов.

Выглядел он жутко: странно горящие глаза, враждебная улыбка и расслабленная поза. Я отрицательно помотала головой и стала потихоньку пятиться назад. Вот везет же мне на психов! А у них ведь по весне обычно обострение... Надо как-то попытаться дать знак Андрюхе.

Но никаких знаков подавать не пришлось: парень, стоящий позади, вероломно заломил мне руки, выхватил сумку и силой запихнул в кладовку. Я пролетела несколько метров и натолкнулась правым боком на бак с грязным бельем. Фууу!

— Ребята, вы что, не в себе? — повернулась я к похитителям.

Верить в то, что со мной происходит опять какая-то ерунда явно криминального характера, мозг категорически отказывался. Скорее я рассчитывала, что парни извинятся, признают, что были не правы, и отпустят меня восвояси — читай домой к Егору.

— Заткнись и сиди тихо. — злобно выплюнул уверенный в собственной безнаказанности блондин. — А не то проведешь ближайшие сутки с заткнутым ртом и привязанной к батарее.

— Андрей, а тебе-то это зачем нужно? — попыталась я достучаться до предателя. — Егор меня все равно найдет. Подумай, что с тобой потом будет.

— И ты думаешь, что Соболеву есть до тебя дело? Ему как раньше не было дела до своих шлюх, так и сейчас нету! — картинно рассмеялся Борисов, запрокинув голову.

И как он смог так долго прикидываться нормальным? У него же все признаки серьезного психического расстройства налицо. Куда только родные смотрят?

— Вас ведь через Абрамыча найти — раз плюнуть. — продолжала я вести бесполезную беседу, а сама тем временем осматривала помещение на предмет боевого оружия. Ну или чего-нибудь, что бы могло на эту роль сгодиться.

К сожалению, убогая обстановочка ничем порадовать не смогла. Разве что грязные носки использовать, но вряд ли я смогу ими нанести противнику сколько-нибудь серьезный урон. Из совсем уж фантастического: сыпануть им в глаза горсть стирального порошка и выбираться напролом.

— Вот и пусть едут к Борисову. — нарисовал блондин кавычки. — А Андрюха подтвердит, что картины вы осмотрели, а потом разъехались по домам. — весь вид "Борисова", оказавшегося вовсе не Борисовым, а фиг знает кем, показывал, что чувствовал тот себя абсолютным победителем, хитрейшим хитрецом и мудрейшим мудрецом

одновременно.

И как водится, по левую руку злодея стоял с "всегда готов!" видом прихлебатель-энтузиаст. Глаза бы мои этих двоих не видели, тоже мне "Япончики" местного разлива отыскались!

Я прикрыла глаза, сделала вид, что сдаюсь, и присела на корточки, попутно сунув руку в контейнер с порошком. Надеюсь, стирают здесь чем-нибудь термоядерным. В следующую секунду я резко выпрямилась, выкинула руку в сторону двери и, пригнувшись, рванула вперед, ощущая себя кем-то средним между игроком в регби и одним из титанов рестлинга.

— С-с-сука! — зашипел "Борисов", когда я неизвестно каким чудом смогла-таки сбить его с ног, и стал тереть слезящиеся от стирального порошка глаза.

А я, не оглядываясь, прыгнула вбок и устремила вперед. Но бой был не долгов. Через пару метров Андрей, на поверку оказавшийся самой натуральной "крысой", обхватил меня сзади и поволол обратно. Сопротивлялась я изо всех сил, но, несмотря на худошавую фигуру, парень был все же гораздо сильнее меня.

— Жилистый какой! — пыхла я, пытаюсь хотя бы проткнуть ногу противника каблуком.

В конце-концов, Андрей подтащил меня к кладовке, попутно ткнул лицом в дверной косяк и зашвырнул обратно в помещение. За спиной тут же хлопнула дверь — явный признак того, что продолжать беседу похитители не намерены, — и раздался звук поворачивающегося ключа. Я лежала с раскалывающейся от боли головой и ощупывала себя на предмет возможных повреждений.

— Ублюдки! — зарычала я, нащупав намечающуюся шишку аккурат на месте недавно зажившей. — А ты, Андрюшенька, береги яйца, я их тебе плоскогубцами выкручивать буду и паяльником протыкать! А потом татуировку "Тут была Маша" на память оставляю. А для тебя, блондин, любитель хай-тека, я что-нибудь посовременнее придумаю. Только попозже. — простонала я, так как из-за пульсирующей боли по центру лба гнев быстро перешел в стадию жалости к себе.

Кое-как я поднялась на дрожащие после выброса адреналина ноги и еще раз осмотрелась: помещение мне досталось метра два на три с половиной, вдоль длинной стены расположился стеллаж с полупустыми полками, возле стены напротив расположились ведра, швабры и моющий пылесос "Керхер". Короче, удобств — ни на грош. В рейтинге "Top Hotels" я бы им и ползвезды не поставила.

В порыве бессмысленной надежды я подошла к двери и на всякий случай подергала. Как и следовало ожидать, та оказалась надежно заперта.

Кому вообще в доме нужна запирающаяся кладовка? — недоумевала я, попутно оглядывая содержимое полка.

Из кучи чистых полотенец удалось соорудить практически королевское ложе — не на голом же полу время коротать. Застужу себе чего-нибудь, а мне еще детей Соболеву рожать надо. Вариант, при котором я сгину навсегда, и Егор достанется Марининой дочке, я не рассматривала даже чисто гипотетически. То ли из сильного желания жить, то ли из сильной неприязни к Марине...

Тесные брюки я решила скинуть и облачилась в один из висящих на стене гостевых кипенно-белых халатов. Потом подумала, что мало ли что похитителям может в голову взбрести, и переделалась обратно. Расстегнутая пуговица на талии — единственная поблажка, которую я себе позволила. Уж ее-то застегнуть я всегда успею.

От нарочито небрежной прически, призванной скрыть зарастающую лысину, осталось нечто невразумительное и съехавшее на бок, так что волосы я решила распустить. А при мысли, смогут ли злодеи вопреки всему позариться на женщину с подобным чудом на голове, гадко ухмыльнулась.

Разбросанные по плиточному полу шпильки натолкнули на шальную мысль. Я резво подскочила с полотенца, схватила пару заколок и босиком подкралась к двери. Пару минут я изо всех сил прислушивалась к происходящему снаружи, старательно прильнув к створке ухом, но так ничего и не услышала. Либо у них тут могильная тишина всегда стоит, либо хозяин неслабо потратился на шумоизоляцию. Короче, я решила рискнуть и приступила к делу: сунула шпильку в замочную скважину и принялась ей елозить. Минут пять я накручивала заколку во все стороны, то ввинчиваясь внутрь, то стараясь держаться как можно ближе к краю. Можно смело утверждать, что своим подручным инструментом я исследовала все внутренности замка, не оставив неохваченным ни миллиметра поверхности.

Вообще, по фильмам и книгам у меня сложилось впечатление, что ничего через чур сложного в этом процессе нет: некоторые особо одаренные даже умудрялись скованные наручниками руки освободить, — что уж тогда говорить обо мне, человеке с высшим образованием... Но либо я совсем уж безрукая, либо в дверь этой кладовки оказался врезан на удивление стойкий к дамским шпилькам замок, но все, чего я добилась, было лишь скрябанье заколки о металлические внутренности. Никаких "собачек" или пружин подцепить изнутри не удалось. Но попытаться все же стоило. Я даже почувствовала себя слегка гинекологом...

От усердия я аж немного взмокла. Распущенные волосы тут же прилипли к шее, мысль о том, что часть облепивших влажную кожу волос принадлежала раньше не мне, а фиг знает кому (не хотелось бы думать, что трупу), окончательно вывела из себя, и я сдуру запихнула горсть шпилек в замок: пусть теперь попробуют меня вытащить отсюда! Раз уж я им так сильно понадобилась, придется не на шутку постараться. Сама не знаю почему, но чувство самосохранения в тот момент отсутствовало напрочь.

В конце-концов идеи, как бы еще усложнить жизнь похитителям, закончились, и я улеглась обратно на импровизированное ложе. Полотенца оказались мягкими и пахли на редкость приятно.

"С кондиционером, наверное, стирают" — подумала я и незаметно провалилась в сон: видимо стресс взял свое.

Проснувшись я от немилосердной рези в животе, и даже смена позиции не помогла. Что поделать, естественные потребности пленникам никто не отменял.

— Эй вы там! — принялась я барабанить в запертую дверь.

Но ответа ни через минуту, ни через пять не дождалась. Вымерли они там что ли? Наручные часы показывали два часа ночи, и стало ясно, что если я хочу остаться с сухими штанами и непопраным чувством собственного достоинства, шуметь мне нужно основательнее. Вот прямо так, чтобы у соседей возникло желание участкового вызвать. Самой массивной вещью, которую мне любезно оставили, оказался желтой с черным расцветки пылесос. Так что я, не особо заботясь о чужом имуществе, подняла машину и насколько могла сильно бросила в дверь. Ну как бросила, скорее толкнула. Потом отволокла за шланг обратно. Опять толкнула. И повторяла действия до тех пор, пока пластмассовый корпус не раскололся на несколько кусков. После этого я взяла металлическую трубу и принялась изо всех сил молотить по полотну двери. Вот теперь звук был, что надо.

После где-то минут двадцати усердной работы на двери появились лишь царапины, а снаружи — никого. "Из чего, блин, сделана эта дверь?" — возмущенно подумала я и продолжила сей нелегкий труд.

— Угомонись, бл@дь, уже наконец! — донеслось возмущенно с той стороны двери, и я заорала, что было мочи:

— Я в туалет хочу!

— Твои проблемы, гребаная идиотка! А будешь дальше шуметь, я тебя нахрен свяжу и рот кляпом заткну! — спросонья блондин был не в духе.

— Так с пленниками не обращаются! — обиженно крикнула я.

— Пошла не х@й. — послышалось снаружи под звук удаляющихся шагов.

"Ублюдок!" — проворчала я сквозь слезы и принялась искать подходящую тару.

В итоге я решила не церемониться, нашла на полке какую-то банку явно хозяйственного предназначения, высыпала ее содержимое прямо на пол и сделала свое черное дело. Выплеснуть бы им это под дверь, чтобы наружу протекло, да самой вонять будет.

Спать категорически не хотелось, а сидеть без дела в полной тишине — с моим характером смерти подобно. Я потому и в театр редко хожу: уж слишком долго там сидеть нужно в одной позиции, а иначе все вокруг недовольно шикать начинают. Тоже мне, ценители.

Куча какой-то белой ерунды, что я в негодовании вывалила из банки, навела на дельную, как мне на тот момент показалось, мысль, и я заняла себя тем, что стала методично разорять помещение: все содержимое банок, бутылок и коробок полетело на пол, на приличном расстоянии от моего царского ложа, конечно же. Оставшиеся халаты полетели туда же, надеюсь, бытовая химия разъест в них приличные дыры. Те полки, что смогла отковырять, отправились в ту же, растущую мне на радость, кучу. Все это дело я прикрыла сверху десятком полотенец, чтобы не дышать вредными испарениями.

Когда все, что можно, было выпотрошено и выкинуто, я принялась за стены. На мое счастье покрыты они были чем-то типа шпукатурки или матовой краски. Не знаю точно, как называется покрытие, но для "наскальной живописи" оно подошло просто идеально.

Теперь любой вошедший сможет полюбоваться похабными рисунками во всю стену,

матерными стишками, которые откуда-то всплыли в памяти, и просто разномастными расковырянными дырами. Все, что, мы с одноклассниками рисовали друг у друга в тетрадях и учебниках со времен седьмого класса, я изобразила на стене в меру способностей.

А когда под утро силы подошли к концу, я снова устроилась на полотенцах и провалилась в тревожный сон. Снилось мне ожидаемо какая-то ерунда: школа, двор, мальчишки, с которыми мы прыгали с гаражей, и отчитывающий меня за детское поведение Соболев.

Разбудили меня странные звуки, доносящиеся из-за двери: кто-то пытался отпереть ключом дверь и, не жалея сил и красноречия, матерился на все лады. Я довольно улыбнулась и посмотрела на часы. Первый час дня, что-то припозднились товарищи-похитители.

— Да е@анный же в рот! Кто-нибудь может мне сказать, что не так с этой дверью!

Похоже о культуре общения в стенах этой квартиры и не слыхивали!

— Отойди, дай я попробую. — раздался второй мужской голос, и ключ опять начал безуспешно терзать замочную скважину.

— Не получается. — сдался второй через несколько минут.

— Ты че там сделала, шлюха? — возмущенно взревел "Борисов" и долбанул со всей злости по двери. Да только та и не такой натиск выдерживала — проверено пылесосом.

Я лежала в прекрасном расположении духа и безмолвно пялилась в потолок.

— Надо болгаркой пилить. — подкинул кто-то идею.

— Так, бл@дь, и пи@дуй за этой своей болгаркой. — свирепствовал блондин. — А ты, слышь сука, молись! — это уже видимо мне. Я поморщилась: в состоянии стресса казавшийся еще вчера интеллигентным блондин явил всем истинный уровень собственной культуры.

В ожидании развязки я прикрыла глаза и, пользуясь последними спокойными мгновениями, стала вспоминать наши с Егором лучшие моменты. Вскоре улыбка из мечтательной превратилась в горькую, а из уголков глаз полились слезы, прокладывая себе путь по скулам, вдоль ушей и затем на шею.

С первыми звуками инструмента я поднялась, застегнула штаны и приготовилась, сунула ноги в туфли. Последним моим сюрпризом для похитителей станет золотистый дождик из банки, в которую те вынудили меня справить нужду ночью. Умирать, так с музыкой. А уж если они меня с целью выкупа похитили, то точно не пришибут, ради денег все вытерпят.

Как только фонтан из деревянных опилок закончился, и выпиленная часть двери упала вовнутрь, я, не глядя, плеснула из банки в проем и попала в шкафообразного головореза, которого видела первый раз в жизни. И хотя лично он меня вчера не обижал, как приспешник "Борисова" получил по заслугам. Под мой истерический хохот тот вытирал мокрое лицо, а приняухавшись, взревел:

— Сука! — и кинулся было в мою сторону.

Тут степенно подошел блондин и велел громиле пойти переодеться, чем оказал мне немалую услугу. После чего так же обстоятельно, как и шагал, намотал мои волосы на кулак и, уставившись прямо в глаза, процедил:

— Не была б ты мне нужна, дрянь, прикончил бы тебя прямо здесь и сейчас. И оставил бы валяться в луже собственной мочи.

Я смотрела в его совершенно безумные глаза и упрямо молчала.

— Ты че еще и линяешь? — удивленно разглядывал "Борисов" длинные пряди, оставшиеся в его руке. — От любовничка подцепила что-то? — мерзко заржал он, радуясь собственному остроумию, и повел меня на выход.

— Ага. Стригущий лишай. — выплюнула я, глядя на похитителя исподлобья.

Как-то сковывать мне руки или спускать до щиколоток штаны блондин не стал, ограничился лишь вновь намотанными на грубую пятерню остатками волос. Мол и так никуда не денусь. В торцевой комнате с одной лишь входной дверью мы остановились у сплошной стены и я непонимающе уставилась перед собой. Хотелось бы наградить недоуменным взглядом и блондина, но из-за тугой хватки головой было особо не пошевелить.

Тем не менее, ждать пришлось недолго: когда откуда-то сбоку раздался щелчок, и фальш-панель отъехала в сторону. Все вопросы отпали сами собой. Мы прошли сквозь узкий проход и оказались в богато обставленном холле. И вот тут уже мое сердце неприятно сжалось: обстановочка оказалась до боли, до жгучей рези в желудке знакомой. И настолько же отталкивающей. Я даже примерно могла предсказать, где и в чьей компании в скором времени окажусь. И отнюдь не оттого, что в свете последних событий во мне вдруг открылся дар ясновидения.

Мы прошли по коридору, достойному лучших поместий конца девятнадцатого века, и остановились у резной массивной двери с золотистой латунной ручкой. "Борисов" постучал и, не дожидаясь ответа, вошел в кабинет, толкая меня перед собой.

На обитой бархатом кушетке возлежал в царской позе Машков Виктор Иванович собственной персоной и потчевал себя любимого коньяком из старинной серебряной рюмки. Этикетка на рядом стоящей бутылке не дала шанса ошибиться с типом напитком.

"С его-то здоровьем еще только выпивать не хватало" — подумала я отстраненно.

Одет был Машков в шелковый темно-изумрудный халат, пижамные брюки того же цвета и сеточку для волос а-ля мафиози. Рядом стоял пузатый столик с закусками. Римские шторы на этот раз были подняты, и кабинет утопал в солнечных лучах, представляя во всем великолепии перед посетителями. Антикварная мебель и полотна известных классиков могли составить конкуренцию многим не очень богатым музеям. Все это должно было подчеркнуть статус владельца, но тщедушный старик смотрелся попросту жалко среди окружающего его монументального великолепия.

— Я так понимаю, именно эти полотна вы собирались мне показать для оценки, Игорь Викторович? — ядовито спросила я, не обратив внимания на присутствовавшего в помещении старика.

— Заткнись, мразь. — было мне ответом.

— Проблемы с женщинами? — хмыкнула я так, чтобы блондин услышал. — Могу что-нибудь посоветовать.

— Себе посоветуй, как в ближайшее время не сдохнуть.

Машков-младший тем временем под невозмутимым взглядом папаши усадил меня на стул и, как это не банально, приковал за руку к батарее. Потом вышел за дверь и вернулся с плоским прямоугольником, размером примерно с современный телевизор. Прямоугольник был обернут в подарочную бумагу и украшен несуразно пышным бантом сбоку. Пристроив эту ерунду у меня на коленях, торжественно провозгласил:

— С днем рождения, отец!

Дедуля сыновнего энтузиазма не разделил и с недовольным видом проворчал:

— Что за херню ты приволок?

Причем уточнить, что конкретно он обозвал херней, старик не потрудился.

— Подарок. — довольно ослабился блондин. — Наша картина, — содрал он обертку с прямоугольника. — И баба Егорчика. — он грубо повернул мое лицо к имениннику и стиснул пальцы на челюсти, от чего губы мои выдвинулись вперед буквой "о", а я стала похожа на рыбу.

Что за полотно скрывалось под бумагой, я могла сказать, не глядя. Когда "Борисов" снял тяжелую раму с моих колен и приставил к соседней стенке, моим глазам предстали крупные, как будто акварельные мазки украденного пейзажа. А приглядевшись повнимательнее к блондину, я поняла, кто же был изображен на видеозаписи с камер наблюдения. Сынок Машкова собственной персоной. Ну просто "Бинго"! Интересно только, сделал он это по приказу папочки, или украсть картину было всецело его собственной инициативой.

— Ты смог удивить меня. — одобрил подарок папаша и, с трудом встав с кушетки, подошел поближе.

В первую очередь он уделил внимание картине.

— Элька довольна будет. Полотно со мной в могилу зароешь. — хрипло проговорил Машков и, стряхнув трясущейся ладонью старческие слезы, глухо закашлялся. А я сделала вывод, что дедуля — противник крематориев. Еще небось и отпевание грешной душеньки в церкви потребует.

Блондинчик тут же кинулся поддержать расчувствовавшегося папашу.

— А с этой что? — кивнул он в мою сторону, когда пристроил отца обратно на кушетку.

— Решу позднее, а пока пусть тут сидит. — отдышавшись ответил Машков.

Старику похоже и правда недолго осталось. С момента нашей последней встречи прошло чуть больше недели, а сдал он порядочно. Я задрала подбородок повыше и уставилась в потолок, благо посмотреть там было на что: одна золоченая лепнина чего стоила.

— Вели Дарье стол накрывать. — скомандовал дедуля и сын тут же шмыгнул за дверь.

Оставшись наедине с Машковым, я все так же пялилась в потолок, не желая обращать внимания на свихнувшегося под конец жизни старикашку. Его это ничуть не задело, так как вскоре со стороны кушетки послышался размеренный храп, больше похожий на сипение сдуваемой резины. Через какое-то время явилась дородная девица лет двадцати в строгой униформе и принялась тихонько сервировать журнальный столик, который на поверку оказался раскладным. Времени у нее это заняло порядочно, но работала девица так шустро и беззвучно, что спящий старик даже не пошевелился.

"Вот бы он сейчас во сне концы отдал" — малодушно пожелала я и нехотя себя одернула.

Дремал старик не более часа, а проснулся от очередного приступа кашля, душившего его изнутри. Тут же явилась Дарья и заставила Машкова выпить лекарства. Точно под дверью дежурила. После таблеток старик задышал полегче.

— Даже в собственный праздник донимают пилюлями. — пожаловался он. — Неужто не ясно, что все уже бесполезно. — махнул рукой и посмотрел на меня.

Я комментировать выпад сочла ниже собственного достоинства и лишь упорнее принялась разглядывать золотистые завитки, хотя шея и прикованная рука за все время порядочно затекли.

— Игоря позови. — скомандовал он Дарье.

Машков-младший явился, сияя как медный таз. Как будто это не у него отец в скором времени сыграет в ящик. Ну и семейка.

— Садись, отметим. — указал Виктор Иванович на венецианское кресло, стоявшее по соседству.

Сынок расселся по-хозяйски, широко раздвинув ноги, и принялся раскладывать по тарелкам деликатесы.

— Девушке тоже положи. — распорядился старик. — Она же не виновата, что на свою голову с Соболевым связалась.

"Это мы еще посмотрим, кто на чью голову с ним связался!" — так и хотелось возразить мне, но дискутировать с неприятелем я не стала.

Блондин щедро наполнил тарелку до краев и даже плеснул в бокал вина. Все это он поднес ко мне и примостил на подоконник. Освободить от наручника и усаживать с хозяевами за стол меня никто не собирался.

Поначалу я хотела от их подачи отказаться и упрямо продолжить пялиться в потолок, но запахи, идущие от тарелки, начисто лишили меня воли. Готовить в этом доме умели, и знали, как угодить хозяйскому желудку. Тем более, что ела последний раз я вчера в обед, и отведать угощение в данной ситуации будет более чем простительно.

"Имижд ничто..." — мысленно махнула я рукой и приступила к деликатесам. Краб, мидии, икра, буженина — Машков-младший, не скупясь, загрузил мою тарелку до верху. Вино оказалось под стать закуске, насыщенным и терпким, прямо как я люблю.

— За тебя, отец, за то, чего ты достиг, что ты построил при жизни. Ты — мой пример, и я костями лягу, но сделаю все, чтобы быть достойным тебя.

"Достойным бандитом" — уточнила я мысленно, пережевывая виноградину.

— Сегодня я окончательно убедился, что ты, сын, вырос именно тем человеком, которого я хотел видеть, — засипел дедуля. Было видно, что длинная речь тому дается тяжело: Машков все время делал паузы и прочищал горло. — человеком, способным продолжить дело моей жизни. Вижу, что ты сможешь удержать наш бизнес в руках и непустишь все то, что я построил с таким трудом, чем жил, по ветру. Легальная часть и так переходит к тебе по закону, что же касается наших неофициальных источников... Там, в столе бумаги, — закашлялся старик. — Принеси их.

Блондинчик бодро вскочил и потрусил, куда велено. Вернулся он с пухлой кожаной папкой, которую протянул отцу, и выражением полного удовлетворения на лице.

— Это тебе, там все подписано. — не стал брать в руки папку старик.

— Отец, ты не пожалеешь! — прохрипел Машков-младший, переполненный чувствами от оказанного доверия, и плюхнулся обратно в кресло, документы пристроил у подлокотника: готова поспорить, он теперь и спать с ними будет.

Дальше мужчины ели и пили в молчании, исполнившись важностью и судьбоносностью момента, не иначе. Мне же молчать и ждать неизвестно чего надоело, тем более что расправилась с угощением я довольно быстро, а обновлять тарелку мне никто не собирался. Да и выпитое одним махом вино добавило отваги и безрассудности.

— Послушайте, уважаемые, — развязно на манер подвыпившей шпаны обратилась я к мужчинам. — Я, конечно, рада, что у вас полнейшая идиллия, вы так достойны друг друга и все такое... Но я-то тут зачем сижу? Ваша Дарья посимпатичнее будет... Может я домой пойду, а?

— Нет, милая. — противно захихикал старик, вино уже и ему дало в голову, тем более

после коньяка. — Мы с тобой уйдем вместе.

— В каком это смысле? — не поняла я и нечаянно икнула. Тащиться куда-либо с не вызывающим симпатий стариканом не хотелось абсолютно. У меня даже почтения к его возрасту не наблюдалось, хотя обычно я очень уважаю пенсионеров, стараюсь им не перечить и место в трамвае уступать.

— А я объясню. — покивал сам себе старый хрыч и нырнул в воспоминания, как профессиональный дайвер под воду. — Была у меня дочка, Элечка. Хорошая, славная девочка. Ей тогда лет как тебе было. Институт должна была вот-вот окончить. Она на менеджера училась, хотела от жизни многого добиться. Это уже тогда в моде было. После смерти моей жены, Элечкиной и Игорюшиной мамы, дочка душой семьи стала. Готовила нам, все время что-то вкусное пекла. Пропали бы мы тогда без нее. — вздохнул Машков и, набравшись сил, продолжил. — Я полностью в работу погрузился, Игорек в себя ушел, а Эля, как могла нас тормошила, все время вместе собирала: в общем, не позволила нам отдалиться друг от друга и замкнуться каждому в собственном горе. А уж мы ее как любили, единственная же у нас девочка осталась. Баловали Эльку изо всех сил: постоянно что-то покупали, отправляли за границу... — старик замолчал, предавшись воспоминаниям.

Я тактично молчала и силилась понять, какое же имею отношение к этой без сомнения душещипательной истории.

— А в один далеко не прекрасный день дочка покончила с собой. — Машков так резко и неожиданно окончил рассказ, что я аж закашлялась. — Вскрыла себе вены прямо в нашей ванне. — пояснил он, как будто я мечтала знать подробности. — Но самое грустное выяснилось позже. — как ни в чем не бывало продолжил старик. — Эльвира оказалась беременной. А бойфренд, как их сейчас принято называть, на тот момент у нее был один. И имя ему — Соболев Егор Станиславович.

При звуке имени Егора у меня в ушах застучало, а на лбу и спине выступила испарина, словно я была столетней старухой и взялась не смотря ни на что пробежать марафон. А в голове было такое ощущение, как будто кто-то без предупреждения включил профилактику: белый шум и ни малейшей надежды на внятную картинку. Губы Машкова продолжали шевелиться, и я даже видела, что он что-то говорит, вот только услышать не могла. А в мозгу упрямо билась лишь одна мысль: Егор не может иметь отношения к истории с нерожденным ребенком и покончившей с собой от отчаяния девушкой.

— ...уже позже я узнал, что этот подонок признавать ребенка отказался, так же как и жениться на моей дочери. И если бы не он, наша Элечка была бы до сих пор с нами. — слух наконец вернулся и я смогла услышать окончание рассказа.

— Так значит я для вас — что-то типа орудия мести. — медленно проговорила я, по крупницам возвращая контроль над сбившимся дыханием. — И что вы собираетесь делать?

— Лишим его той, на ком он так опрометчиво надумал жениться вместо моей дочери. — мерзко захихикал старик, а я в этот момент поняла, почему люди утверждают, что старики — те же самые дети. Машков, этот беспринципный и прожженный жизнью воротила, действительно радовался как ребенок тому страшному факту, что собирался проучить обидчика, убив ни в чем не повинного человека. — Он отнял у нас дорогую женщину, а мы в ответ — отнимем у него.

— Око за око... — вставил блондинчик, как будто говорил о чем-то столь же безобидном, как обмен щелбанами.

В ответ я непонимающе моргала: одно дело попасть в передрагу с логичными

обстоятельствами, в которую обычно человек сам себя и загоняет, и совсем другое — попасть в лапы сумасшедшего старикашки, смертельная болезнь которого явно поразила, помимо прочего, клетки головного мозга. Процент на девяносто девять. Ясно одно — в память о безвременно погибшей дочурке отпускать меня живой Машков не собирается, а помощи от его сыночка ждать точно не приходится: против папаши тот не пойдет. Скорее собственноручно меня ужокошит, только бы лишний раз угодить могущественному родственнику. А кстати...

— А картину зачем было воровать? Вы ж ее спокойно купить могли. — решила я светски поболтать перед смертью.

— И упустить прекрасный шанс досадить Егорке и треснуть его шлюху по голове? — разоржался блондин, хотя раздавшийся звук скорее походил на скрип старой дачной калитки, которую некто зловредный взялся тягать туда-обратно. Похоже испускать мерзкие звуки вместо обычного человеческого смеха — семейная черта Машковых.

В общем-то примерно так Леха и говорил, кивнула я самой себе, радуясь, что хоть одной загадкой стало меньше.

— И так как время у нас не резиновое, предлагаю приступить к делу. — торжественно заявил Виктор Иванович, глядя в окно, где солнце уже готовилось начать свой путь за горизонт.

Верить в то, что сегодняшней закат я уже не увижу, я отказывалась категорически, поэтому неожиданно даже для самой себя выпалила:

— А как же последнее желание приговоренного?

Машков как-то по доброму рассмеялся и величаво махнул рукой:

— Ну говори.

К такому повороту я была не готова, потому ляпнула первое, что пришло в голову:

— Хочу принять ванну. — в полнейшей тишине раздался мой голос и я в досаде на саму же себя прикрыла глаза: ничего умнее не могла придумать?

— Хорошо, набери ей ванну. — услышала я и распахнула глаза.

Машков с довольным видом возлежал на кушетке — не иначе как упивался собственным великодушием, а изумленный сын сидел в кресле с такой ровной спиной, будто помимо своей воли проглотил нечто прямое и крепкое...

— Отец? — решением папаши блондинчик был явно недоволен.

— Пускай девчонка искупается. — махнул тот рукой. — А я устал что-то, отдохну пока. Двадцать минут в деле роли не сыграет.

Пару секунд Машков-младший не шевелился, сияясь прийти в себя, а затем стремительно встал, отстегнул меня от батареи и, грубо дергая, поволок на выход.

— Учти, если девка сбежит, тебе никакие документы уже не помогут. — донеслось нам в спину. Причем тон Машкова был настолько суровым, что я невольно съежилась и поняла, почему блондинчик так рьяно старался угодить папаше. А еще почему Егор упорно утверждал, что тот страшный и опасный человек, хоть и давно уже пенсионер. Даже будучи при смерти дедуля страху нагнать был способен.

— Не знаю, что ты затеяла, шлюха, но можешь быть уверена, ничего у тебя не получится. Уж я прослежу. — злобно прошипел конвоир.

А я про себя усмехнулась тому, что он мои умственные способности сильно переоценил. Во всяком случае сама я в нелепости и бесполезности собственной "предсмертной просьбы" не сомневалась.

Мужчина тем временем приволок меня в санузел, размерами как два моих рабочих кабинета, центральное место которого занимала белоснежная ванна на золотых тигриных лапах. Ну или львиных, не важно... Интерьер помещения соответствовал жилищу Машкова в целом и полностью подходил под определение "роскошно всем врагам на зависть". Блондин опять приковал меня к батарее, точнее хромированному полотенцесушителю и принялся набирать воду.

— А джакузи у вас нету? — я капризно поморщилась и изо всех сил постаралась удержать серьезное выражение лица.

— Вконец охерела? — праведно возмутился Игорь Викторович, а я не сдержалась и закатилась истерическим смехом — все-таки нервы давали о себе знать.

— Чокнутая. — в досаде покачал головой мужчина и, отвернувшись, продолжил заниматься делом. Хотя кто из нашей компании чокнутый, можно было сказать и без консультации психиатра.

В какой-то момент я буквально захлебнулась смехом и уставилась на струю воды, молясь о том, чтобы эта помпезная лохань никогда не набралась. Желание, конечно, было из разряда фантастических. Наконец блондин повернул латунные ручки и, отстегнув меня, тактично оставил одну. Наручник, тем не менее, продолжил болтаться на запястье, видимо как напоминание о неизбежном. Долбаный ублюдок! Чтоб ему попасть в тюрьму и стать там любимцем особо изобретательных верзил! Причем сразу нескольких...

Я сняла с себя одежду, превратившуюся за время заточения в кладовке в зачуханное тряпье, и с наслаждением опустила в воду. Температура была как раз та, что нужно для моих затекших мышц. "Знает, ублюдок, что женщине нужно" — против воли одобрила я старания блондина. "Значит и верзилам сможет угодить" — пришла я затем к кровожадному выводу.

Лежа в ванной я вздыхала и всей душой верила, что вот-вот, еще секунда, и послышится шум борьбы, дверь откроется от удара ноги, и Егор на руках вынесет меня отсюда.

— Время вышло! — пролаял из-за двери Машков-младший, а я обреченно подумала, что шум все-таки послышался, но не тот, о котором я молила.

Вытащив пробку, я встала посреди ванны и принялась вытираться любезно предоставленным полотенцем. Все тело налилось свинцовой тяжестью и весило как будто тонны три, а руки еле шевелились, миллиметр за миллиметром вытирая влажную кожу.

— Готова? — еще раз бухнул в дверь блондин.

— Еще минуточку. — ответила я на удивление хриплым голосом.

Не спеша я бросила полотенце на пол и, перешагнув через борт ванны, встала мокрыми ногами на пушистую материю. Вчерашнюю одежду надевать было слегка противно. "Ничего, совсем скоро будет уже все равно" — грустно хмыкнула я. Мокрые волосы скручивать в пучок и как-то прятать лысину я не стала, а просто откинула потемневшие от воды пряди за спину.

Дверь открылась, и в проеме показалось предельно сосредоточенно лицо Машкова-младшего. Вот уж у кого на редкость мерзкая рожа!

— Идем. — кратко приказал он мне, а я поняла, что не в состоянии сделать и шага.

То же самое понял и блондин, потому как, вздохнув, сделал несколько резких шагов и оказался прямо напротив меня.

— Давай без глупостей. — предупредил он, дернул меня за локоть и поволок на выход.

Я плелась за ним, не особо беспокоясь о том, чтобы вовремя переставлять ноги, то и дело спотыкаясь и пропуская мимо ушей все красочные эпитеты, которыми бандит меня награждал. Со стороны я скорее походила на безвольную марионетку, которая не торопится исполнить то, что приказывает кукловод. В конце концов блондин устал меня буксировать и взвалил на плечо. Я болталась как мешок известно с чем и даже не делала попыток ему помешать. С удивлением я обнаружила, что с моего лица что-то мерно капает на джинсы блондина. Поднеся непослушную руку к глазам, я поняла, что тихо плачу. А руки оказывается сотрясает мелкая дрожь. Чтобы отрешиться от происходящего ужаса я прикрыла глаза и стала мысленно просить прощения у всех, кого смогла вспомнить.

Несколько мимолетных мгновений, и я опять прикована возле окна недалеко от "царскоподобной" кушетки и ее обитателя. Машков с одержимостью, равной по силе которой я в жизни не встречала, не моргая смотрит на меня. Я чувствую себя добычей сумасшедшего ученого, а в окне загорается как будто в насмешку над тем, что меня ожидает, кроваво-красный закат. Мои руки все также неимоверно трясутся, так что приходится зажать их между коленей. В животе все свернулось тугим узлом, заставляя согнуться чуть ли не пополам. Деликатесы, скормленные мне несколько часов назад, с невероятной силой

просятся обратно, но я борюсь изо всех сил. Еще не хватало выблевать содержимое желудка себе на колени. Если б рядом стоял один из ублюдков, тогда пожалуйста...

— Ну вот и все! — торжественно произнес дедуля и взял со стола голубой пузырек, похожий на те, в которых парфюмеры хранят эфирные масла. Оглядев его и откупорив крышку, он принялся к содержимому, блаженно закрыл глаза, будто оттуда на самом деле дивно пахло, и продолжил: — Еще пара минут в запасе... Прекрасный вечер я выбрал, чтобы покинуть этот мир, не так ли? Никогда не был тем, кто покорно ждет, когда кто-то или что-то решит его судьбу. Всю жизнь выбирал свой путь сам, и, как видите, смог преуспеть и добиться успеха. Да, я многого достиг, но уходить мне отнюдь не жаль: мое дело будет жить в надежных руках сына, а дочь будет отомщена и душа ее наконец упокоится с миром...

Прямо на моих глазах разворачивался какой-то театр абсурда, на главную роль в котором я согласия не давала и вряд ли бы когда-нибудь дала. Блондин стоял по левую руку от отца и безмолвно разглядывал пол. Машков старший восторженно выдохнул и одним движением опрокинул в себя содержимое пузырька.

— Пора. — кивнул он сыну и блаженно улыбаясь развалился на кушетке.

Машков-младший схватил стоявшую в углу канистру, на которую я поначалу не обратила внимания, и отвинтил крышку. В нос ударил резкий запах чего-то горючего. Блондин принялся методично поливать пространство вокруг меня. Когда он приблизился вплотную, я выпрямилась, схватила его свободной рукой за рубашку и прошептала:

— Пожалуйста, не надо. — я с мольбой уставилась в его глаза, призывая, пока еще не поздно, очнуться и передумать.

— Заткнись. — процедил он сквозь зубы и вырвался из моей хватки. Не удивлюсь, если бы в тот момент в моей руке остался клочок ткани — с такой силой я в него вцепилась.

Меня затрясло еще сильнее. Чтобы не заголосить как деревенская баба, пришлось кусать до крови собственный кулак. От металлического привкуса во рту меня замутило еще сильнее, и недавний ужин все-таки вышел на свободу. Благо я успела раздвинуть колени. Похоже последнее, что я запомню, будут брызги собственной рвоты на парадных туфлях. Ох, не зря сведущие люди в гостях у врагов не едят...

У соседнего окна раздался звук чиркающей спички, и блондин картинным жестом кинул ее аккуратно на занавеску. А затем без слов покинул помещение, прикрыв за собой дверь. Дедуля к тому времени валялся уже без сознания, и я была единственная, кто смотрел, как занимается пламя, пожирая римские шторы, переходя на мебель, до которой было способно дотянуться, как чернеет наборный паркет, и как дым стелется под потолком.

Искусанный в мясо кулак уже не помогал, и я принялась орать во все горло и биться в наручнике, точно зверь, волею судьбы попавший в силки. Последним воспоминанием перед тем, как нырнуть в пустоту, стал странный шум за дверью.

Первым делом пришло понимание того, что я лежу. Глаза открываться категорически не желали, но я старалась вернуть над ними контроль. Спустя пару неудачных попыток я все-таки смогла приподнять веки, но добилась лишь того, что черный фон сменился мутно-белым. Пришлось вяло моргать до тех пор, пока сквозь вязкую пелену не начали проступать бесформенные пятна. Еще несколько минут ушло на то, чтобы окончательно проморгаться и осмотреться вокруг. Голова шевелиться не хотела, так что пришлось водить глазами по сторонам, жадно вбирая в себя детали окружающей обстановки. Итак, все, что я смогла охватить взглядом, это: белый потолок, светло-бежевые стены и занавешенное бирюзовой

офисной занавеской пластиковое окно. Меня тут же передернуло: ненавижу занавески!

В этот самый момент сокрушительным потоком нахлынули воспоминания. Радовало одно — на "мир иной" казенная обстановочка походила слабо, так что скорее всего находилась я в больнице. От осознания случившегося я невольно сглотнула и тут же чуть не лишилась сознания: боль в горле оказалась невыносимой. Правая рука шевелилась с трудом, поэтому ощупывать себя пришлось левой. Выглядела обычно ухоженная конечность жутковато: опухшая, вся в синяках и царапинах, местами даже заклеена белым хирургическим пластырем. Похоже именно эту руку я пихала в свой рот от отчаяния.

Так, голова вроде бы без повязок, но с какой-то пластмассовой хренью на весь нос и рот. "Кислород мне что ли подают?" Волосы на месте (по ощущениям — и свои, и заимствованные), на теле ничего лишнего не обнаружила, ноги слава Богу шевелятся, на правом запястье повязка, из вены торчит катетер. Чуть ниже пояса из-под одеяла выглядывает полупрозрачная трубка.

"Серьезно? Я что, настолько плоха?" — думать о грядущем периоде восстановления медицинской уткой в придачу не хотелось, и я прикрыла глаза: пожалуй, не ошибусь, если подумаю об этом позже.

Не знаю, как долго я так пролежала, прокручивая в уме события, чуть не ставшие для меня роковыми, но при звуке открывающейся двери пришлось от собственных воспоминаний, больше походящих на кадры фильма ужасов, отвлечься. Меня поприветствовал дядька в голубой униформе с добродушным лицом и пышной бородой цвета соли с перцем. Столь густая растительность — мечта любого современного юноши, желающего придать собственному облику брутальности. Но не думаю, что в случае доктора, то была дань моде. За спиной "бородача" маячили Егор и Леха с осунувшимися лицами. А я про себя присвистнула: "это ж если у них видок такой потрепанный, на что же я тогда похожа?"

— Добрый день, Мария Аркадьевна. На данный момент вы находитесь в ожоговом центре. Меня зовут Михаил Андреевич, и я ваш лечащий врач. Как вы себя чувствуете? — заговорил мужчина, переключая все мое внимание на себя.

Я постаралась ответить как можно более честно, но после длительной отключки оценить собственное состояние было затруднительно, тем более лежа.

— Эмм, правая рука болит, горло болит, ноги шевелятся. — выдала я охрипшим голосом все, что смогла. Маска мешала говорить, и доктор ее убрал. — А вообще это я у вас спросить хотела, насколько все плохо. — капризные нотки, проскользнувшие сами собой, заставили печально вздохнуть.

— Ну что вы, Мария Аркадьевна, у вас наоборот все очень даже хорошо. — с добродушной улыбкой ободрил меня доктор и похлопал по бедру, скрытому под больничным одеялом. — На ногах ожоги второй степени, площадь относительно небольшая, так что операция в таких случаях не требуется. Дыму вы наглотались порядочно, отсюда и маска. — кивнул он на отложенное в сторону приспособление. — Что касается правой руки, на особо глубокие порезы, не связанные с ожогами, пришлось наложить швы, отсюда и боль. Так что пару дней у нас побудете под присмотром, а потом мы сможем вас выписать.

— А это? — хмуро кивнула я на мочевыводящий катетер, будучи не в силах произнести при мужчинах унижительное название вслух.

— Ну вы же без сознания были. — с улыбкой пояснил Михаил Андреевич. — Теперь он вам не нужен, сестра придет, уберет. Еще вопросы?

— Да, а я могу ходить? — задала я стандартный вопрос, хотя на самом деле меня так и подмывало спросить, как в старом анекдоте, смогу ли я теперь играть на скрипке.

— Стопы не пострадали, так что да, с поддержкой и понемногу можете начинать. — не дождавшись новых вопросов, мужчина захлопнул пухлую папку с историей болезни и, попрощавшись, вышел, оставив нас в палате втроем.

— Отлично выглядишь. — поприветствовал меня Леха и приобнял настолько осторожно, словно чуть большего усилия мои кости бы не выдержали и осыпались прахом на ковер.

— Ну-ну. — хмыкнула я. Тем не менее заведомо ложному комплименту улыбнулась.

У Егора же пока слов не нашлось, и он просто молча разглядывал меня, аккуратно заключив лицо в свои ладони. Наверняка про себя думал, на кой ему такая проблемная невеста. Кисти у него оказались забинтованы, так что не я одна пострадала.

— Как ты? — наконец хрипло спросил он.

— На троечку. — попыталась я отшутиться, на что Соболев покачал головой.

— Маша...

От необходимости расписывать в красках, что где болит, меня освободила вошедшая медсестра. Выгнав мужчин за дверь, она споро избавила мой организм от катетера, отсоединила капельницу и поинтересовалась не желаю ли я перекусить. Почему-то захотелось теплого чая и булочку. Такую сдобную и с ванилью. Девушка пообещала принести, вот это я понимаю сервис!

Предвкушение скорой трапезы воодушевило и придало сил, так что вошедших с разрешения медсестры обратно мужчин я закидала вопросами.

Оказалось, в горячей комнате я провела совсем не много времени, так как мужчины с подмогой подоспели вовремя. Единственное затруднение возникло с наручником, но ключи быстро нашлись у не успевшего далеко уйти блондина. Так же меня спасло то, что я быстро свалилась на пол. А мокрые после купания волосы, накрывшие лицо как покрывало, не дали наглотаться дыма с летальным исходом.

Я в свою очередь рассказала обо всем, что узнала дома у Машкова.

— Значит все-таки месть. — покивал в такт своим мыслям Леха.

— Для старшего месть, — подтвердила я, — а для младшего — способ доказать, что достоин стать во главе папашкиной организации.

— Долбанутая семейка. — припечатал Соболев.

— Егор, скажи, ты правда бросил беременную Эльвиру? — вопрос я задавала нервно, уставившись на собственную грудь, будучи не в силах посмотреть в глаза мужчине. Хоть я и верила изо всех сил, что Егор так подло поступить не мог, но червячок сомнения все же имел место быть.

— Бросил. — подтвердил Соболев. — Если пару "раз" можно назвать отношениями. Элька была не из тех, кто встречается с кем-то одним. Так что чей был ребенок — большой вопрос, но уж точно не мой. Мы в одной компании тогда были: тусовки, выпивка, легкие наркотики. Я быстро понял к чему все идет и взялся за ум, учиться начал. А Элька так и осталась в том болоте, и ни к чему хорошему ее это не привело. — закончил Егор, а я с облегчением выдохнула: то, что на деле все оказалось не так грязно, как следовало со слов Машкова, по крайней мере для Егора, не могло не порадовать.

— Фууух. — выдохнула я и шутливо отерла лоб.

— Отлего? — тепло улыбнулся жених.

— Еще как. Только вот получается, что я опять ни за что пострадала.

Соболев принялся скрипеть зубами, а Леха предостерег:

— Не сыпь ты ему соль на рану. Он еще от прошлого раза не оправился.

Мгновение мы сидели в тишине, а потом разразились дружным хохотом. Медсестра принесла обещанный чай и булочки и с недоумением осмотрела нашу буйную компанию. Выпечка оказалась мне столь вкусной и ароматной, что я вгрызалась в сдобу с той же жадностью, что и крокодил к кусок мяса — в смысле, добытое фиг отнимешь! Чай так и остался стоять не тронутым. Мужчины хоть и выказывали явную заинтересованность булками, делиться тактично не просили, а я предпочла их интерес не замечать и справилась с произведениями местной столовки собственными силами. Похоже сильнейший стресс выкачал из организма все углеводы, и теперь я нуждалась в новом запасе.

Набив желудок под завязку, я с чувством выполненного долга откинулась на слишком уж удобные для больничной койки подушки и сделала приятный вывод, что палата у меня платная. Как и врач, скорее всего.

— А что у тебя с руками? — блаженно прикрыв глаза, обратилась я к Егору.

— Немного пострадали от пожара.

— И от лица Машкова-младшего. — с усмешкой добавил Леха.

— Ты что, его бил? — округлила я глаза. Хотя чему тут было удивляться: отпускать обидчиков с миром — совсем не в Соболевском характере.

Егор молча закатил глаза, а Петров ухмыльнулся:

— Во всяком случае есть теперь он сможет только через трубочку.

Я довольно улыбнулась.

— Вот бы его еще на зоне отпетушили. — мечтательно протянула я, будто говорила о поездке на море. Но испытывать сочувствие или хотя бы безразличие к человеку, собравшемуся сжечь меня заживо, я оказалась не способна.

— Ну и лексика, товарищ искусствовед. — покачал головой Соболев, но по смешинкам в его глазах могу сказать, что осуждать меня жених не собирался.

— Откуда в тебе столько кровожадности? — уважительно изрек Леха.

— Не я такая, жизнь такая. — отделалась я расхожей фразой и мы снова рассмеялись.

На этой радостной ноте Леха предпочел нас покинуть и отправился общаться с полицией, многообещающая встреча с которой мне еще только предстояла. Но пока, пользуясь собственным бедственным положением, я приближать эту встречу не стремилась.

Пользуясь тем, что мы с Егором остались наедине, я попросила его помочь добраться до туалета, благо санузел находился прямо в палате. Соболев, ясное дело, порывался помочь и внутри помещения, но был бескомпромиссно изгнан. Не хватало еще, чтобы жених мне помогал нужду справлять. Тем более, я еще не оправилась от катетера, торчащего прямиком из интересного места, и маячившего перед глазами изображения туфель, покрытых едва переваренным содержимым собственного желудка. Не удивлюсь, если нашли меня, лежащей прямо в зловонной луже. Интересоваться этим на досуге уж точно не стану во избежание вечной ненависти к себе. Ах да, и припишите туда еще банку с неизвестным содержимым, в которую я вынужденно "сходила" в кладовке.

Помещение приятно удивило наличием душевой кабины, но повязки на руке и ногах тонко намекнули, что воспользоваться душем в ближайшее время скорее всего не удастся. Я немного повздыхала, глаза на "запретный плод", и направилась мыть руки. Зеркало, повешенное над раковиной, не иначе как для того, чтобы угнетать пациентов, явило мое собственное отражение во всей красе. От чего у меня тут же зачесались руки, чтобы разбить поганую стекляшку. После случившегося я вообще стала какой-то не в меру агрессивной.

— Да блиин! — простонала я, кинув один только взгляд в зеркало: ярким пятном на бледно-сером осунувшемся лице выделялась насыщенно-малиновая шишка аккурат посреди лба.

Тут же со скоростью сторожевого добермана в помещение влетел Соболев, расценивший восклицание, как сигнал бедствия.

— Что случилось? Болит где-то? — он одновременно обнимал меня и оглядывал, будто пытался найти источник моего мучения по внешним признакам.

— Это. — я хлопнула носом и ткнула пальцем в шишку.

— Тебя расстроила шишка? — не совсем понял меня жених.

— Даааа. — заревела я, уткнувшись носом в жениха. — Опять такая же. А по-потом глаза заплывут. А е-еще я с лысиноооой. — стресс наконец взял свое, и я все-таки разрыдалась, выплескивая со слезами все пережитые недавно эмоции.

Егор гладил меня по голове и шептал, что до свадьбы обязательно заживет, что мы опять все вылечим чайными пакетиками и что я буду еще краше, чем прежде. В конце-концов, когда я стала уже икать от слез, он взял меня на руки, отнес на койку и напоил еще теплым чаем. Силы окончательно покинули мой организм, и я незаметно для самой себя провалилась в сон.

На ожоговом отделении я провела в общей сложности четыре дня, за которые только и делала, что спала, ела и смотрела телевизор. Каждый вечер приезжал Егор и уезжал, убедившись, что я уже крепко сплю. Пару раз ненадолго наведывался Леха и поднимал настроение чем только мог. Например, рассказывал, что грозит каждому из моих обидчиков. Я улыбалась и про себя потирала руки, пророча тем на редкость аморальных союзников.

Синяк конечно же сполз под глаза, и спитые чайные пакетики опять прописались на моей прикроватной тумбочке. Но то ли мне кололи какие-то странные обезболивающие, то ли во второй раз было уже не так обидно, глаза-щелочки не вызывали былого огорчения. Вообще все мое пребывание в этой палате было пронизано загадочным спокойствием и

апатией. Тем не менее, копаться в себе и выяснять, чем они были вызваны, не хотелось вовсе.

В день выписки погода стояла по-осеннему дождливая. Серые облака нависали низко над городом, периодически проливаясь дождем, и до боли напоминали осень в родных местах. Я облачилась в привезенные Егором джинсы, лонгслив и кожаную куртку и стояла посреди палаты, упершись взглядом в окно. Со второго этажа сквозь крупные капли и подтеки воды было прекрасно видно, как желтеющие деревья то и дело теряют лишённые жизненных сил листья под натиском ветра и непогоды. Я попыталась провести аналогию с собственной жизнью, но, как ни старалась, не могла. Не романтик я, видимо.

Судя по всему, моя личная черная полоса подошла к концу, и на носу висела ее белоснежная сменщица. Впереди ждали работа мечты, семейное счастье со всеми вытекающими... Однако, на душе было беспокойно. И еще беспокойнее было от того, что причину собственного непонятного беспокойства выяснить не удавалось.

— Готова? — от бесполезного копания в себе меня отвлек вошедший Егор.

— Да. — просто ответила я и, развернувшись, пошла на выход.

Личных вещей у меня с собой не было, а одноразовые, предоставленные клиникой, остались на попечение уборщицы. Без сумочки в руках было жутко непривычно и все время казалось, будто чего-то не хватает. Наверное, так себя чувствует курильщик, твердо решивший избавиться от вредной привычки и недоумевающий, чем бы таким занять руки. Лично мне пришли на помощь задние карманы брюк.

Егор пристроился рядом и, приобняв меня за плечи, направлял в нужную сторону. Встреченные по пути медсестрички учтиво улыбались и желали скорейшего выздоровления. Я же желала поскорее оказаться дома, так что право раскланиваться в ответ предоставила Соболеву. С чем он, надо заметить, справлялся превосходно. Еще и успевал между делом рассказывать мне о назначениях врача. Лечебные предписания я пропускала мимо ушей, взяв за основу исконно русское "само как-нибудь заживет".

Улица встретила нас прохладой и запахами сырой земли и мокрого асфальта. Не самое приятное приветствие, но все же несравнимо лучше коктейля из больничной еды, медикаментов и спертого воздуха палат. Егор раскрыл над нами зонтик, а я напялила на нос очки, висевшие до этого момента на воротах футболки и поморщилась от вопиющего диссонанса. Благо машину жених оставил недалеко, и сверкать затемненными стеклами под дождем на потеху прохожим мне пришлось недолго. В не успевшем за короткое время остыть салоне я блаженно растянулась на любимившемся сиденье и порадовалась тому факту, что Соболев нашел время забрать машину из сервиса.

Дорога до дома прошла в молчании. Егор, видя внезапно охватившую меня меланхолию, с разговорами не лез и растормошить не пытался: лишнее доказательство, что со спутником жизни я не ошиблась. За что огромное ему спасибо.

В квартире я все никак не могла найти себе места, как будто вошла туда в первый раз. Я то и дело перебирала вещи, слоняясь из комнаты в комнату и больше напоминала безмолвное привидение: ты живешь своей жизнью, оно — своей, но все же в твоих владениях кто-то присутствует.

Егор незримо ушел в сторону, давая мне заново освоиться на территории, и напоминал о себе лишь в те моменты, когда нужно было поесть или сменить повязки. Ах да, и приложить чайные пакетики.

— Тебе не обязательно сторожить меня. Если нужно, можешь ехать на работу. — обратилась я к Егору, сидящему напротив с тарелкой супа.

Он отложил ложку и поднял перебинтованные руки.

— Я на больничном. — пояснил он и хитро улыбнулся.

В ответ я рассмеялась и в порыве хорошего настроения съела всю тарелку. Такого аппетита у меня не было с тех пор, как я буквально за пару минут проглотила гору булочек сразу после того, как пришла в себя в больничной палате. Сейчас же казалось, что с того момента прошла вечность... Соболев это дело никак не прокомментировал, но я и так видела, что жених чрезвычайно доволен. Будто я была школьником, который без напоминаний сделал все домашнее задание, а не вполне себе взрослой женщиной.

Под вечер внезапно распогодилось, и Егор вытащил меня в парк. Идти с ним под ручку было умиротворяюще приятно. Гравий чуть слышно скрипел под подошвами кроссовок, а разноцветные листья, на которые я по-детски старалась не наступать, радовали глаз. Как в старые добрые времена мы болтали одновременно ни о чем и обо всем на свете, и если бы не бросающиеся в глаза повязки и очки на моем лице, можно было бы представить, что ничего плохого с нами не случилось.

У пруда Егор жестом фокусника вытащил пару кусочков хлеба и принялся крошить их местным уткам. Я с радостью включилась в забаву. Мы даже умудрились посоревноваться, кто точнее попадет птице в клюв. Нужно ли упоминать, что я с разгромным счетом проиграла? Зато утки остались довольны.

Дома, перед тем, как лечь спать, Егор включил какую-то глупую комедию, снятую в лучших традициях этого жанра, и два часа мы хохотали, лежа прямо в кровати: я искренне, а Соболев — слегка снисходительно. Уснула я в крепких объятиях жениха, который на жалобы, типа жарко и неудобно, не реагировал.

Складывалось впечатление, что Егор принялся наполнять наши будни простыми, приятными занятиями, лишь бы случившийся кошмар поскорее отошел на второй план и в меру сил забылся. Не удивлюсь, если, исчерпав все идеи, он спровадит меня на работу и загрузит парочкой "важных и неотложных" проектов. Ага, и надзирателя приставит, чтобы с чужими дядями и тетями куда попало не ездила, мало ли кто еще ему возжелает отомстить. Да и моих собственных неприятелей никто не отменял, хотя они в сравнении с Егоровскими и попроще будут.

Но, к сожалению, не всем его планам суждено было сбыться. И если бы кто-то поинтересовался моим мнением, то спонтанному семейному обеду со старшим поколением Соболевых я предпочла бы прогулки к уткам в любую непогоду и просмотр самых ужасных и скучных фильмов в самой неудобной позе, при всех включенных на максимум обогревателях, изнывая от жары, в обнимку с Егором. Под одеялом... Да я бы лучше вернулась обратно в больницу и круглосуточно отупело пялилась в потолок! Хотя против отца Егора я ничего не имела. Но вот его надменная, претенциозная любовница, с завидным упорством посягающая на большее, серьезно действовала на нервы. А они у меня с некоторых пор ни к черту...

То, что не выйти нам из дома в этот на удивление ясный осенний полдень, больше сгодившийся бы для поздней весны, я поняла по писклявому щебету, раздававшемуся в коридоре после того, как Егор впустил неожиданных гостей на порог. Как я уже успела заметить, визитная карточка Марины — являться к нам без приглашения.

Я тем временем стояла, склонившись над зеркалом в спальне, и наносила бафиком

последние штрихи, призванные скрыть болезненный цвет кожи под глазами. Отек практически сошел, так что я уже могла себе позволить выйти в люди без обязательного аксессуара в виде очков с непроницаемыми стеклами. Через пару минут вошел Егор и с постным видом сообщил, что нас зашли проведать его отец и Мегера. То есть Марина.

— Какой приятный во всех смыслах сюрприз. — воздела я глаза к потолку и даже не попыталась смягчить это дело улыбкой.

— Ждем тебя в гостиной. — понимающе хмыкнул жених и удалился.

Я закончила с лицом, но перед тем, как выйти к гостям, отправила одно короткое сообщение, призванное по моим расчетам сократить визит родственничков до минимума. Переодеваться не стала — простые джинсы и серая майка с изображением Микки Мауса для домашних посиделок вполне сойдут. Дверь, отделяющую приватную зону от общей, предусмотрительно захлопнула.

— Добрый день. — улыбнулась я присутствующим, войдя в комнату.

— Добрый. — царственно кивнула мне Марина и без стеснений просканировала с ног до головы, будто была не женщиной, а аппаратом для МРТ.

"Ну и манеры" — подумала я, переводя взгляд на отца Егора. Тот поднялся с дивана и тут же заключил меня в объятия. Крепкие и чем-то похожие на Соболевские.

— Рад, что вы оба в порядке. — тихо проговорил он мне на ухо и слегка потряс меня за плечи.

А я не знала, как на такой порыв реагировать, поэтому, малость застопорившись, пробормотала "спасибо". На помощь подоспел Егор. Он оттеснил меня от отца, похлопал того по спине и предложил всем чаю.

— Мы как раз утром пирог испекли. — со всем радушием добавила я. Судя по недоверчивым взглядам — зря.

И да, начало сегодняшнего дня мы действительно посвятили совместной готовке — еще один выполненный пункт в списке мероприятий нашего досуга. Хорошо хоть в сайтах с подробными рецептами сейчас недостатка нет, а то получилась бы знатная отравка. Готова поспорить, Марина именно так и подумала.

— Дорогая, я все никак не пойму, что у тебя творится с глазами? — приторно-вежливо обратилась ко мне Мегера, когда все расселись за столом. — Если хочешь, могу дать контакты своего косметолога — очень хороший специалист.

— Благодарю. — ответила я не менее слащавой улыбкой. — Но мой косметолог утверждает, что гнойный конъюнктивит эффективнее всего лечить с помощью чайных пакетиков. Прорыв в современной медицине. Действеннее всего Эрл грей.

В ответ женщина отодвинулась, насколько позволяла спинка обеденного стула, поморгала, но что сказать не нашла. Чашку со свежесваренным напитком брезгливо отставила в сторону, а к треугольнику яблочного пирога, лежащему на плоской квадратной тарелке и украшенному шариком мороженого, она так и не прикоснулась.

Спасением от неприятной компании стал входной звонок, и я, оставив нахмурившегося жениха с гостями, чуть ли не в припрыжку припустила в коридор.

— Леха, спасибо тебе! — с торжественным шепотом я кинулась на шею мужчине, еще ни разу не подводившему меня. — Надеюсь, твое приятнейшее общество заставит Мегеру поскорее убраться отсюда.

— Сделаю все возможное. — торжественно заверил друг и посмотрел мне за спину.

Как и следовало ожидать, там обнаружился Егор, решивший лично проверить, кого так

радостно побежала встречать его невеста.

— Маша вызвала?

— Ага, говорит надо ее от одной неуютной личности избавить... — пожал Петров протянутую руку.

— Ну да, ты ж в этом хорош. — двусмысленно хохотнул мой жених.

— Работа такая. — развел руками мужчина и мы отправились к гостям. В душе я ликовала — как все же поднимает настроение организованная для врагини гадость, пусть и маленькая.

— Станислав Ильич. — поприветствовал бывшего начальника Леха.

— Рад видеть, Алексей. — ответил тот. — Какими судьбами?

— Пока начальство на больничном, — кивнул он на Соболева, — трудиться приходится подчиненным.

— Смотри не перетрудись. — вставил Егор.

— Марина Леонидовна. Прекрасны как и моя жизнь. — Леха с абсолютно серьезным видом кивнул в сторону женщины и отвесил легкий поклон.

Глядя, как та переваривает сомнительный комплимент, я не удержалась и прыснула в кулак, за что удостоилась двух возмущенных взглядов: со стороны Лехи и со стороны Мегеры.

Пока я наливала Петрову чай и сдабривала его пирог мороженым, телефон вдруг подал сигнал о сообщении. Открыв входящие я нахмурилась и молча передала трубку Лехе: вообще-то я рассчитывала, что смс-ки с поимкой злодеев прекратятся. Мимика мужчины осталась неподвижной. Егор сидел слева от Петрова и, пользуясь случаем, заглянул в экран.

Мужчины оказались слишком сосредоточены на тексте, поэтому не увидели того, что госпожа Мегера впиалась в нас острым, как иглы дикобраза, взглядом, а затем, испросив прощения, со всей присущей важностью выплыла в коридор.

— Прошу меня простить. — я встала и, прихватив наполовину пустую чашку с блюдцем, отправилась следом за гостьей.

Та спешно рылась в дамской сумочке, оставленной на непонятно что изображающем дизайнерском комод, и была так увлечена, что даже не пришлось делать вид, будто я нечаянно споткнулась. Плеснув чай аккуратно во внутренности раскрытой сумки и немного на кисти дамочки — надеюсь, тот был еще достаточно горячий, — я рванула к ней и заверещала:

— Ох, Мариночка, простите! Хотела вам еще чаю предложить, и вот что получилось.

— Да отойди ты! — взвизгнула Мегера и попыталась меня оттолкнуть.

— Нет-нет, я помогу! — настаивала я и попутно теснила женщину в сторону от ее намокшей собственности, пока наконец не перевернула сумочку, и глазам подоспевших к представлению мужчин не предстало вывалившееся на пол содержимое.

— Ой, а зачем вам еще один телефон? Еще и кнопочный... — двумя пальцами я подняла из образовавшейся лужицы аппарат, а про себя молилась, чтобы он не оказался вконец испорчен чаем.

— Вы позволите? — протянул руку Леха и, не дожидаясь хозяйкиного одобрения, забрал телефон.

— Да я его у вас на лестнице нашла, хотела на обратном пути консержу занести. — Марина попыталась отнять трубку, но Петров не позволил.

— Не стоит утруждаться, Марина Леонидовна, мы передадим.

— Верните мне телефон. — чеканя каждое слово, процедила дамочка и в поисках поддержки уставилась на любовника.

Происходящего Станислав Ильич явно не понимал, но был не прочь разобраться.

— Конечно-конечно. — согласился Леха, но просьбу выполнять не спешил. — Кстати, вы в курсе, что последнее время Марии приходят сообщения с угрозами? Нет? Ну, естественно, откуда же вам знать. Так вот, — продолжил он, не переставая копаться в аппарате, — мы думали, что после похищения угрозы прекратятся. Ага. Но буквально несколько минут назад Марии пришло новое сообщение. — Леха взгляделся в экран и зачитал: "Убирайся. В следующий раз так легко не отделаешься".

Все уставились на побледневшую Марину.

— Я нашла этот аппарат на лестнице. — продолжала настаивать она, но голос у дамочки заметно дрожал.

— Марина, ты ничего не находила на лестнице. Мы поднимались вместе. — обратился к любовнице Соболев-старший, очевидно в ожидании объяснений.

И они не заставили себя ждать.

— Да, не находила. И что? Что в этом плохого? — Марина волком смотрела на отца Егора. — Я всего лишь заботилась о тебе и твоём сыне. Она же ему совершенно не пара, посмотрите на нее! Вечно побитая, ободранная какая-то. Ни манер, ни воспитания... А он еще и жениться собрался!

— Марина, спускайся в машину. — оборвал не к месту амбициозную любовницу Станислав Ильич и устало потер лоб.

Дамочка задыхнулась от возмущения, сузила глаза и, молча развернувшись, покинула квартиру. Входная дверь шарахнула с такой силой, что грохот должен был услышать даже консьерж, восседавший за стойкой аж двадцатью этажами ниже.

— Я... Прошу у вас прощения за все это. — отец Егора обвел пространство, где стояла Мегера, рукой, словно поясняя за что конкретно извиняется. — С Мариной сам разберусь, не думайте, что это сойдет ей с рук.

Егор сжал губы. Было видно, что дамочка его конкретно допекла, но вмешиваться в дела отца он не считал возможным.

— Отец, тебя и твой выбор я уважаю, поэтому к себе требую того же самого. — наконец ответил Соболев. — Впредь мы готовы общаться с тобой, но не с Мариной. И, учитывая обстоятельства, думаю, ты меня поймешь.

— Я тебя понял, сын. — мужчина протянул руку Егору. — Больше ее вы не увидите. И еще раз прошу прощения, особенно, Маша, у тебя.

Станислав Ильич обнял меня на прощание, пожал руку Лехе и отбыл вслед за Мариной. Надеюсь, обуздывать свою любовницу по полной. Как только за ним закрылась дверь, в тишине коридора раздались короткие неторопливые аплодисменты и Леха торжественно объявил:

— Мое почтение, Мария Аркадьевна. Как ловко вы вывели злодейку на чистую воду.

— Да, это моя женщина. — поддержал друга Соболев.

— Пойдем ко мне в отдел работать, чего тебе в его галерее гнить? — кивнул в сторону Соболева Петров.

— Придурки. Чтоб я еще хоть раз с вами за компанию во что-то впуталась! — проворчала я, впрочем абсолютно беззлобно, и уже собралась уходить, как у мужчин синхронно подали сигнал телефоны.

Егор отвлекся на короткий разговор, а Леха вник в пришедшее сообщение. А потом они оба посмотрели на меня. И выражения их лиц не предвещали ничего хорошего: смесь сочувствия и нежелания приносить плохие новости.

— Ну что там! — поторопила их я.

— Твои родители в аэропорту.

— Да что ж ты будешь делать, не одно, так другое! — всплеснула я руками, от чего подобранная с пола чашка разбилась о стену, а по коридору прокатился залп мужского басистого хохота.

Как бы то ни было, нужное решение ко мне пришло быстро, заставив аж подскочить на месте.

— Егор, ты же меня любишь? — обратилась я к жениху, медленно на него наступая. Глаза мои горели решимостью и уверенностью в собственных действиях.

— Конечно. — подтвердил тот не без опаски, оглядываясь в поисках поддержки на друга.

— И давно в отпуске не был?

— Года полтора...

— А хочешь в свадебное путешествие?

— Чего? — мужчины синхронно выпучили глаза, от чего сделались похожими на рыбу-телескоп.

— Егор, ну давай распишемся и улетим на море, а? Прямо сейчас... — подлетела я к Соболеву и с надеждой заглянула в глаза.

— Я организую. — поддержал меня Леха и хитро глянул на попавшего в ловушку друга

— А я-то все думал, как бы ее уговорить. — хмыкнул Егор и покрепче стиснул меня.

На то, чтобы метнуться в комнату за паспортом и вернуться в коридор, у меня ушло секунд пятнадцать. Будущий муж к тому моменту уже был обут и раздавал указания по телефону. В порыве чувств я кинулась на шею Лехе, а он тут же выпроводил нас за дверь с доброй усмешкой и обещанием как следует встретить родителей. В других обстоятельствах эта фраза меня может быть бы и испугала.

Вышагивая за руку с Егором к его автомобилю под все еще теплыми золотистыми лучами, я чувствовала, как мир вокруг мне улыбался, а я улыбалась тому, что могу себе позволить покинуть квартиру и отправиться на встречу чему бы то ни было, захватив лишь паспорт, в компании самого надежного на свете мужчины.

Больше книг на сайте - Knigoed.net